

ISSN 0132-1366

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

2
1990

• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

МАРТ — АПРЕЛЬ

СОДЕРЖАНИЕ

2

1990

<i>Новопашин Ю. С.</i> Реальный социализм и самоопределение наций	3
<i>Стьякалин А. С.</i> Борьба за демократизацию школьной системы Венгрии в период народно-демократической революции	13
<i>Чуркина И. В.</i> Вук Стефанович Караджич и Михаил Федорович Раевский	24
<i>Данченко С. И.</i> Русская журналистика о Сербии и русско-сербских отношениях (1885—1903)	33
<i>Софронова Л. А.</i> Еще раз о проблемах истории культуры	44
<i>Русановский В. М.</i> Функции языка и задачи социолингвистики	53
<i>Николаева Е. К.</i> Польские устойчивые сравнения с мифологическим компонентом	61
<i>Гиндин Л. А.</i> Обряд погребения Атилы (Iord. XLIX, 256—258) и «тризна» Ольги по Игорю (ПВЛ, 6453 г.)	65

Из истории славяноведения

<i>Ненашева З. С., Хайретдинов Х. Х.</i> К пятидесятилетию кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ (Формирование концепции научной и учебной работы)	68
<i>Горяинов А. Н.</i> Славяноведы — жертвы репрессий 1920—1940-х годов: некоторые неизвестные страницы из истории советской науки	78

Сообщения

<i>Булатова Р., Чагаева Е.</i> Периодическое издание белградских археографов из Народной библиотеки Сербии	90
--	----

Люди, события, факты

<i>Матко П. М.</i> О Ярославе Гашеке и Кареле Ванеке	95
--	----

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В ЯНВАРЕ
1965 г.

МОСКВА
«НАУКА»

Обзоры и рецензии

Едемский А. Б. Политические уроки одного конфликта	99
Киршевская А. Н. Обманутые ожидания	101
Жуков А. В. М. Ф. Алефиренко. Теоретичні питання фразеології	103
Саникова О. В. L. Pełka. Polska demonologia ludowa	105

Заметки о книгах

Фрейденберг М. М. Медиевистика на страницах «Трудов» философского факультета в Задаре	108
Нежировский Е. Л. Б. Маринкович. Библиографија о нашем ћириличком штампарству, штампаријама и књигама XV, XVI и XVII столећа. Прва књига. «Мних Макарије от Чрније Гори» (XV—XVI)	109

Научная жизнь

Е. Н. 600-летие Косовской битвы (1389)	111
Фирсов Е. Ф. VI съезд чехословацких историков	112
Гранчак И., Зиморя Н. Памяти Ю. И. Венелина-Гуцы	115
Софронова Л. Диалог двух культур	117
Гаврюшина Л. Международная конференция «Литературные связи и литературный процесс» (методологические и сравнительно-исторические аспекты)	118
Ержакова М. И. Третий научный семинар по сорабистике	121
Анашьева Н. Е. О Международной конференции по смешанным и переходным диалектам на славянских территориях	124

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. ПОП (главный редактор), В. К. ВОЛКОВ, Р. П. ГРИШИНА,
А. А. ГУГНИЦ, В. А. ДЬЯКОВ, А. А. ЗАЛИЗНЯК, М. С. КАШУБА,
В. П. КОЗЛОВ, М. Н. КУЗЬМИН, Г. Г. ЛИТАВРИН (зам. главного редактора),
Г. Ф. МАТВЕЕВ, С. В. НИКОЛЬСКИЙ, Ю. С. НОВОПАШИН, А. Ф. НОСКОВА,
Л. Н. СМИРНОВ (зам. главного редактора), Л. А. СОФРОНОВА, Б. Н. ФЛОРЯ

Зав. редакцией *Е. В. Пономарёва*

НОВОПАШИН Ю. С.

РЕАЛЬНЫЙ СОЦИАЛИЗМ И САМООПРЕДЕЛЕНИЕ НАЦИЙ

До недавнего времени понятием «реальный социализм» или близким ему по смыслу понятием «мировая социалистическая система» охватывалось полтора десятка стран Европы, Азии и Америки (Куба). В связи с темой настоящей статьи речь пойдет только о Советском Союзе и странах Центральной и Юго-Восточной Европы.

В прошлом столетии и в межвоенный период XX в. регион Центральной и Юго-Восточной Европы, особенно Балканский полуостров, отличался чрезвычайной сложностью межнациональных и межгосударственных отношений. Бытовало даже такое определение, как «балканский вулкан». Социал-демократическое рабочее движение в странах этого региона, опиравшееся на марксистскую теорию, намеревалось, в случае прихода к власти, радикально изменить положение за счет беспрепятственной и полной реализации права каждой нации на самоопределение. «Освободиться от партикуляризма и ограниченности; уничтожить границы, разделяющие народы, частью тождественные по языку и культуре, частью экономически связанные друг с другом; наконец, свергнуть прямые и косвенные формы иноземного господства, лишаящие народ права самому определять свою судьбу», — эти задачи включил в свою программу, например, I съезд социал-демократических партий и групп европейского Юго-Востока, проходивший в Белграде 7—9 января 1910 г. А главная программная задача, вытекавшая отсюда, гласила: Федеративная балканская республика (цит. по: [1, т. VI, с. 28, 29]).

После победы Октябрьской революции и появления среди левого, коммунистического крыла рабочего движения надежд на повсеместное установление диктатуры пролетариата именно в той форме, в какой это произошло в России, т. е. в форме Советов, речь пошла уже не о федеративной демократической республике Юго-Восточной Европы, как способе объединения и сотрудничества свободных наций, а о федеративной советской республике. В резолюции I съезда Болгарской компартии (май 1919 г.) говорилось: «Социалистическая советская республика в Болгарии вступит в братский союз с соседними народами, чтобы создать Балканскую социалистическую федеративную советскую республику как часть Европейской и Всемирной социалистической федеративной советской республики» [2]. В программе компартии Югославии, принятой в том же году, отмечалось, что она как член Коминтерна «борется за свержение буржуазного строя и установление диктатуры пролетариата посредством создания Советской республики Югославии, которая войдет в советскую федерацию балкано-придунайских республик» [3].

Иначе говоря, идеологи и пропагандисты тогдашнего левого крыла

Новопашин Юрий Степанович — д-р филос. наук, заместитель директора Института славяноведения и балканистики АН СССР.

европейского рабочего движения, прежде всего партии российских большевиков, исходили из теоретического постулата о начавшейся мировой пролетарской революции. В ходе этой революции старый международный порядок, представлявший, по словам В. И. Ленина, «...всемирную систему колониального угнетения и финансового удушения горстью „передовых“ стран гигантского большинства населения земли» [4, т. 27, с. 305], должен был быть закономерно преобразован в более высокую со структурно-организационной и социально-исторической точек зрения систему межнациональных, международных отношений, которая в Программе РКП(б) представлялась в виде «федеративного объединения государств, организованных по советскому типу» [5, с. 398].

Однако реальность оказалась куда сложнее подобных предвидений. Концепция мировой революции в качестве научного прогноза ближайших и более отдаленных перспектив европейского и всего международного развития не оправдала себя. Ведь как, например, делал этот прогноз В. И. Ленин? В речи, посвященной третьей годовщине Октября, он подчеркивал, что «...мы и начали наше дело исключительно в расчете на мировую революцию» [4, т. 42, с. 4]. Выступая 11 июля 1921 г. на III конгрессе Коминтерна, Ленин о среднесрочных, так сказать, перспективах этой революции высказался следующим образом: «Европа беременна революцией, но составить заранее календарь революции невозможно. Мы в России выдержим не только пять лет, но и больше. Единственно правильной стратегией является та, которую мы приняли» [4, т. 44, с. 60]. Не сомневаясь в правильности стратегии мировой пролетарской революции, вождь большевиков приходил к твердому убеждению, что в результате реализации этой стратегии возникнет новая, федеративная форма международного общения, когда «...вокруг революционной России все больше и больше будут группироваться отдельные различные федерации свободных наций» [4, т. 35, с. 288]. Заметим также, что федерацию свободных наций Ленин считал «переходной формой к полному единству» [4, т. 41, с. 164], а говоря о более отдаленной перспективе, он неоднократно упоминал и о «слиянии наций» (см. [4, т. 30, с. 21, 22, 37, 45, 120, 121, 129]).

Л. Д. Троцкий, как бесспорный ленинский соавтор разработки концепции мировой пролетарской революции и один из наиболее последовательных ее сторонников, тоже немало потрудился на ниве прогностических выкладок развития этой революции. «Только диктатура пролетариата, — писал он, — способна ввести потребности национального развития в их естественные и законченные границы и соподчинить нации в единстве трудового сотрудничества: это и будет федерация Советских Республик Европы на основе свободного самоопределения населяющих ее народов. Другого решения нет. Этот союз будет направлен против Англии, если она отстанет в своем революционном развитии от континента. Вместе с советской Англией европейская федерация будет направлять свои удары против империалистической диктатуры Северной Америки до тех пор, пока заокеанская республика останется республикой доллара, — пока торжествующее хрюканье нью-йоркской биржи не перейдет в ее предсмертный хрип» [1, т. XIII, с. 13—14].

Эти рассуждения Ленина и Троцкого, а также других большевистских идеологов не выдержали проверки временем. Сегодня их нельзя назвать иначе, чем левацкими. И Ленин и Троцкий говорили о пролетарских, а не каких-либо иных по своему характеру революциях, что в применении, скажем, к Юго-Восточной Европе, с абсолютным преобладанием в тогдашних странах этого региона крестьянского населения, выглядело, быть может, радикально, но весьма и весьма проблематично. Кроме того, концепция мировой пролетарской революции по сути грешила сектантством, поскольку связывала новую государственность лишь с диктатурой пролетариата и только на советский манер. Иными словами, начисто отвергались идеи социал-демократического крыла рабочего движения об обеспечении максимально широкой общественно-классовой основы социалистической государственности и использовании ею парламентарно-

демократических механизмов, влияющих не только на форму, но и на само социально-политическое содержание этой государственности. Известно, что, выступая против подобных идей, Коминтерн длительное время отвергал и возможность сотрудничества с социал-демократами, облыжно обвиняя их в «парламентском кретинизме», «социал-предательстве», «пособничестве» фашизму. Ясно, что тем самым коммунисты отнюдь не способствовали преодолению раскола рабочего движения, солидарным действиям всех антифашистских, демократических сил.

Можно было бы развивать в критическом плане тему об идеологизированных и неоправдавшихся коминтерновских представлениях о скором крахе старого мира, например, о ленинском подходе в 1920 г. к таким ведущим капиталистическим странам, как Англия, Франция и США, в которых Владимир Ильич видел «...наполовину трупы, потому что жить по-старому они не могут, потому что тот класс, по воле которого они держатся — класс буржуазии, — сгнил», что он «подорвал свои собственные основы», «внутренне бессилён», представляет собой «класс гибнущий» [4, т. 42, с. 2—3]. Можно иронизировать над фанатичной верой Троцкого в скорое пришествие мировой революции, над его убежденностью, выраженной на страницах «Правды» в начале 1919 г., что, кроме федерации советских республик, «нет другого выхода и другого пути для народов Австро-Венгрии и Балканского полуострова. Советская Германия войдет членом в эту семью, которая месяцем позже или раньше включит в свой состав советскую Италию, советскую Францию» [1, т. XIII, с. 13]. И уж совсем в своих предвидениях Троцкий отрывался от реальности, когда выражал твердую уверенность, что коммунисты создадут в недалеком будущем братские отношения между всеми народами земли, превратят ее «в один цветущий сад, где будут жить наши дети и внуки и правнуки именно как в раю» [1, т. XVII, ч. 1 с. 187].

Однако пора от этих мечтаний о всемирной федерации свободных народов и их «райской жизни» при социализме перейти к реальной жизни и действительным отношениям тех европейских народов, которые после второй мировой войны приступили под руководством коммунистов к строительству нового общества. И здесь, как* говорится, не надо быть семи пядей во лбу, чтобы сделать вывод о существенных, принципиальных отличиях имеющегося исторического опыта от выдвигавшихся Лениным и Троцким теоретических схем.

В чем эти принципиальные отличия? В частности в том, что в условиях так называемого реального социализма не получилось более высокой системы международных, межгосударственных отношений, чем система взаимодействия и сотрудничества, скажем, западноевропейских народов и государств в условиях капитализма. Да, федеративное объединение народов и государств при социализме означало бы новый тип их отношений — в этом большевистские вожди были правы. Но мы-то до сих пор практикуем в социалистическом мире не этот действительно новый тип взаимодействия и сотрудничества народов и государств, а тот, который именуется мировой системой социализма и со структурно-организационной и социально-исторической точек зрения мало чем отличается от мировой системы капитализма как способа взаимодействия и сотрудничества несоциалистических народов и государств.

Размышляя над причинами того, почему не вышло качественно новых отношений между странами социализма, надо поставить вопрос: а какой социализм мы построили? В каком соотношении находится доморощенный новый строй СССР, стран Центральной и Юго-Восточной Европы с теми представлениями о социализме, которые были у Ленина, Троцкого, Бухарина и других руководителей большевистской партии? Решил ли реальный социализм удовлетворительно те этнокультурные, национальные и межгосударственные проблемы, которые служили ранее препятствием товарищескому доверию между различными народами, их сближению как внутри отдельных стран, так и в сфере взаимодействия последних?

Не претендуя на исчерпывающие ответы, укажу только на очевидное.

Ленинское определение социализма как живого творчества самих трудящихся масс, которое не могут заменить ни деятельность партии коммунистов, ни сколь угодно совершенный и преданный народу государственный аппарат, к реальному социализму в наших странах имеет весьма малое касательство. Наш социализм — это не народный, а государственный социализм, в котором главную и всепроникающую руководяще-творческую роль играет административно-командная по своему характеру деятельность правящей партии, а точнее — партийно-государственного аппарата. Удел масс — претворять в жизнь предначертания партии и правительства, т. е. лишь исполнять команды сверху.

Такая казарменно-коллективистская форма антидемократического, тоталитарного социализма впервые обрела свои зрелые, законченные черты в довоенном Советском Союзе. Она, как известно, была перенесена в страны Центральной и Юго-Восточной Европы в 1948—1949 гг. Именно тогда произошел инспирируемый И. В. Сталиным и его окружением поворот к настойчивым попыткам обеспечения, с одной стороны, единообразия политических, экономических и идеологических структур народно-демократических государств на базе централизовано-бюрократической советской модели, а с другой — руководящей роли ВКП(б) на основе безусловной поддержки компартиями мира позиции Коминформбюро по «югославскому делу», которое тяжело отразилось на всем коммунистическом движении.

Сталинистские системы, утвердившиеся в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в результате этого сектантско-догматического поворота, подверглись эрозии с середины 50-х годов. Мощные удары по ним были нанесены XX съездом КПСС, польскими и венгерскими событиями осени 1956 г. Однако сталинизм устоял. Он видоизменился, модернизировался, т. е. превратился в европеизированный неосталинизм и суть свою сохранил: административно-командный характер деятельности партийно-государственного аппарата, который до недавнего времени в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, а в Советском Союзе и по сию пору во многом подменяет и блокирует живое творчество народных масс, узурпирует, где возможно, права этих масс, их представительных организаций на осуществление функций власти и управления.

А коль скоро сталинистские режимы сохраняли до конца 80-х годов свои административно-командные позиции, вряд ли следовало ожидать удовлетворительного подхода к тем этнокультурным, национальным и межгосударственным проблемам, которые существуют, например, в румыно-венгерских, югославо-болгарских и албано-югославских отношениях и остаются нерешенными многие годы. Думается, подобные режимы в принципе не способны изменить положение к лучшему из-за своего унитарно-авторитаристского характера — антипода всякого национального самоопределения, всякой свободы выбора.

Исторический опыт свидетельствует, что подчас этот унитарно-авторитаристский характер проявляется у коммунистов довольно быстро, стоит им только из оппозиционной партии превратиться в правящую. Поучительно в этом смысле сравнить две партийные программы российских большевиков, т. е. Программу РСДРП, принятую на ее II съезде в 1903 г., и Программу РКП(б), утвержденную VIII съездом в 1919 г. В первой записано, что «РСДРП ставит своей ближайшей политической задачей низвержение царского самодержавия и замену его демократической республикой», конституция которой в числе важнейших прав и свобод обеспечивала бы «право на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства» [6]. Из второй программы принципиальное положение о признании большевиками права каждой нации; входящей в состав Российского государства, на самоопределение вплоть до отделения от этого государства, оказалось выброшенным. Взамен его появилось во многом другое, в основном пропагандистское: «В целях преодоления недоверия со стороны трудящихся масс угнетенных стран к пролетариату государств, угнетавших эти страны, необходимо уничтожение всех и всяких привилегий какой бы то ни было национальной группы,

полное равноправие наций, признание за колониями и неравноправными нациями права на государственное отделение» [5, с. 398].

Готовность большевиков согласиться в своей программе с правом колоний и других зарубежных неравноправных наций на государственное отделение — это далеко не то же самое, что признать право на национальное самоопределение вплоть до отделения именно от того государства, у кормила власти которого они стояли уже полтора года. Концепция мировой революции в то время господствовала среди большевиков безраздельно. «Во главу угла, — говорилось в программе 1919 г., — ставится политика сближения пролетариев и полупролетариев разных национальностей для совместной революционной борьбы за свержение помещиков и буржуазии» [5, с. 397]. Это требование в понимании российских большевиков и было основным содержанием классовых, интернационалистских интересов и принципов, безусловный приоритет которых над всеми иными интересами и принципами, в том числе и такими, как уважение независимости каждой нации, их право на самоопределение, представлялся тогда революционерам само собой разумеющимся. «Теперь, — говорил с трибуны VIII съезда РКП(б) Г. Л. Пятаков, — когда мы строим боевой Интернационал диктатуры пролетариата, Интернационал, который мы все мыслим как Интернационал централизованного, объединенного действия, в момент всеобщего восстания пролетариата в различных странах, которое возможно только как централизованное восстание, — нельзя допустить, чтобы пролетариат отдельных наций мог и имел право определять свою судьбу, свою линию поведения или свою связь с остальными восставшими частями рабочей партии самостоятельно и независимо. Для того и создается интернациональное объединение пролетариата, чтобы оно могло в каждом конкретном важном случае определять, каково должно быть решение с точки зрения революционного движения в целом» [5, с. 79].

Это характерное высказывание Пятакова — одного из тогдашних большевистских руководителей и идеологов наглядно показывает, какие настроения царили на VIII съезде, прошедшем под знаком упований на разгорающийся пожар мировой революции, под знаком ультраинтернационалистских лозунгов. Большинству из принявших участие в дискуссии по этому вопросу казалось, что интересам революционного движения в целом явно противоречит признание права наций на самоопределение или свободу выбора путей общественного развития. В. И. Ленин в своем заключительном слове по докладу о программе РКП(б) назвал Пятакова и других выступавших в том же духе «увлекающимися товарищами», которые страдают революционным нетерпением по части обеспечения интернационального хозяйственного и прочего единства. С присущей ему трезвостью он заметил, что «в национальном вопросе нельзя рассуждать так, что нужно во что бы то ни стало хозяйственное единство. Конечно нужно! Но мы должны добиваться его пропагандой, агитацией, добровольным союзом». В. И. Ленин обратил внимание на длительность процесса обеспечения интернационального единства. «В этом деле, — подчеркнул он, — мы должны быть очень осторожны. Осторожность особенно нужна со стороны такой нации, как великорусская, которая вызвала к себе во всех других нациях бешеную ненависть, и только теперь мы научились это исправлять, да и то плохо» [4, т. 38, с. 183].

Были, конечно, на VIII съезде РКП(б) и другие трезвые голоса, но отстоять с их помощью во второй партийной программе демократический принцип права наций на самоопределение не удалось. Господствовали другие, ультраинтернационалистские настроения, и большевики от этого принципа, по словам Г. Л. Пятакова, «с божьей помощью отказались», ибо он якобы «показал себя на практике, во время социалистической революции, как лозунг, объединяющий все контрреволюционные силы» [5, с. 78]. Кстати, через два года, на X съезде партии в том же духе высказался И. В. Сталин. В заключительном слове по своему докладу о национальном вопросе он выступил с критикой статьи Г. В. Чичерина «Против тезисов Сталина», опубликованной в «Правде» перед самым съез-

дом. «Третья ошибка т. Чичерина есть та, — заметил Сталин, — что он слишком много говорит о национальном самоопределении, которое действительно превратилось в пустой лозунг, удобно используемый империалистами. Тов. Чичерин странным образом забыл, что мы с этим лозунгом распространились уже два года. Этого лозунга у нас больше нет в программе» [7].

Что касается Сталина, его руководящей партийной и государственной деятельности после победы Октября, то унитарно-авторитаристская тенденция в ней с самого начала была абсолютно доминирующей. Уже через несколько месяцев после подписания при решающем участии Сталина Договора об образовании Союза ССР ряд делегатов XII съезда РКП(б) обратили внимание на произвол центральных ведомств, на унитаристскую по существу политику центра, превращающую в фикцию права республик. «Ни для кого не секрет, — заявил, например, Г.Ф. Гринько, — что не только в нашем советском аппарате, о котором мы достаточно много плохого говорили в последнее время, но и внутри нашей партии есть глубочайшая централизаторская инерция. И эта инерция давит, гнет, часто очень, ответственных руководителей наших и является одной из крупнейших преград для налаживания государственных взаимоотношений внутри Союза» [8, с. 503]. С большой обеспокоенностью говорил о том же Х. Г. Раковский, который подчеркнул в заключение, что «союзное строительство пошло по неправильному пути» [8, с. 582]. Н. А. Скрыпник бесстрашно назвал «едино-неделимым», сменовеховским «устремление наших советских аппаратов, которое теперь устанавливает т. Сталин» [8, с. 573].

К голосам этих и других представителей с мест президиум XII съезда РКП(б) не прислушался, «централизаторскую инерцию» в партии и государстве никто ни тогда, ни позднее и не думал преодолеть. Самостоятельность республик продолжала ограничиваться, их суверенитет был во многом формальным. Дело дошло до национального геноцида, бесчеловечной депортации целых народов в отдаленные среднеазиатские и сибирские районы страны. Гибло огромное количество людей в дороге и в местах высылки. Речь идет о преступном произволе советской административно-командной системы и ее изначальном нежелании, идущем от Сталина, не только признать допущенную несправедливость, но и сделать такие «оргвыводы», которые действительно можно было бы считать марксистской национальной политикой, а не привычным аппаратным политиканством.

Этот «богатый» опыт чиновничьего централизаторства, унитарно-авторитаристской, антидемократической национальной политики был воспринят административно-командными системами других стран социалистического мира: на словах — за самоопределение своих народов, всех национальных меньшинств, на деле — подчас совсем наоборот. К сожалению, очень многое в этом мире оказалось извращенным, поставленным с ног на голову. И влияние от СССР как первой большой страны, ставшей на социалистические рельсы, исходило зачастую совершенно не то, как можно было ожидать, если бы Советский Союз двигался действительно по социалистическому, а не традиционно имперско-бюрократическому пути, отягощенному к тому же небывалым еще в истории склеротическим централизаторством. Как полагал Ленин, «...крупное государство при социализме будет значить: столько-то часов работы в день *меньше*, на столько-то *заработка* в день больше. Трудящиеся массы, освобождающиеся от ига буржуазии, всеми силами *потянутся* к союзу и слиянию с большими и передовыми социалистическими нациями, ради этой „культурной помощи“, лишь бы вчерашние угнетатели не оскорбляли высоко развитого демократического чувства самоуважения долго угнетавшейся нации, лишь бы предоставили ей равенство во всем, в том числе и в государственном строительстве, в опыте построить „свое“ государство» [4, т. 30, с. 36].

Ленинские характеристики вероятных преимуществ большого социалистического государства по сравнению с небольшим понятны, да вот

к Советскому-то государству мало применимы. Высшую в социалистическом мире производительность труда оно не обеспечило, заработок трудящегося человека тяготеет к низшим отметкам в европейском регионе. Нельзя сказать и о культивировании именно бережного отношения Советского Союза к высокообразованному демократическому чувству национального достоинства наших партнеров и друзей. Да и как это может быть иначе при административно-командной, антидемократической системе внутриобщественных отношений?

То, что впутриполитическая демократия и равноправный, подлинно партнерский дух международных, межгосударственных контактов тесно связаны, говорили еще основатели нашего революционного учения. В свое время, рассматривая взаимосвязь внутренней и внешней политики в условиях частнособственнического общества, Ф. Энгельс риторически спрашивал: «Как же вы хотите осуществлять демократическую политику вовне, когда внутри демократия скована по рукам и ногам?» [9].

Это замечание Энгельса важно для анализа указанной взаимосвязи также и в условиях нового строя. Опыт становления и развития мировой системы социализма показал, что ликвидация в составляющих ее странах частной собственности на орудия и средства производства не означает везде и всегда полного устранения антидемократических порядков, в частности, притеснений национальных меньшинств. Сохранение же этих порядков или возрождение политического гнета в той или иной стране в какой-нибудь псевдосоциалистической форме неизбежно отражается и на внешних связях этой страны. Они в таком случае оказываются целиком и полностью в государственно-бюрократическом русле.

Иными словами, административно-командные методы руководства страной, методы давления, диктата, вседозволенности со стороны номенклатурной советской знати отражались, конечно, и на приемах нашей внешней политики — мы в прошлом недвусмысленно давали понять братским странам, что лучше всего им делать так, как советуют из Кремля. Когда же наше сталинско-бериевское или брежневско-андроповское руководство сталкивалось с нестандартными решениями, с возражениями, оно квалифицировало это своеволие как подрыв авторитета «старшего брата», стремление обесценить интернациональную значимость советской модели. Все это порождало всевозможное давление и подчас применение силы. Такова была, например, реакция советской партократии на «пражскую весну» 1968 г. — обновленческую деятельность А. Дубчека, активно поддерживаемую в партии и стране.

Новый чехословацкий лидер, избранный в январе 1968 г., реорганизовал руководство партией, и оно выступило с программой действий, которая провозглашала курс на демократизацию, отмену цензуры над печатью, свободу организации различных объединений, союзов и т. д. В целом дубчевская политика характеризовалась как движение Чехословакии к «социализму с человеческим лицом». В самой этой формулировке содержалась критика политической линии прежнего руководства, линии сталинизма, следования в фарватере левосектантского, догматического курса СССР, приведшего к беззакониям и репрессиям. Конечно, в Чехословакии «архипелаг ГУЛАГ» не был таким обширным и переполненным политзаключенными, как в Советском Союзе, но он тем не менее существовал, и казни по сфабрикованным обвинениям тоже происходили. Термином «социализм с человеческим лицом» дубчевское руководство хотело подчеркнуть, что политика репрессий, насильственной коллективизации, обеспечения высоких темпов хозяйственного роста любой ценой, идеологической унификации и нетерпимости к инакомыслию была бесчеловечной, а социализм такими методами не строится.

Этот обновленческий курс был прерван в августе 1968 г. введением войск, которое якобы оказалось неизбежным после отказа чехословацкого руководства приехать на многостороннее совещание в Варшаву. И хотя после этого состоялись двусторонняя встреча Политбюро ЦК КПСС и Президиума ЦК КПЧ в Чиерне-над-Тиссой и многостороннее совеща-

ние в Братиславе, они уже ничего изменить не могли. Отказ приехать в Варшаву был истолкован как показатель «неуправляемости» чехословацкого руководства, которая положила предел доверительности в политических контактах и обусловила в отношении этого руководства «логику танков».

Сейчас в СССР многие обществоведы полагают (именно к ним причисляю и себя), что все возможности политических контактов с руководством ЦК КПЧ не были исчерпаны. Если они отказались прибыть в Варшаву, можно было бы приехать в Прагу. Но вместо этого в Прагу двинули танки. Известно, что в этой акции участвовали пять социалистических стран: НРБ, ВНР, ГДР, ПНР и СССР. И когда мы сегодня даем те или иные оценки вводу войск в Чехословакию, надо помнить его коллективный характер. Хотя немногочисленные воинские подразделения НРБ, ВНР, ГДР и ПНР были вскоре выведены, наши же многочисленные войска стоят там до сих пор. Следовательно, этот вопрос касается сейчас в первую очередь Советского Союза.

В теоретическом плане прежде всего возникает серьезная проблема: что считать сущностью социалистических международных отношений? Я думаю — это несовместимость с практикой угроз, давления со стороны одного или нескольких государств на любого из социалистических партнеров, и тем более эта сущность исключает прямое применение силы под каким бы то ни было предлогом. Но возвращаясь к прошлому, нужно поставить и такой вопрос: а насколько тогда вообще можно было называть наши отношения социалистическими? Ведь сейчас мы признаем, что за истекшие десятилетия так называемого социалистического развития у нас сложилась административно-командная система — антидемократическая, чуждая народу, неконтролируемая с его стороны. Она и участвовала на все сто процентов в межгосударственных, межпартийных и всяких иных отношениях, в особенности с социалистическими странами. И решение о вводе войск в Чехословакию лишь задним числом «одобрено по всей стране» на соответствующих партсобраниях. Как явствует из истории нашей партии и страны, применение репрессивных методов административно-командной системой ничего экстраординарного не представляет. По внутренней логике своего функционирования и развития она совершенно закономерно пускает их в ход.

Сегодня пришло время очистить нашу внутреннюю и внешнюю политику от тяжкого наследия силовых методов управления, авторитарности, порой игнорирования национально-государственных интересов своих союзников и друзей, всех других стран и народов. Мы хотим сделать нашу дипломатию открытой, когда не только руководители, но и рядовые члены правящей в СССР коммунистической партии могли бы влиять на принятие внешнеполитических решений. И для этого жизненно необходимо повести нелюбимое обсуждение таких острых вопросов, как события 1968 г. Понимаю, что это обсуждение вскроет, помимо прочего, нетерпимость тогдашнего советского, и не только, очевидно, советского, руководства к альтернативным моделям социалистического развития, обнаружит страх административно-командной системы перед лозунгами либерализации, демократизации этой системы, высветит настойчивые попытки дискредитировать все подобные лозунги, включая дезинформацию, которая, по словам советского публициста А. Дидусенко, «тоже входила в правила игры» [10, с. 30]. Обращаясь к событиям 1968 г. в Чехословакии, где он работал тогда собственным корреспондентом газеты «Труд», Дидусенко подчеркивает: «Помню, друзья звонили, с тревогой спрашивая, неужели под Прагой появились американские танки? Неужели бундесвер готовится вступить в ЧССР? И как это вообще мы живем среди вооруженных контрреволюционеров? И никогда не забуду тот психологический шок, который испытали многие ровесники моего старшего сына, когда, придя с интернациональной помощью в ЧССР в августе 1968 г., не обнаружили ни американских танков, ни солдат бундесвера, ни вооруженных контрреволюционных банд. Сегодня мы стали умнее

на двадцать нелегких лет. Мы уже понимаем, что умалчивание, дезинформация, слухи в итоге приносят только вред» [10, с. 30].

В заключение хотелось бы отметить следующее. Во-первых, ясно, что принцип национального самоопределения — отнюдь не только прошлое для социалистического мира; актуален он и сегодня, быть может, прежде всего для СССР и балкано-придунайского региона. Здесь, разумеется, есть свои завоевания, но и сделать предстоит еще многое, преодолевая негативное наследие псевдосоциалистической, казарменно-коллективистской практики и досоциалистического прошлого. Говоря об этом негативном наследии, надо видеть, что тут сыграли свою роль левацко-коммунистические настроения и взгляды, ультраинтернационалистские установки, связанные не только с недооценкой, но и с сознательным принижением в социалистическом строительстве, в развитии межнационального, международного общения требований и принципов политической демократии. В частности, не выдерживает критики характерное для послеоктябрьского большевистского руководства, как и тогдашнего руководства других компартий, противоставление общедемократических и интернационалистских требований и принципов в организации как внутриобщественной, так и международной жизни. Демократическое устройство — не некое «подспорье» для социализма, а его сущностная черта. Демократизм общественных отношений, включая самоуправленческие механизмы, — стержень формирующейся современной модели социализма, его будущее. Поэтому, кстати, демократизация и составляет ядро перестройки внутренней жизни Страны Советов и совершенствования ее международных связей, прежде всего связей с социалистическими странами.

Во-вторых, сыграли свою отрицательную роль и некоторые теоретико-политические иллюзии, порожденные Октябрем и другими революциями того времени, в первую очередь иллюзия о грядущей федеративной форме международного общения и устарелости в связи с этим национальных движений. Теперь уже признано, что резервы этнокультурного, национально-государственного развития в современном, включая социалистический, мире далеко не исчерпаны. Отсюда все более полная реализация каждой из стран социализма своих национально-государственных интересов, нахождение их баланса — стержневая проблема для сотрудничества этих стран, а в ее успешном разрешении — перспективы сотрудничества на исторически обозримый период. Что же касается тезиса о «слиянии наций», встречающегося в трудах В. И. Ленина, то ни в теоретическом, ни в практико-политическом плане он не актуален. Да и вообще следует отнести этот тезис к утопическим элементам ленинского прогноза, от которых его идейное наследие, конечно же, нельзя считать абсолютно свободным.

И, наконец, последнее. Очищая наше обществоведение от идеологических клише, от подмены действительного желаемым, мы оказываемся подчас «у разбитого корыта». Многие прошлые выводы не выдерживают критики, хотя бы тот, что взаимные отношения нынешнего социалистического мира представляют собой некий новый тип международного взаимодействия. В идейном наследии коминтерновского времени, откуда мы многое позаимствовали в своих теоретических построениях, тезис о новом (федеративном) типе международного взаимодействия неразрывно связан с концепцией мировой революции. И коль скоро такого рода глобальной социально-исторической перестройки не произошло, и стержнем международного взаимодействия в социалистическом мире остаются до сих пор те же связи суверенных государств в области политики, экономики и культуры, что и в несоциалистическом, вывод о «новом типе» отношений между нациями и странами в условиях реального социализма представляется неубедительным. Одним словом, теоретической и практико-политической работы непочатый край.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Троцкий Л.* Соч. Т. I—XVII. М.— Л., 1924—1927.
2. БКП в резолюции и решения. Конгресии, конференции, пленуми. Второ издание, т. II. София, 1987, с. 86.
3. Историја Савеза комуниста Југославије. Београд, 1985, с. 71—72.
4. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч.
5. Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года. Протоколы. М., 1959.
6. Второй съезд РСДРП. Июль — август 1903 года. Протоколы. М., 1959, с. 420—421.
7. Десятый съезд РКП(б). Март 1921 года. Стенографический отчет. М., 1963, с. 186.
8. Двенадцатый съезд РКП(б). 17—25 апреля 1923 года. Стенографический отчет. М., 1968.
9. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 5, с. 162.
10. *Дидусенко А.* Своим голосом... — Новое время, 1988, № 33,

СТЫКАЛИН А. С.

БОРЬБА ЗА ДЕМОКРАТИЗАЦИЮ ШКОЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ВЕНГРИИ В ПЕРИОД НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Весной 1945 г. с освобождением от фашистских оккупантов Венгрия встала на путь глубоких демократических преобразований. С выполнением основных задач общедемократической революции (антифеодалная аграрная реформа, дефашизация политической жизни, завоевание пролетарскими и крестьянскими партиями решающих позиций в системе управления обществом) летом 1945 г. начинается процесс перерастания ее в социалистическую, протекавший в условиях острых межклассовых столкновений.

Демократические преобразования в области культуры происходили на первом этапе революции параллельно с реформами в экономической, социальной и политической сферах. Важное место в их ряду заняла школьная реформа.

Система образования, существовавшая при хортизме, сложилась в своей основе еще в 60—90-е годы в условиях дуалистской Австро-Венгрии и носила консервативный и крайне антидемократический характер. Присущее любому классово-антагонистическому обществу разделение школьной системы на всеобщие и элективные (для избранной части населения) звенья в венгерской школе имело место не со средней, как это характерно для многих капиталистических стран, а по сути дела с начальной ступени. В этом проявился несомненный пережиток феодально-сословной организации школы¹. Дети из неимущих социальных слоев в возрасте от 6 до 12 лет посещали бесплатные народные школы, дававшие элементарные общие знания, а также навыки наиболее простых видов общественно-полезного труда. При этом программа охвата населения всеобщим начальным образованием вплоть до 40-х годов реализовывалась далеко не полностью. Так, в 1938 г. в первый класс пошло 79% достигших 6 лет [2, с. 44]. Кроме того, многие крестьянские дети, начав ходить в школу, затем бросали ее: штраф, налагавшийся за это на семью, окупался их работой в поле и по дому. В 1938 г., например, только 47,6% записавшихся в 1932 г. в первый класс народной школы закончили ее 6 класс [3]. Народная (по объему получаемых знаний — начальная) школа имела полутупиковый характер. 75% подрастающего поколения не попадало в учебные заведения следующей ступени [4, 172 old.]. Около 15% детей 10 лет, как правило, выходцы из городской мелкой буржуазии, низшего

Стыкалин Александр Сергеевич — канд. ист. наук, младший научный сотрудник Института славяноведения и балканистики АН СССР.

¹ Буржуазная школа, как писал В. И. Ленин, «...не знает сословий, она знает только граждан... Различие программ для богатых и для бедных вовсе не нужно классовой школе, ибо тех, у кого нет средств для оплаты обучения, ...тех классовая (речь идет о буржуазной. — А. С.) школа просто не допускает к среднему образованию» [1].

чиновничества, после 4 классов народной школы продолжали обучение в 4-летней так называемой гражданской школе, представлявшей собой массовый тип школы неполной средней ступени [2, с. 33] (дети рабочих и бедных крестьян перед войной составляли в школах этого типа только 13,6%) [4, 175 old.]. Выпускники гражданских школ могли рассчитывать на продолжение образования в промышленных, сельскохозяйственных и торговых училищах, получивших в 1938 г. статус средних учебных заведений, а также в средних педагогических училищах. Получив аттестат зрелости и специальность техника, агронома, коммерческого служащего, педагога начальной школы, выпускники всех этих училищ не могли, однако, поступать в вузы — такое право давал лишь диплом гимназии [2, с. 32].

Гимназия, соединявшая в себе ступени неполного и полного среднего образования, находилась на другом, элитарном полюсе школьной системы, была рассчитана на подготовку к более сложным видам труда. Обучение в ней длилось 8 лет. В гимназии попадало 7% детей 10 лет, как правило, выпускники 4-летних элитарных начальных школ, призванных готовить своих учащихся к продолжению обучения в школах следующей ступени [4, 172 old.]. Выпускники гимназий вместе с аттестатом зрелости получали право работать в государственных учреждениях или продолжать учебу в вузах. Окончание 4-летней гражданской школы формально приравнивалось к прохождению 4 классов гимназии, однако уровень обучения в гражданских школах отличался от гимназического в худшую сторону (так, вместо двух иностранных языков преподавали один немецкий), и поступить в 5 класс гимназии выпускники этих школ могли лишь сдав почти непреодолимые для них экзамены.

В хортистскую эпоху система подготовки кадров явно не поспевала за изменениями в характере и структуре общественного труда, темпами повышения сложности труда. Переход ко всеобщему 8-летнему образованию был в Венгрии чрезвычайно запоздалым. Он декларируется только в 1940 г., позже, чем в менее развитых Польше, Болгарии и Югославии, в условиях, когда страна уже ряд десятилетий переживала этап в развитии производительных сил, обусловленный использованием достижений технического переворота конца XIX в.² Осуществить, наконец, столь запоздалый переход ко всеобщему неполному среднему образованию хортистов вынуждают, прежде всего, постепенное истощение экстенсивных факторов наращивания экономики (в частности, за счет усиления эксплуатации, притока рабочей силы из села, а также за счет вовлечения в производство венгров, которые после Трианонского договора 1920 г. переселились с территорий, отошедших к соседним странам), подъем демократического движения во второй половине 30-х годов (требование просвещения масс активно выдвигалось участниками многих оппозиционных хортизму движений, например, так называемыми «народными писателями»). Реформа 1940 г. предусматривала увеличение срока обучения в народных школах с 6 до 8 лет с соответствующим расширением программы. Но осуществить эту реформу правительство пыталось без дополнительных затрат на постройку новых школ и расширение преподавательского состава [2, с. 31]. Из-за сложностей военного времени преобразования, по существу, так и не были начаты.

Общий уровень образованности населения был в предвоенной Венгрии невысоким и не только в сравнении с более развитыми странами. В 20—30-е годы, когда в венгерской промышленности уже господствовало специализированное машинное производство, фонд знаний и навыков, которыми обладала совокупная рабочая сила, ни по своему объему, ни по структуре и пропорциям не соответствовал достигнутому уровню технической оснащенности предприятий. Консервативный характер системы образования, вызывая диспропорции между экономическими потребностями и уровнем подготовки необходимых кадров, являлся серьезным тор-

² Как доказывает М. Н. Кузьмин, этот этап объективно требует реализации всеобщего образования в объеме неполной средней школы, т. е. 7—8 классов (см. [5]).

мозом на пути экономического роста в стране, уже близко подошедшей к грани превращения в индустриально-аграрную. Материалы переписи 1941 г. дают нам следующие данные об общеобразовательных параметрах населения [6, с. 36]:

жители старше		
10 лет	без образования	6,4%
15 лет	окончили 8 классов	15,1%
18 лет	имеют среднее образование	4,2%
25 лет	имеют высшее образование	1,6%

Если же от общеобразовательных характеристик населения в целом мы обратимся к имеющимся данным по отдельным социальным группам, то увидим, что, например, согласно переписи 1930 г. (аналогичными данными по переписи 1941 г. мы, к сожалению, не располагаем) неграмотность составляла 54% среди беднейшего крестьянства и сельскохозяйственного пролетариата, 14 — среди промышленных пролетариев, 12 — среди крестьян-середняков, 12% — среди мелкой городской буржуазии [7, 67 old.].

Антидемократическая по своему характеру организация венгерской школы ограничивала действие механизма социальной мобильности в стране. Приведенные ниже выборочные данные о соотношении некоторых слоев социальной структуры в общей численности населения и в гимназии свидетельствуют о том, что воспроизводство высших слоев общества происходило почти исключительно на собственной основе, возможности «пути наверх», проникновения выходца из низов в высшие сферы социального пространства были крайне ограничены [7, 38 old.].

социальный слой	% в общей численности населения	% в гимназии
крестьянство (без кулачества)	35	1,3
пролетариат	21,4	3,8
буржуазия, интеллигенция, чиновничество (не из дворян)	26,8	82,7

В основе механизма селекции лежала плата за получение знаний: материальное положение не позволяло рабочим и крестьянам подготовить своих детей к поступлению в первый класс гимназии, а высокая плата за обучение — содержать их в гимназиях. Таким образом, в силу консерватизма школьной системы потребности буржуазного общества в расширении социальной базы воспроизводства тех или иных привилегированных слоев (например, буржуазной интеллигенции) не всегда могли полностью удовлетворяться. Ряд мер, принятых в начале 40-х годов хортистскими властями с целью облегчить продвижение способной молодежи плебейского происхождения по социальной лестнице и тем самым заручиться ее политической поддержкой (льготы в оплате и т. д.), не изменили в корне положения дел.

Характерной особенностью венгерской системы образования было унаследованное от феодализма засилье церкви в школе. В церковном владении находилось 67,3% народных школ, 51,4 гимназий, 79,7 средних педагогических училищ, 15,1% торговых и сельскохозяйственных училищ [8, 255—258 old.]. На 70% и более церковные училища разных типов принадлежали католическому клиру. Помимо обязательного обучения закону божьему на уроках министерство религии и образования предписывало обязательное посещение учащимися начальных и средних школ воскресной службы в церкви [8, 255 old.].

Таким образом, народно-демократическая революция унаследовала ряд нерешенных в условиях хортизма задач по ликвидации феодальных пережитков в системе образования (двухколейность, сильные позиции церкви), а также по приведению школы в соответствие объективным экономическим потребностям страны. Курс на глубокую демократизацию

нацеливал на обеспечение равных возможностей доступа всех граждан в школы средней и высшей ступени. Важным фактором, стимулировавшим расширение масштабов общего образования, перестройку программ, явилось все более широкое приобщение выходцев из рабоче-крестьянской среды к функции управления обществом (к деятельности в местных органах власти, в комиссиях по контролю над капиталом, по чистке государственного аппарата от фашистов). Выполнение трудящимися этой новой функции могло быть успешным только при условии освоения ими духовного опыта гораздо более значительного, нежели тот объем знаний, который давала народная школа. В обстановке глубокой экономической дестабилизации первых послевоенных месяцев, обозначившей острую нехватку квалифицированных кадров, задача коренной модернизации школы требовала своего особенно безотлагательного разрешения. Характерно, что в партиях правящей антифашистской коалиции практически не встретило противодействия принятие в августе 1945 г. закона, провозгласившего создание унифицированной системы 8-летнего образования взамен существовавшей ранее двухколейности [9, 219—220, 348—371 old.]. Среди влиятельных политических деятелей оппозицию школьной реформе составил, прежде всего, кардинал Миндсенти, который после вступления в октябре 1945 г. на пост главы католической церкви Венгрии задним числом подверг анафеме уже утвержденный законопроект.

Реформа по унификации неполного среднего образования происходила следующим образом. 1—4 классы народных школ сохранялись теперь уже в качестве 1—4 классов единой 8-летней основной школы. 1—4 классы как гражданских школ, так и гимназий, переводились в ранг 5—8 классов основных школ. Гимназия продолжала существовать как общеобразовательный тип средней школы, обучение в ней теперь длилось 4 года на базе 8 лет основной школы. Там, где не было гражданских школ и гимназий, 5—8 классы основных школ приходилось формировать в процессе осуществления реформы. В 1—4 классах основной школы преподавание должен был вести один учитель, в 5—8 классах — учителя-специалисты по соответствующим дисциплинам (о ходе реформы см. [10]).

Реорганизация происходила постепенно и заняла весь период общедемократических преобразований и первый учебный год в условиях диктатуры пролетариата (1948/49). В 1945/46 учебном году по плану к начальной школе в качестве пятого класса должны были присоединить первый класс гимназии либо гражданской школы (срок обучения в основной школе достигал соответственно в этом году 5 лет), в 1946/47 г. второй, в 1947/48 г. третий, а в 1948/49 г. четвертый класс, и тем самым окончательно складывалась 8-летняя школа. Первое время процесс перестройки был замедлен в сравнении с запланированными темпами. Так, в 1945/46 учебном году было открыто только 816 школ нового типа [11], хотя количество народных школ в стране составляло в сентябре 1945 г. 7068 [12, 28 old.]. Более быстрому разворачиванию процесса препятствовали как объективные трудности, вызванные послевоенной разрухой, так и субъективные причины (саботаж со стороны церкви, недостаточная активность министерских чиновников)³. В 1947/48 учебном году, последнем в условиях общедемократического этапа революции, на 4847 основных школ (в то время еще 7-летних) приходилось 2650 непреобразованных народных [12, 32 old.]. На получение 8-летнего образования взрослыми были рассчитаны вечерние школы, существовавшие с 1945 г., но не получившие широкого распространения ввиду того, что тяжелое экономическое положение в стране требовало от рабочих сосредоточения всех усилий на производственном фронте. Важной демократической мерой явилось создание сети школ для национальных меньшинств.

³ Существовавшее при хортизме министерство религии и образования подвергается в 1945—1947 гг. лишь самой незначительной перестройке. Значительные позиции в его аппарате занимали представители старого, хортистского чиновничества, саботировавшие преобразования. В этих условиях культурным органам левых партий и, прежде всего ВКП, приходилось в значительной степени брать на себя функции по осуществлению образовательной реформы.

В 1946 г. принимается общая программа основных школ, функционировавшая без значительных изменений до 1950 г. Ее содержание для 5—8 классов было приближено к содержанию учебных планов младших классов прежних гимназий, однако теперь в учебной сетке большее место отводилось естественнонаучным и прикладным дисциплинам. Богословие, ранее, по существу, не нормированное, ограничивается 2 часами в неделю. Изменения в программах по гуманитарным предметам касались расширения материала, призванного знакомить школьников с традициями венгерской демократической культуры.

Изменения затрагивают фонд учебных пособий. В 1945 г. специальным распоряжением министерства изымается из пользования множество учебников реакционного содержания [13]. В 1946 г. объявляется конкурс написание новых пособий для основных школ, создается особая комиссия во главе с прогрессивным католическим деятелем Ш. Шиком. Как было отмечено в инструкции этой комиссии, новые учебники должны провозглашать идеи, «свободные от всякого рода шовинизма и национальной ограниченности», должны отвечать идеалам демократии, свободы, общечеловеческой солидарности, гуманизма [14]. Очень ощутимой была нехватка учебных пособий в основных школах. Без учебников в это время обходилось 57% школьников 6—14 лет [15]. В полной мере эта проблема могла быть решена только при условии национализации издательств, выпускавших учебную литературу. Остро стояла в основных школах и проблема нехватки педагогов, требуя расширения сети педучилищ. В 1946 г. в 38% школ одному учителю приходилось вести занятия во всех классах [16].

Реформы затронули и среднюю школу. Совершенствованию системы среднего образования способствовала осуществленная в 1946 г. дифференциация учащихся по двум отделениям (гуманитарное и реальное) в зависимости от индивидуальных склонностей [2, с. 37]. В условиях острой потребности в квалифицированных технических кадрах заметно расширяется и сеть среднего специального образования. В 1946 г. основная масса специальных училищ передается в ведение отраслевых министерств, что дает возможность системе образования быстрее реагировать на возникновение новых кадровых потребностей.

На общедемократическом этапе революции еще сохраняются заметные различия в возможностях получения образования выходцами из разных социальных слоев. Основные школы, созданные на базе народных и гражданских школ, в качестве преподавания заметно уступают тем, что были созданы на основе младших классов гимназий. Пока класс буржуазии обладал более прочными экономическими позициями, чем демократические слои, а платность в среднем звене сохранялась, не претерпел значительных изменений социальный состав гимназий (в 1945/46 учебном году дети из рабоче-крестьянских семей составляли 8—9% гимназистов вместо 4% до войны) [12, 42 old.]. В 1947 г. принимается закон, согласно которому гимназисты из бедных семей в случае успешной учебы не только не вносят денег на обучение, а получают небольшую стипендию [9, 658 old.]. Но самым действенным способом в сравнительно быстрые сроки заметно увеличить долю демократических слоев в общем составе учащихся средней школы явилось создание новых типов учебных заведений, специально рассчитанных на получение аттестата зрелости выходцами из трудящихся масс (с отрывом и без отрыва от производства). Летом 1945 г. при университете им. Л. Этвёша была создана первая в Венгрии вечерняя средняя школа [17, 1945, 3 VIII]. Рекомендацию в нее давали профсоюзы, обучение было бесплатным. Выпускники, получив аттестат зрелости, могли поступать в вузы или же работать в государственных учреждениях. В 1946/47 учебном году уже действовало 115 общеобразовательных и специализированных средних вечерних школ [18]. Существовали и другие бесплатные формы получения среднего образования (подготовительные курсы наподобие рабфака при ряде вузов, вечерние курсы по подготовке к работе в государственных учреждениях, организованные профсоюзами). При МИДе функционируют курсы по подготовке кадров рабоче-крестьянского происхождения для работы за рубежом. Как видим, система среднего обра-

зования используется в это время и как форма подготовки выходцев из демократических слоев для работы в государственном аппарате сразу после получения аттестата зрелости и как необходимое звено в процессе формирования кадров будущей социалистической интеллигенции.

Своеобразную форму обучения представляли собой так называемые «народные коллегии», своего рода общежития для учащихся средних и студентов высших школ с дополнительной, общей для всех коллегистов независимо от их основной специальности учебно-воспитательной программой, предусматривающей, в первую очередь, политическое образование, и развитой системой демократического самоуправления. Движение за создание «народных коллегий» вело свой отсчет с довоенных лет и было связано с культурной программой «народных писателей», влиятельного в 30—40-е годы популистского идейного течения, провозглашавшего особый путь Венгрии к социализму, лежащий через использование традиционных корпоративных институтов венгерского крестьянства (и в частности, общины с присущими ей коллективистскими принципами хозяйствования и патриархальными моральными устоями). «Народные писатели» в начале 40-х годов все больше склонялись к поискам путей достижения социальной гармонии не в политической борьбе, а в культурных преобразованиях. Некоторые идеологи движения питали иллюзии относительно возможности осуществить всеобщую «революцию совести» и последующее социальное переустройство путем все более широкого внедрения в венгерское общество нового типа учебных заведений для крестьян, создания своего рода демократических «островков» в феодально-буржуазной системе образования. Народнические проекты провозглашали полную автономию этих учебных заведений от существующего строя. При всей иллюзорности этих планов некоторые из организованных «народными писателями» (иногда при участии коммунистов) коллегии (в частности, коллегия им. Дьёрффи, существовавшая с 1942 г.), сыграли роль в воспитании антифашистски настроенной молодежи. Членам этой коллегии удалось добиться определенной независимости действий как от лиц, финансировавших коллегию, так и от администраций школ и вузов, в которых коллегисты обучались. В коллегии велись политические дискуссии, обсуждались актуальные проблемы экономики Венгрии, изучались основы марксизма, существовал единственный в предвоенной Венгрии кружок русского языка. Часто проводились встречи коллегистов с прогрессивной интеллигенцией. Члены коллегии участвовали в антифашистской манифестации 15 марта 1942 г., ряде других оппозиционных акций, в 1944—1945 гг. многие из них сражались в отрядах сопротивления.

После освобождения движение за создание «народных коллегий» приобретает всевенгерские масштабы. Особенно сильный размах оно получило с лета 1946 г., когда к его организации подключились руководящие органы двух союзнических по левому блоку партий — коммунистической и национально-крестьянской, идейно возглавляемой «народными писателями». Популярность движения среди демократической молодежи была настолько велика, что даже в оппозиционной левому блоку партии мелких сельских хозяев делаются попытки в целях завоевания масс организовать в противовес свои коллегии. Эта инициатива, однако, получила несравнимо меньший размах.

В коллегиях регулярно проходили занятия по общественным наукам, читали лекции прогрессивные политические деятели Й. Ревай, Й. Дарваш, Д. Ортутаи, Э. Молнар. Сами коллегисты часто выезжали на село, где активно участвовали в культурно-просветительской работе среди крестьян. Большим распространением пользовалась пресса, издававшаяся участниками движения.

В первые месяцы своего существования «народные коллегии» сталкивались со значительными материальными трудностями. Это вызывало озабоченность коммунистов. «Нельзя допустить, чтобы голод и холод выбили энтузиазм и трудовое настроение у наилучшей нашей молодежи. Нельзя допустить, чтобы она разочаровалась в народной демократии... Мы должны помогать» [17, 1946, 27 X]. По инициативе коммунистов был органи-

зован сбор средств для «народных коллегий». К 1948 г. условия улучшаются.

Движение «народных коллегий» сыграло огромную роль в подготовке венгерской социалистической интеллигенции, ядро которой уже в 50-е годы составили бывшие коллегисты. Роспуск в сентябре 1948 г. всех 160 «народных коллегий», объединявших к этому времени 10 000 человек, мотивированный засильем мелкобуржуазной идеологии в среде коллегистов, явился первым симптомом начавшегося наступления сил сталинизма на культурном фронте. «Народные коллегии» и в условиях социалистического строительства могли стать действенной формой сплочения рабоче-крестьянской молодежи.

Зимой-весной 1948 г., когда блок левых партий осуществляет подготовку мирного перехода к пролетарской власти, перед народно-демократическим правительством со всей остротой встает вопрос о передаче церковных и частных школ в государственное владение. Только сосредоточив управление школами в своих руках, государство могло привязать систему образования к выполнению планов по подготовке кадров, необходимых для развития экономики и всех сфер общественной жизни. Кроме того, существовала необходимость оградить подрастающее поколение от влияния религиозной идеологии и обеспечить, тем самым, формирование личности нового типа в духе атеистического мировоззрения, демократических идеалов. Чрезвычайно важно было также пресечь практиковавшееся реакционными клерикальными кругами во главе с кардиналом Миндсенти использование школ в качестве орудия подрывной антигосударственной деятельности. Поскольку церковь препятствовала демократической перестройке образования, принятию всеми школами за основу общих программ и переходу на единые учебники, национализация школ, централизация управления ими должны были способствовать ускорению и этих процессов. Национализация облегчалась тем, что церковные школы теперь уже полностью (до революции лишь частично) финансировались за счет соответствующих государственных дотаций. В 1947/48 учебном году на финансирование церковью учебных процессов государство выделило 142 млн форинтов [19]. Церковь, таким образом, по своему усмотрению могла распоряжаться средствами, переданными ей для материального обеспечения школ.

В первые месяцы 1948 г. по инициативе министра религии и образования Д. Ортутаи из партии мелких сельских хозяев в парламенте развернулась дискуссия о правах церкви в организации обучения молодого поколения. «Нигде в мире церковь не получает на нужды религии и образования такой суммы от государства, как у нас, при народной демократии», — заявил министр (цит. по: [20, 7 old.]). Эта сумма составляет полпроцента национального дохода и наиболее значительная ее часть идет на финансирование школ. Ортутаи подчеркнул, что в тех капиталистических странах, где клерикальным кругам в той или иной степени передана функция воспитания подрастающего поколения, церковь находится на самообеспечении, финансируя учебные процессы из своих собственных экономических доходов, в Венгрии же за ней закреплена ненужная роль посредника между государством и системой обучения. Государство вынуждено ставить вопрос о национализации школ, поскольку церковь не способствует скорейшей перестройке образования в духе новых требований, препятствует обучению детей по новым учебникам (часть из которых, например, учебник З. Кодая по пению, получила мировое признание), не заботится должным образом о материальном обеспечении школ, отмечал Ортутаи [20, 9 old.]. Высказавшись за национализацию, министр подчеркнул, что государство гарантирует полную свободу отправления религиозного культа, финансирование богослужений, обучение религии.

15 мая 1948 г. Ортутаи сделал заявление о предстоящем вынесении на сессию Государственного собрания законопроекта о «национализации церковных школ без ущемления права церквей на обучение религии и с сохранением у церкви школ для подготовки священников» [21]. Заявление министра вызвало огромный резонанс. Широкие массы трудящихся

связывали с национализацией надежды на понижение платы за обучение в средних школах, улучшение материального обеспечения школ, ограждение молодежи от воздействия противников народной демократии. Уже 16 мая газета, выходящая в городе Бекешчаба, поместила воззвание от имени 1400 педагогов комитата Бекеш с требованием национализации [22]. 23 мая массовые манифестации в поддержку предложенного законопроекта состоялись на крупных предприятиях Будапешта [9, 37 old.]. От родителей исходили требования материального укрепления, ремонта школ, выплаты стипендий гимназистам из бедных семей, в их письмах содержались просьбы оградить детей от подстрекательской деятельности сторонников кардинала Миндсенти [9, 763—764, 770 old.]. Письма аналогичного содержания приходили и от школьников [9, 755 old.]. Из 18 000 педагогов, занятых в церковных школах, подписи под требованиями национализации поставили 13 000 [23, 21 old.]. Учителя рассчитывали на то, что национализация не только оградит клерикальную реакцию, стабилизирующую положение в стране, но и улучшит их материальное положение. Профсоюз педагогов дал согласие содействовать в борьбе за национализацию. Ему гарантировал в этом поддержку Совет профсоюзов, принявший обращение ко всем членам профсоюзных организаций: «всеми силами поддерживать профсоюз педагогов в борьбе, которую он ведет» (цит. по: [23, 26 old.]). Всего в течение месяца состоялось 92 митинга, на которых 28 000 работников просвещения (около половины всех занятых в этой сфере) высказалось за национализацию [23, 30 old.].

Навстречу правительству, преодолев сопротивление консервативной части духовенства, пошло руководство влиятельной в восточных районах Венгрии реформатской (кальвинистской) церкви, которое в конце мая дало предварительное согласие на передачу своих школ в государственное ведение [17, 1948, 29 V]. Практически во всех парламентских партиях руководящие круги высказывались за национализацию школ, выражали озабоченность по поводу продолжающейся подрывной деятельности сторонников Миндсенти.

С весны 1948 г. голоса в защиту соглашения с государством все активнее раздаются и в католических кругах. Внутри епископата к лету 1948 г. оформляется сильная группировка, последовательно выступающая за отказ клерикалов от антигосударственной деятельности, урегулирование отношений между церковью и правительством в целях стабилизации внутриполитической обстановки в стране, сохранения государственного субсидирования церкви и во избежание утраты влияния на верующих — сторонников нового строя. Не поддерживая антидемократическую платформу Миндсенти, эта группа епископов (Б. Цапик и др.), вместе с тем, также просила государство сохранить за церковью традиционно отводимую ей ведущую роль в воспитании молодого поколения, настаивала на сохранении религиозных моральных норм на прежних позициях в господствующей учебно-воспитательной модели. В левых партиях, однако, не было сомнений относительно целесообразности передачи государству таких общественных функций, как общеобразовательная и профессиональная подготовка. Руководства ВКП, ВСДП, НКП, полеевшей ПМСХ рассчитывали на понимание высшим духовенством этой меры, на добровольное согласие клира передать школы в руки государства.

Миндсенти, тем не менее, упорно продолжал жесткий курс. В письме Ортугаи он выразил резкий протест в связи с намеченными планами, затем последовал еще ряд аналогичных писем [9, 757, 758 old.].

Сторонники кардинала организуют кампании по сбору подписей протеста, во время служб имеют место провокационные выпады. Спровоцированные католическим духовенством беспорядки в местечке Почпетри приводят к человеческим жертвам [17, 1948, 10 VI]. Заявление Ортугаи о предстоящей национализации школ было использовано Миндсенти как предлог для того, чтобы отклонить предложение государства о заключении соглашения с церковью в целях стабилизации внутреннего положения в стране. Так, в начале июня в ответ на предложение правительства начать переговоры между представителями государственной власти и духо-

венства католический клир прибегает к шантажу, заявляя, что сядет за стол переговоров лишь в том случае, если другая сторона откажется от своих планов национализации школ (и кроме того, разрешит деятельность ряда распущенных католических организаций, позволит начать издание еще ряда церковных газет [24]). Сторонники Миндсенти, выступая перед педагогами церковных школ и родителями, усиленно заугроживали репрессивными мерами (и прежде всего, отлучением) тех, кто откажется саботировать решение о передаче школ государству [25]. Получают широкое хождение нелегально изданные листовки провокационного характера. Одно из официальных церковных распоряжений гласило: «Обращаем самое серьезное внимание педагогов, присягнувших церкви, ...что они не могут вовлекать себя в деятельность, которая наносила бы ущерб правам церкви» (цит. по: [26, 45—46 old.]). Далее следовала угроза отлучения (характерно, что главари нилашистов так и не были отлучены, на что не преминули указать в ходе политических дискуссий представители левых сил) [26, 46 old.].

16 июня законопроект о национализации школ выносится на рассмотрение Государственного собрания и после многочасового обсуждения принимается подавляющим большинством голосов (см. [27]). Согласно закону все церковные и частные школы отныне переходят в ведение государства. Педагоги этих школ, кроме лиц, имевших духовный сан, получают статус государственных служащих. Не желая обострения отношений с церковью, государство, однако, временно сохранило в школах обязательное обучение религии.

Католический епископат заранее обещал предать анафеме всех преподавателей бывших церковных школ, которые согласятся работать в национализированных школах. Но поскольку согласно новому постановлению с 1 августа происходило 20% повышение зарплаты учителям, акт национализации получил самую широкую поддержку в кругах педагогической интеллигенции. 17 июня 3200 педагогов собрались в Будапеште на митинг в защиту решения Государственного собрания [26, 47 old.]. Волна протеста против позиции Миндсенти была по всей стране столь сильной, что епископат пошел на уступку, заявив, что провозглашенный им запрет работать в национализированных школах распространяется не на всех учителей, а только на тех, кто имеет духовный сан [28].

Национализация школ имела огромное значение не только для культурной жизни Венгрии, она явилась важной политической победой народной демократии. С отторжением школ от церкви был ликвидирован последний крупный пережиток феодализма в стране. Национализировав церковные и немногочисленные частные школы, государство целиком сосредоточивает в своих руках управление такой сферой культуры, как общее образование. Занятое государством монопольное положение в управлении школьной системой дает ему возможность в скором времени решить ряд серьезных проблем, оставленных общедемократическим этапом революции в наследство социалистическому, начавшемуся с лета 1948 г. В 1948—1949 гг. были в основном завершены начатые в 1945 г. работы по восстановлению школьных зданий, в значительной мере устраняется нехватка классных помещений и учебного оборудования, укрепляется материальная база школ. В 1949 г. осуществляется реформа учебных округов, нацеленная на достижение единства действий между местными органами власти и аппаратом министерства в управлении системой школ. Отныне разделение страны на учебные округа, в каждом из которых учебный процесс контролировал инспектор министерства, совпадало с административно-территориальным делением. Забота о материальном обеспечении школ возлагалась на местные органы власти.

Проведенная в 1949 г. перепись населения, выявив образовательные параметры населения в целом и отдельных социальных групп, дала возможность определить уровень образовательной зрелости венгров в канун предстоящих социалистических преобразований. Сопоставление материалов этой переписи с данными переписи 1941 г. позволяет сделать вывод об определенном повышении уровня образованности населения за первые пос-

левоенные годы. Так, число неграмотных в возрасте старше 10 лет сократилось с 6,4% до 4,8, количество лиц с 8-летним образованием поднялось с 15,1 до 20,6, со средним с 4,2 до 5,5, с высшим с 1,6 до 1,7% [6, с. 36]. Вместе с тем образовательные параметры основных классов и социальных групп еще заметно отставали от того минимума, которого требовал непосредственный переход к решению социалистических задач как в экономике, так и в других областях общественной жизни. Так, среди крестьян 93% не имели 8-летнего образования, среди мелкой буржуазии города около 90% [29, 35 old.]. Не отвечали требованиям социализма и образовательные параметры интеллигенции и служащих. 8,7% этого обширного слоя не окончили даже 8-летки, 36,5 имели только 8-летнее образование, 36,8 — среднее и только 18% — высшее [29, 19 old.]. Наконец, из рабочих лишь 18% прошли 8 классов, 2% имели аттестат зрелости [29, 14 old.]. Если учесть, что больше половины всех рабочих было сосредоточено на крупных промышленных предприятиях, характеризовавшихся «высоким уровнем механизации труда, то можно заключить, что достаточно сложные производственные операции приходилось иногда выполнять пролетариям, располагавшим лишь самыми элементарными знаниями, которые давала начальная школа.

Таким образом, уже на следующем историческом этапе венгерской нации предстояло добиваться соответствия образовательного потенциала населения тем требованиям, которые предъявляли предстоящая индустриализация, социалистические аграрные преобразования, перестройка других сфер общества. Вместе с тем социалистическая революция открывает дорогу к решению качественно новых задач. С 1949 г. дети рабочих и бедных крестьян получают льготы при приеме в среднюю и высшую школу. Уже в 1949/50 учебном году они составили 38,8% учеников общеобразовательных гимназий, а через год их число превысило половину всех учащихся [30]. Таким образом, постепенно ликвидируется существовавшее неравноправие разных классов в получении доступа к образованию.

В 1950-е годы в Венгрии была полностью ликвидирована неграмотность, практически все подрастающее поколение охватывается сетью 8-летних школ. Заметно возрастает численность учащихся средних, студентов высших учебных заведений. Возникает ряд новых вузов. В то же время на положении дел в школьной системе сказались огромные искажения, допущенные Ракоши и его окружением и поставившие под угрозу строительство социализма в ВНР. Так, имевший место отсев рабоче-крестьянских детей из средней школы нередко в эти годы пытались объяснить не материальными затруднениями в семьях, ограниченностью фондов общежитий, невысокой квалификацией педагогов во многих вновь созданных школах, а прежде всего целенаправленной деятельностью врага, который, потерпев поражение на политическом и экономическом фронте, сосредоточил теперь усилия в образовательной сфере, где умышленно стремится к перегрузке учебного материала. В результате кампаний по выявлению и обезвреживанию «врага» были удалены из школы многие опытные педагоги. В атмосфере господства административно-бюрократических методов происходила мелочная опека школ и даже вузов со стороны министерства, роль педагогического персонала в организации учебных процессов принижалась. Для школьных программ была характерна чрезмерная актуализация и политизация учебного материала, многие часы на уроках по общественным наукам отводились на обоснование текущих политических концепций, признанных впоследствии несостоятельными (например, об обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму). Политическая пропаганда проникала и на занятия по естественным наукам, способствуя упрощенной интерпретации материала. В трудных условиях приходилось развиваться педагогической науке — в ходе проработочных кампаний «по борьбе с космополитизмом» в науке, перенесенных на венгерскую почву из СССР, подвергаются несправедливым нападкам ведущие ученые. Наконец, и борьба за повышение контингента рабоче-крестьянских детей в средних школах и вузах превращается подчас в самоцель, сопровождается дискриминацией выход-

цев из многих непролетарских слоев населения (не обязательно эксплуататорских). С началом «оттепели» летом 1953 г. открываются возможности для постепенного преодоления наиболее вопиющих искажений. Но процесс этот протекал крайне медленно, что вызывало недовольство учащихся. Известная роль студенчества в событиях октября 1956 г., когда венгерская нация решительно выступила против навязанной ей сталинской модели социализма. Трагический исход этих событий не прервал, однако, полностью процесса десталинизации в стране. С конца 50-х годов венгерская школа развивалась по пути демократизации. Одним из ее проявлений стала в изменившихся социальных условиях отмена льгот, получаемых рабоче-крестьянскими детьми при поступлении в вузы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 476—477.
2. Венгерское образование. Будапешт, 1976.
3. 100 éves a kötelező nevelés. Budapest, 1968, 57 old.
4. A magyar nevelés története. Budapest, 1968.
5. Кузьмин М. Н. К проблеме социокультурных предпосылок становления нового человека.— В кн.: Культура в общественной системе социализма. М., 1984, с. 73—75.
6. Статистический ежегодник ВНР. 1970. Будапешт, 1972.
7. Földes F. Válogatott írások. Budapest, 1967.
8. Szociológia, 1983, 3 sz.
9. Dokumentumok a magyar közoktatás reformjáról. 1945—1948. Budapest, 1979.
10. Horváth M. Közoktatás-politika és általános iskola. Budapest, 1978.
11. Köznevelés, 1946, 9 sz., 11 old.
12. Nevelésügyünk husz éve. 1945—1964. Budapest, 1965.
13. Mai magyar művelődéspolitikai. Budapest, 1946, 45 old.
14. A Köznevelés evkönyve. Budapest, 1948, 44 old.
15. Jákob M. Társadalmi változás és a magyar értelmiség. 1944—1948. Budapest, 1979, 242 old.
16. Гомоннай В. В. Народное образование в Венгрии. М., 1972, с. 93.
17. Szabad Nép.
18. A magyar népi demokrácia története. 1944—1962. Budapest, 1979, 138 old.
19. Propagandista, 1984, 7 sz., 76 old.
20. Válóság, 1973, 8 sz., 7 old.
21. Historia, 1983, 5—6 sz., 44 old.
22. Gácsér I. Az iskolák államosítása Bekes megyében. 1948. Bekescsaba, 1973, 12 old.
23. Az államosítás közoktatásunkban. Budapest, 1976.
24. Magyar kurir, 1948, 10 VI.
25. Pedagogiai értesítő, 1948, 159 old.
26. Válóság, 1982, 8 sz.
27. Földet, köztársaságot, állami iskolát. Viták a magyar parlamentben. Budapest, 1980.
28. Balogh I. Reálpolitika az egyház és állam viszonyában. Budapest, 1948, 17 old.
29. A társadalom osztályszerkezete és rétegződése. Budapest, 1975.
30. Kallai Gy. Szocializmus és kultúra. Budapest, 1962, 331 old.

ЧУРКИНА И. В.

ВУК СТЕФАНОВИЧ КАРАДЖИЧ И МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ РАЕВСКИЙ

Имя Вука Стефановича Караджича широко известно среди славистов. Собиратель и издатель сербского фольклора, историк героических лет Первого сербского восстания против турок, наконец, создатель современного литературного сербско-хорватского языка, он не только заложил основы современной сербской культуры, но и познакомил образованную Европу со своим народом.

Научные связи Караджича были очень широки. Он переписывался со многими немецкими, чешскими, словенскими, хорватскими, сербскими учеными. Особую роль в его научных контактах играли русские корреспонденты, которых, по подсчетам одного из наиболее глубоких исследователей Караджича Г. Добрашиновича, было 76 (в том числе 7 — научные учреждения и общества) [1, с. 40, 41]. Связи с русскими учеными оказали значительное влияние на деятельность Караджича. Неудивительно поэтому, что им уделяли большое внимание русские, советские, югославские историки. Документы по этой теме публиковали Н. А. Понов, Л. Новакович, Л. Б. Модзалевский, А. С. Бобович, К. А. Пушкаревич, М. Н. Сперанский, Т. П. Попова, В. Г. Карасев, Е. П. Наумов, С. О. Вялова и др.; статьи — В. Вулетич, В. Е. Гусев, П. А. Дмитриев, Г. Добрашинович, Р. Лалич, Ц. Органджиева. Подробно рассматривались отношения Караджича с П. И. Кеппенем, А. С. Шишковым, Н. И. Надеждиным, И. И. Срезневским и др. Но ни один из исследователей не останавливался на контактах сербского ученого с М. Ф. Раевским, настоятелем русской посольской церкви в Вене. А ведь с ним, пожалуй, Вук встречался и общался больше, чем с любым другим русским, ибо начиная с 1842 г. Раевский почти безвыездно жил в Вене, в одном городе с Караджичем.

Данная статья является попыткой исследовать эти связи, их характер и значение на основе как опубликованных, так и впервые вводимых автором в научный оборот материалов.

Начиная со своего путешествия в Россию в 1819 г., Вук Стефанович Караджич поддерживал постоянные контакты с русскими учеными. В 20—30-е годы его корреспондентами были А. Х. Востоков, П. И. Кеппен, А. С. Шишков и др. Кеппен и Шишков выхлопотали Караджичу в 1826 г. от русского правительства ежегодную пенсию в 100 червонцев, которую он получал до конца жизни. Особо тесные отношения установились у Вука Стефановича с Петром Ивановичем Кеппенем, который был убежденным сторонником реформы сербского литературного языка, проведенной сербским ученым, и активно защищал ее в русской прессе. Их

Чуркина Искра Васильевна — д-р ист. наук, заведующая сектором Новой истории балканских народов Института славяноведения и балканистики АН СССР.

переписка продолжалась до октября 1846 г. [2]. Ко времени ее прекращения Караджич уже имел среди русских ученых новых корреспондентов.

Во второй половине 30-х годов в четырех русских университетах (Петербургском, Московском, Харьковском, Казанском) были образованы кафедры славянских языков, литературы и истории. Кандидаты на замещение этих кафедр П. И. Прейс, О. М. Бодянский, И. И. Срезневский, В. И. Григорович были отправлены на средства министерства народного просвещения в славянские земли для изучения языка, культуры и быта зарубежных славянских народов. Главными центрами, где они проходили обучение, являлись Прага и Вена. Именно здесь жили крупнейшие слависты того времени: в Праге — П. И. Шафарик, в Вене — Е. Копитар и В. Караджич. В конце 30-х — первой половине 40-х годов в Вене побывали все вышеупомянутые кандидаты на замещение славянских кафедр в русских университетах, а кроме них — историк М. П. Погодин, этнограф и журналист Н. И. Надеждин, географ и дипломат Е. П. Ковалевский и др. Все они посещали Караджича, а Прейс, Срезневский и Ковалевский учились у него сербскому языку [1, с. 40]. Н. И. Надеждина и попечителя Одесского учебного округа Д. М. Княжевича Вук в 1841 г. сопровождал в путешествии по южнославянским землям. «Всю вторую часть моего странствования от Триеста и обратно до Вены, — писал в своем донесении министерству народного просвещения Надеждин, — я совершил почти в неразлучном сообществе известного Вука Стефановича Караджича, наилучшего, какого только можно найти, знатока современного сербства» [3].

Со многими из этих ученых у Караджича установились самые добрые отношения, продолжавшиеся и после их отъезда в Россию. Наиболее активная переписка завязалась у него с Надеждиным, Срезневским, Погодиным, Бодянским. Они обменивались книгами, нередко Караджич выполнял различные поручения русских ученых, в то время как последние выполняли его просьбы.

Книгообмен между Россией и Австрией в то время был достаточно затруднительным, поэтому Караджичу не раз приходилось пользоваться оказией для пересылки книг русским корреспондентам — это могли быть как русские путешественники, так и русское посольство, иногда отправлявшее частные посылки в дипломатической почтой. С русским посольством Вук находился в постоянной связи, однако не всегда и далеко не все его сотрудники доброжелательно относились к сербскому ученому: некоторые из них безосновательно подозревали его в связях с австрийским правительством [4], другие относились к его просьбам о передаче книг совершенно безответственно. Например, 30 апреля 1855 г. Караджич жаловался Раевскому на барона Майендорфа, в то время русского посланника в Вене, что он до сих пор не передал императору Николаю I и великому князю Константину Николаевичу книги, которые Вук вручил барону еще в 1852 г. [5, с. 200].

Более стабильными, чем с посольством, были отношения Вука с представителями русской православной церкви в Вене. В конце 30-х — начале 40-х годов настоятелем русской посольской церкви в Австрии был Порфирий Успенский, известный ученый-востоковед и археолог. Вук был с ним знаком. В письме к Надеждину от 14(26) октября 1841 г. Караджич обещал передать его поклон архимандриту Порфирию [6].

Подружился Вук Караджич и с М. Ф. Раевским, сменившим Порфирия на посту настоятеля русской церкви в Вене в 1842 г. Раевский уже до Вены имел опыт заграничной работы: после окончания Петербургской духовной академии он в течение восьми лет возглавлял церковь при русском посольстве в Швеции. Помимо религиозных функций Раевский вел там активную культурную деятельность, в частности написал для «Журнала министерства народного просвещения» несколько статей о системе низшего, среднего и высшего образования в Швеции. Они были благожелательно приняты русской и зарубежной общественностью. Успешная служба в Стокгольме послужила основанием для перевода Раевского на место

Порфирия Успенского, отправлявшегося со специальной миссией на Восток.

Любознательный, образованный новый настоятель русской православной церкви в Вене сразу же проявил внимание к национальным движениям славянских народов Австрии, познакомился со многими его деятелями. Уже до революции 1848 г. дом Раевского стал своеобразным центром общения русских славистов и общественных деятелей со славянами. Спустя 40 лет корреспондент «Нового времени» Г. И. Веселитский-Божидарович (псевдоним — Аргус), опираясь на воспоминания Раевского, писал: «До 1848 г. московские славянофилы толковали здесь с пражскими славистами, с словаками и словенцами, с хорватами и сербами об умственном и духовном единении всех славян... Все сходились в желании возрождения каждой из славянских народностей и освобождения ее от давления иноплеменников» [7]. Раевский был знаком с чехами и словаками Ганкой, Шафариком, Штуром, Колларом, со словенцем Миклошичем, с хорватами Гаем и Штросмайером. Особое внимание он проявлял к сербам как к православному народу, издавна имевшему культурные и политические связи с Россией. Этому способствовал и интерес венских сербов к русской посольской церкви. Дело в том, что в Вене имелось всего две православных церкви — греческая и русская, и сербы предпочитали ходить в русскую. Раевский выучил сербский язык, и в дни сербских праздников приносил проповеди на сербском языке.

Накануне 1848 г. у Раевского установились хорошие отношения с Карловацким митрополитом Иосифом Раяичем, который в 1847 г. посвятил его в сан протоиерея; общался он и с будущим противником Раяича епископом Бачки Платоном Атанацковичем, сербским писателем и мепенатом. В тесных контактах Раевский был и с Вуком Стефановичем Караджичем. Трудно сказать, когда началось их знакомство. Но уже в октябре 1846 г. отношения между ними были достаточно близкими, ибо триестинский учитель Дмитрие Владиславлевич передавал через Караджича Раевскому не только приветы, но и небольшие посылки [8, т. IV, 1909, с. 470—472].

Письма Караджича Раевскому (их всего 13) охватывают период с января 1847 г. по январь 1862 г. Они опубликованы в совместном советско-чехословацко-югославском издании [6]. Сохранились и 10 писем Раевского Караджичу [9, бр. 8552/13]. Большею частью письма Раевского — недатированные записки с приглашением посетить его или с рекомендацией тому или иному лицу к сербскому ученому. Датировано лишь одно письмо из Петербурга от 10 августа 1850 г. В нем Раевский сообщал о желании члена Комиссии прошений А. С. Норова получить от Караджича экземпляр второго издания его «Сербского словаря» с дарственной надписью. Кстати, второе издание словаря вышло только в 1852 г. Любопытны еще некоторые письма Раевского. Так, Раевский напоминал Караджичу о присылке им записки, которую русский посланник в Вене В. А. Балабин просил перевести для него на русский язык. В другой записке Раевский сообщал о желании Е. П. Ковалевского учиться у Вука сербскому языку.

Письма Караджича более содержательны. В первом из них от 30 января 1847 г. он посылал Раевскому расписку в получении денег [5, с. 198]. И это очень характерно для их отношений, ибо Раевский исполнял роль посредника между Караджичем и русскими учеными и официальными лицами.

Особенно активно посредничество Раевского использовал при своем книгообмене с Караджичем М. П. Погодин. Последний начал свою переписку с сербским ученым еще в 1837 г. 24 сентября 1846 г. (новый стиль) Погодин заключил нечто вроде соглашения с Караджичем, в котором обещал ему платить определенные суммы за доставку сербских старопечатных книг. «Деньги по сей записке, — добавлял русский историк, — будет доставлять Вам почтенный иерей Михаил Федорович Раевский». Вук послал Погодину через Раевского в октябре 1846 г. 16 книг и 8 рукописей, в июне 1847 г. — 14 книг, в ноябре 1847 г. — 29 книг и т. д.

Раевский отправлял их от своего имени через посольство. Со своей стороны Погодин доставал для Вука через обер-прокурора синода по дешевой цене русские богослужебные книги. Такое трудоемкое посредничество, по-видимому, тяготило Раевского. В июле 1848 г. Караджич сообщил Погодину: «М. Ф. Раевский отправился в Петербург, и неизвестно, возвратится ли еще сюда; но и если возвратится, он сказал мне, что более не хочет принимать на себя комиссии». Погодин пытался найти других посредников, но не очень успешно. 8/20 апреля 1852 г. он вновь рекомендовал Караджичу попробовать отослать ему книги с помощью Раевского. В октябре 1855 г. Погодин отказался от покупок сербских старопечатных книг [8, т. 7, 1913, с. 496—506, 514, 520, 522, 529, 542]. Позднее в письме к А. Д. Блудовой Раевский признавался, что переслал Погодину старопечатных сербских книг на несколько тысяч рублей [10, д. 2423а, л. 33].

Через Раевского шел обмен книгами между Караджичем и Надеждиным. Так, 2 февраля 1848 г. Вук сообщал Надеждину, что передал ему через М/ихаила/ Ф/едоровича/ Р/аевского/ «Житие архимандрита Зелича» и запись нескольких песен, которые они слышали в деревне. «На днях он мне сказал, что уже отправил их с случившимся курьером». Со своей стороны Вук просил для себя Псалтырь и другие книги из Старого Завета, сочинения Павского о русском языке, книгу А. Н. Попова о Черногории [11, с. 1141]. В мае 1848 г., находясь в Праге в качестве гостя Славянского съезда, Вук снова указывал в письме к Надеждину, что послал ему через М. Ф. Раевского один экземпляр Нового Завета для Бодянского и несколько брошюр, защищавших его реформу сербского литературного языка. В ответ Караджич просил Надеждина достать ему рецензию И. И. Срезневского на его перевод Нового Завета на сербский язык [11, с. 1154].

Кроме русских ученых к Вуку проявляли известное внимание и некоторые высокопоставленные образованные русские чиновники: граф Д. Н. Блудов, президент Академии наук (1855—1864), председатель Государственного совета и Комитета министров (1861—1864), А. С. Норов, действительный член Академии наук, министр просвещения (1854—1858). Связями с ними Караджич очень дорожил, и в осуществлении их ему как всегда помогал М. Ф. Раевский.

Блудов познакомился с Вуком в 1847 г., когда был в Вене [11, с. 1200]. Он посылал книги сербскому писателю, живо интересовался его трудами. Интерес к Караджичу проявляла его дочь графиня А. Д. Блудова, камер-фрейлина императрицы. Сочинения сербского ученого ей настойчиво рекомендовал Раевский. Когда Блудова пожелала изучить сербский язык, она попросила Раевского прислать ей какие-нибудь учебники. В ответном письме от 12 декабря 1849 г. Раевский сообщал: «Посылаю Вам только вышедший в свет „Иллирский лексикон“ и даже с грамматикой, чего не может быть для вас лучше. Сербский лексикон г. Вука Караджича, лучший доселе, не мог найти, но сочинитель обещался мне сам поискать для вас. Самый народный сербский язык вы найдете в песнях г. Вука Караджича. Они находятся у вашего папеньки. Читайте их» [10, ф. 2423а, л. 6—6об.]. И позднее семейство Блудовых не оставляло своим вниманием Вука. В этом отношении любопытно письмо И. Д. Делянова, в ту пору подчиненного Блудова, Раевскому от 22 мая 1851 г. Делянов писал из Варшавы и вместе с письмом посылал два пакета книг и письмо Караджичу от Блудовых [12, ф. 627, д. 22, л. 1—2]. В письме от 10 мая 1851 г., привезенном Деляновым, Блудов благодарил Караджича за подаренные книги и в свою очередь сообщал, что передает ему посылку «через общего нашего приятеля почтенного иерея Михаила Федоровича Раевского». В числе посланных Вуку книг Блудов называл «Собрание сказаний русского народа» И. П. Сахарова в двух томах и «Архив историко-юридических сведений» Н. В. Калачева. Граф выражал надежду, что «вы будете в свободное время читать или хоть пробегать помещенные в них не всегда юридические, не всегда исторические, даже не всегда вполне простонародные остатки наших старинных преданий, пословиц, песен и сказок и проч. и проч. с любопытством и некоторым удовольствием так же, как

мы здесь читаем ваше „Собрание сербских песен и пословиц“ и так названный вами „Ковчежец“. Блудов изъявлял желание получить еще несколько экземпляров альманаха «Ковчежец» и подписаться на остальные его выпуски. Для этого он препровождал Вуку деньги «также через нашего почтенного Михаила Федоровича» [9, бр. 8131/1]. Не случайно Блудов посылал деньги для подписки на сочинения Караджича через Раевского. Именно Раевский хлопотал о сборе в России подписчиков на книги сербского ученого и не раз писал об этом А. Д. Блудовой. В письме без даты, но относящемся, по-видимому, к концу 1850 или началу 1851 г., он сообщал ей: «Посылаю Вам объявление о вновь выходящих книгах г.г. Коллара и Караджича, постарайтесь, чтобы оно было напечатано в „Северной пчеле“, если же Вам это трудно, перешлите в министерство внутренних дел Николаю Ивановичу Надеждину... Между тем, если можете, постарайтесь и Вы по возможности приобрести подписчиков на означенные сочинения и меня о том уведомить» [10, д. 2424, л. 165]. 18/30 апреля 1851 г. Раевский вновь напоминал Блудовой: «Не пожелает ли кто иметь Колларова и Вукова сочинений» [10, д. 2423а, л. 60об.]. Таким образом Раевский оказывал услуги Караджичу не только по пересылке его книг в Россию, но и по сбору там на них подписчиков.

Вук дарил свои книги и А. С. Норову, в частности, второе издание своего «Сербского словаря», которое он также переслал ему через Раевского [5, с. 200].

Тесные контакты между сербским ученым и русским священником установились по линии благотворительности сербским церквам. Караджич, не раз ездивший по сербским землям Австрийской и Турецкой монархий в поисках материала для своих книг, прекрасно знал состояние многих православных церквей и монастырей и сообщал Раевскому о наиболее бедных из них. Раевский же организовывал для них вспоможение из России: религиозные книги, утварь, одежду, деньги. «Слышали, что М. Ф. Р. скоро прибудет сюда,— писал Караджич Надеждину 5/17 сентября 1848 г. из Вены,— надеюсь, что он привезет с собой письмо от вас. Если бы это письмо застало его еще там, то прошу вас сказать ему, чтобы не уезжал, не сделавши чего-нибудь для монастыря Драговича (в Далмации.— И. Ч.) и не собрав тех книг, одежд и сосудов, которые я по его поручению обещал недостаточным церквам» [11, с. 1165].

Караджич получал у Раевского различные книги и для себя лично. Так, в письме от 6 сентября 1855 г. он просил русского священника достать для него Ветхий Завет, напечатанный Библейским обществом, и карту Болгарии, об издании которой сообщил ему известный деятель болгарского возрождения Н. Геров [5, с. 200]. В своем последнем письме от 3 января 1862 г. Вук снова просил богослужебные книги у Раевского и одновременно посылал свою статью «Сербы и хорваты» с тем, чтобы он перевел ее на русский язык и опубликовал в какой-нибудь русской газете или журнале [5, с. 202]. У нас нет сведений, было ли исполнено последнее пожелание Караджича.

Отношения между Караджичем и Раевским не всегда развивались ровно, и причины этого лежали в событиях политических. Почти всю вторую половину 1848 г. Раевский пробыл в России. Вук очень чувствовал его отсутствие. 25 сентября он спрашивал Надеждина: «Где М. Ф. Р.? Давно уже говорят, что скоро будет, а его еще нет!» [11, с. 1168]. Наконец Раевский вернулся в Вену, и Караджич 10/22 ноября с удовлетворением сообщил Надеждину, что 20 голландских дукатов, посланных им, он получил от Михаила Федоровича. «За все это благодарю вас от всего сердца,— заключая свое письмо сербский ученый [11, с. 1186].

После приезда Раевского наладились дела Вука и с корреспонденцией русским друзьям. 7 октября, 26 октября и 10 ноября он посылал через канцелярию русского посольства три письма Надеждину. Однако в двадцатых числах ноября обнаружил, что они лежат там без движения. «М. Ф.,— писал Вук 25 ноября 1848 г. Надеждину,— чтобы ускорить отправку их сколько возможно, завернул все три в свой пакет с (греческой рукописью от Миклошича)» [11, с. 1188].

Но уже 23 апреля 1849 г. Вук посылал свои книги для Надеждина и Срезневского через русское посольство [11, с. 1119]. 6 апреля 1851 г. в своем последнем письме к Надеждину он с горечью замечал, что не знает, каким путем доставлять ему посылки, ибо «посылки чрез канцелярию идут очень медленно» [11, с. 1217]. По-видимому, в это время Караджич не пользовался услугами Раевского. Любопытно, что за время с декабря 1848 г. по ноябрь 1853 г. не имеется и писем Караджича настоятелю русской посольской церкви. Можно предположить, что отношения их ухудшились. И действительно, революционные события в Австрийской монархии, в частности сербское национальное движение в 1848—1849 гг. вызвали с их стороны неоднозначную оценку. Оба они считали необходимым для сербов сохранить верность императору, оба выступали против действий венгерских революционеров. Но в отношении двух течений в сербском национальном движении взгляды их существенно отличались. Вук Караджич встретил мартовскую революцию в Вене с удовлетворением. «Если бы кому учинены были какой-либо ущерб или неправда за это время среди столь взволнованного народа,— писал он 6 марта Надеждину,— не было бы в том никакого чуда; но чудно, что без полиции и без всякого напоминания сохранялся такой порядок и так все смотрели друг за другом, что более и требовать нельзя» [11, с. 1152]. В сербском национальном движении Вук симпатизировал либералам. К патриарху Раяичу, который стоял на консервативных позициях, Караджич относился отрицательно, особенно после того, как он с помощью императорских войск разогнал Национальный комитет и закрыл две сербские газеты. «Патриарх Карловацкий потерял любовь и доверие своего народа,— подчеркивал Вук в письме к Надеждину от 18 июля 1849 г.— За это и за многое другое против патриарха так кричат, что иные даже говорят: следовало бы его повесить» [11, с. 1200].

Совсем по-другому относился к Раяичу Раевский. В начале апреля 1849 г. он писал, что патриарх пользуется доверием народа и двора и заключал: «Какой мудрый правитель!» [10, д. 919, л. 10 об.]. Спустя месяц, описывая споры между сторонниками лидера сербских либералов Д. Стратимировича и группировкой Раяича, Раевский безусловно становился на сторону последних. «Но патриарх мудр,— писал он,— спокойнее смотрит на дело, чем восторженный и озлобленный народ, и идет своим правым путем». Запрещение сербских газет и разгон Национального комитета, совершившиеся при активном содействии Раяича, тоже не слишком ухудшило мнение о нем Раевского. Он только заметил, что после закрытия сербских газет патриархом многие недовольны [10, д. 919, л. 13 об.].

И после поражения революции 1848—1849 гг. Раевский продолжал смотреть на многие события глазами сербского православного клира. Языковая реформа Караджича, проведению которой противилась большая часть сербского духовенства, вызвала настороженное отношение со стороны Раевского. «Против Вука,— замечал он в письме к А. Д. Блудовой от 6 мая 1850 г.,— восстала на счет его правописания большая партия и сильная. В самом деле Вук все тянет к кроатизму, забывает, что меньшая часть славянства. Между сербскими учеными Вук в большой славе, поэтому кроаты льстят ему до невозможности, чтобы держать его на своей стороне» [10, д. 2423а, л. 20 об.]. Кроатизм, т. е. хорватизм, Раевский понимал прежде всего как симпатию Вука к католической церкви. Именно с этих позиций Раевский рассматривал все шаги, предпринимаемые сербскими и хорватскими культурными деятелями, в целях сближения сербской и хорватской культур. 28 марта 1850 г. в Вене произошло собрание восьми виднейших югославянских ученых. На нем присутствовали от сербов — Вук Караджич и его ближайший ученик и последователь Джура Даничич, от словенцев — Ф. Миклошич, от хорватов — И. Мажуранич, И. Кукулевич, Д. Деметер, С. Пеякович и В. Пацел. Они договорились об едином литературном языке для сербов и хорватов на основе реформы, проведенной Вуком Караджичем. Вук написал для этого «Главные правила для южного наречия» [13]. Значение этого сове-

щения трудно переоценить: оно заложило основы литературного единства двух братских народов. Передовые круги сербской и хорватской интеллигенции восприняли его с большим удовлетворением.

По-другому отнесся к совещанию М. Ф. Раевский. В записке, предназначенной для Д. Н. Блудова и А. Д. Блудовой, он писал: «Г/осподин/ Вук, упоенный лестью кроатов, к общему неудовольствию сербов согласился на это охотно, и избрали какое наречие общим? Не великосербское и не кроатское, а герцеговинское. Г. Вук говорит, что это наречие турецких сербов самое лучшее. Теперь хотят подвести оба письма, и кирилловское и латинское под общие герцеговинские звуки, то есть, чтобы и кроаты, и сербы писали так, как говорят герцеговинцы» [10, д. 919, л. 32 об.]. Когда Раевский упоминал сербов, недовольных соглашением ученых в Вене, он, несомненно, имел в виду прежде всего сербское православное духовенство, которое с неприязнью следило за всякой попыткой контактов между сербскими и хорватскими национальными деятелями, опасаясь, что это нанесет ущерб их влиянию на сербское национальное движение. В своих черновых записях Раевский высказывался об этом очень откровенно: «Теперь составилось в Вене общество филологов, занимающееся сближением сербского и хорватского языков... и кто в этом потерпит ущерб? Разумеется, сербы. Со стороны кроатов работают твердые приверженники кроато-латинизма; со стороны сербов — известный нетвердую своею приверженностью к церковно-сербизму Вук Караджич, на которого и так уже много ропщет народ за его нововведения в литературе, принимая их шагом к соединению с римо-католиками» [12, ф. 607, Записки Раевского, 1850, л. 8].

Раевский, как и сербский клир, считал, что Вук недостаточно радует о православии. Тот факт, что австрийское правительство дало ему орден вместе с Шафариком и Колларом, послужил для русского священника как бы еще одним доказательством его неблагонадежности с точки зрения православия. «Г. Вук, — писал он, — едва только возвратился из своего вояжа по Сербии, и был приятно изумлен, говорит он, этою новостью. Знает следовать за духом времени». Тут же Раевский добавлял, что Ганка и Петранович орденов не получили, поскольку «это православная партия» [10, д. 919, л. 39 об.]. В том же духе Раевский писал А. С. Норову 10/22 октября 1850 г. Он подчеркивал, что получение Караджичем многочисленных знаков внимания из России не нравится сербскому духовенству. «Я не противник г. Вука, — продолжал Раевский, — ценю его труды, тенденции его не знаю, но благо церкви, у которой кроме внутренних есть столько внешних настроений и забот, интерес русский меня заставили написать нечто, так сказать, не в пользу г. Караджичу. Пренебрегать им не годится, но и особенного внимания к нему показывать не спешите» [14].

Спустя три года, 14 февраля 1853 г., Раевский откровенно признавался А. Д. Блудовой: «Как кололи меня здесь Вуком! И в самом деле, как будто назло им (т. е. сербскому клиру. — И. Ч.) беспрестанно он получает награды и награды русские» [10, д. 2423а, л. 95 об.]. Уже в это время политические позиции сербского ученого и настоятеля русской посольской церкви начали постепенно сближаться. Раевский все более разочаровывался в высшем сербском духовенстве, поняв, что ни о какой привязанности к России с их стороны не может быть и речи. В 1860 г. он уже замечал: «Наши православные епископы в Австрии все хотят быть патриархами Карловацкими, поэтому у них нескоро добьешься правды» [15].

С 1853 г. возобновилась переписка Караджича с Раевским. До 1862 г. Вуком было написано 11 писем русскому священнику. Письма Вука большей частью представляют собою небольшие записки с приглашением зайти или с просьбой прислать те или иные книги. Два небольших письма, написанных из Белграда и Бадена в мае-июне 1854 г., касаются Е. П. Ковалевского. В письме от 30 августа 1855 г. Караджич жаловался Раевскому на русского посланника в Вене П. К. Мейендорфа (об этом упоминается выше). Вместе с тем Вук сообщал, что хотел бы заниматься изучением русско-сербских связей, начиная с 1804 г. Два последних письма от 5/17

сентября 1861 г. и 3 января 1862 г. касались статьи Караджича «Сербы и хорваты». Он просил Раевского перевести ее на русский язык и напечатать в какой-нибудь русской газете [5, с. 198—202].

Все письма Караджича Раевскому с 1853 г. по своему тону говорят, что отношения его с русским священником не только восстановились, но даже сделались глубже и содержательнее. Это объяснялось сближением в то время их политических симпатий. Они касались прежде всего дел в княжестве Сербия.

В период Крымской войны и особенно после нее сербский князь Александр Карагеоргиевич решительно встал на позицию дружбы с турецким и австрийским правительствами. Многие сербские патриоты были недовольны этим: они хотели продолжения борьбы с турками и укрепления союза с Россией. Действия Александра вызвали оппозицию со стороны сербских либералов, недовольных и его внутренней политикой, приверженцев династии Обреновичей, значительной части духовенства, широких слоев народа. Вук Караджич был связан с династией Обреновичей еще с 20-х годов. Он неоднократно получал от них денежные подарки, а с 1835 г. стал получать постоянную пенсию. Раевский также симпатизировал Обреновичам. Об этом знал, несомненно, и глава династии князь Милош, который в конце 50-х годов в каждом письме к Вуку неизменно передавал приветы Раевскому [8, т. II, 1908, с. 734—738; т. III, 1909, с. 635—637].

Интерес Раевского к династии Обреновичей пробудился уже в самом начале 1854 г. Описывая деятельность представителя сербского правительства Янковича в Вене, он с горечью указывал в письме к А. Д. Блудовой, что тот «бегает и к русским, и к австрийцам, и к туркам — ищет куда пристать». И затем Раевский как бы вскользь замечал, что правительство Александра Карагеоргиевича боится Милоша. «Поверьте, — заключал он, — если русские захотят Милоша употребить, он принесет им у южных славян пользы своим одним именем не менее целого отряда войска» [10, д. 2423а, л. 105 об.]. Раевский, несомненно, надеялся, что с приходом к власти Обреновичей политика Сербии станет более благоприятной по отношению к России. В этом он не ошибался: Обреновичи в то время были настроены прорусски. Весной 1848 г. князь Михаил, сын Милоша, жил в Петербурге, где, вероятно, познакомился с Николаем I лично. Узнав о смерти царя, Михаил писал Вуку: «Горе! Великое горе! Ужасное горе!!! Сегодня в полдень умер царь Николай!» [8, т. VII, 1913, с. 641].

Раевский пытался заручиться поддержкой Милошу у своих покровителей Блудовых, правда, не совсем удачно. «Извините, мне все не нравится ваша мысль о восстановлении старика Милоша! — отвечала Раевскому А. Д. Блудова 19 апреля/1 мая 1854 г. — Эдаких тиранов не годится России восстанавливать. Народ его через несколько месяцев возненавидит, а он начнет опять кокетствовать с австрийцами и с французами, как и Данило, и Карагеоргиевич, и другие. Михаил Обренович по крайней мере человек добрый и хороший, да у того жена католичка» [15]. Однако Раевский не изменил своим симпатиям в отношении Милоша. 27 сентября 1857 г. после открытия заговора среди сенаторов против Александра Карагеоргиевича, Раевский прямо писал об обстановке в Сербии: «Сербы хотят Милоша и во избежание третьей партии, и ради имени, и ради характера пожалуй... А там придет и Михаил — все хотят помышленнее и щедрее Александра» [10, д. 2424, л. 140]. На что А. Д. Блудова 9/21 октября 1857 г. отвечала довольно резко, не изменив своего мнения о старом князе. «Разить и расстреливать, — решительно заявляла она, — да брать подати, а своим окружающим давать деньги, — это сумеет и не один Милош. Нет, такой человек, безнравственно дикий, был хорош в свое время, а не должен считаться русским претендентом тогда, как он и прежде против России действовал» [15]. И все же вопреки советам Блудовой Раевский продолжал поддерживать дружеские отношения с изгнанным князем. Он даже, судя по письму Вука к Милошу Обреновичу от 9 февраля 1858 г., являлся кумом последнего [8, т. II, 1908, с. 735].

Трудно судить со всей определенностью, оказали ли какое непосредственное влияние Караджич и Раевский, их контакты на последующие события в Сербии. Несомненно только, что их авторитет в сербских общественных кругах — Вука в среде немногочисленной сербской интеллигенции, Раевского — в среде сербского духовенства — не мог не сыграть свою, пусть и далеко не главную роль в завоевании симпатий сербского населения на сторону династии Обреновичей. В декабре 1858 г. в Сербии собралась Святоандреевская скупщина, низложившая Александра Карагеоргиевича и призвавшая на сербский престол Милоша Обреновича.

Долговременные контакты между Раевским и Караджичем, продолжавшиеся почти двадцать лет, должно рассматривать не только как часть научных связей между Россией и Сербией, но и как часть политических связей между сербской и русской общественностью. Именно политические события и симпатии определяли в значительной мере весь ход развития их взаимоотношений — от дружественных до неприязненных и от неприязненных снова к дружественным.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Добрашиновић Г.* Вук и руси. Београд, 1964.
2. *Добрашиновић Г.* Петар Иванович Кепен и Вук. — Вуков зборник. Београд, 1964, № 4, с. 132.
3. Журнал министерства народного просвещения, 1842, июнь.
4. *Карасев В. Г.* Вук Караджич и Россия. — Славянское источниковедение. М., 1965, с. 217.
5. Зарубежные славяне и Россия. М., 1975.
6. *Попова Т. П.* Неизвестные письма В. Ст. Караджича Н. И. Надеждину. — Вестник Московского университета. Серия VII, 1964, № 4, с. 58.
7. Новое время, 1884, 28 II/11 III (№ 2874).
8. Вукова преписка. Београд.
9. Архив Сербской Академии наук и искусств. Београд.
10. Центральный государственный архив древних актов, ф. 1274.
11. *Попов Н. А.* Письма Платона Атанацковича, Вука Караджича, Миклошича и Коллара к Н. И. Надеждину. — Русский архив, 1873, № 7—12.
12. Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.
13. *Добрашиновић Г.* Вук Караџић. Београд, 1964, с. 39.
14. Русский архив, 1895, № 11, с. 360.
15. Отдел письменных источников Государственного исторического музея, ф. 347, д. 14.

ДАНЧЕНКО С. И.

РУССКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА О СЕРБИИ И РУССКО-СЕРБСКИХ ОТНОШЕНИЯХ (1885—1903)

Русская общественность всегда с большим интересом следила за событиями в Сербии. На страницах газет и журналов прошлого столетия, выходявших в Москве, Петербурге и других городах, было опубликовано немало материалов на эту тему. Наиболее значительная их часть приходится на период Восточного кризиса 1875—1878 гг., когда «сербская» проблема рассматривалась в рамках общебалканской. Но и после русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и Берлинского конгресса процесс становления и развития молодого независимого Сербского государства вызывал интерес в различных кругах русского общества.

Период 80—90-х годов XIX в. характеризовался усилением влияния Австро-Венгрии на все стороны экономической и политической жизни Сербии. Этому способствовала и преимущественно проавстрийская ориентация сербских правящих кругов.

В противовес Австро-Венгрии, вынашивавшей планы закабаления Сербии с тем, чтобы использовать ее в качестве трамплина для дальнейшей экспансии на Балканах, Россия, как и в предшествовавший период, была заинтересована в укреплении национальных государств, получивших независимость благодаря ее дипломатической и военной поддержке. Русское правительство стремилось дипломатическими средствами ослабить австрийское влияние в балканском регионе. Развитие и укрепление славянских государств, постепенно освобождавшихся от австрийской «опеки» и способных противостоять экспансионистской политике монархии Габсбургов, вполне соответствовали внешнеполитическим задачам царизма. Кроме того, в балканских государствах, и прежде всего в Сербии, Россия видела возможных союзников на случай международных осложнений. Таким образом, объективно интересы России на Балканах и потребности исторического развития балканских государств, в данном случае Сербии, совпадали. Это имело важное значение для становления сербской буржуазной государственности.

Большое значение в этот период русское правительство придавало общественным каналам поддержания и укрепления традиционных исторических связей между народами двух стран.

В русской прессе 80—90-х годов XIX в. в значительной мере отражалось общественное мнение. В связи с этим перед исследователем русско-сербских связей стоит важная задача — показать, как печатное слово в России оценивало сербские события и определяло перспективы русско-сербских отношений.

Автор уже рассматривал вышеуказанную проблему для периода 1878—1885 гг. [1]. В данной статье мы попытаемся продолжить исследование и

Данченко Светлана Ивановна — канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения и балканистики АН СССР.

показать, как некоторые ведущие органы русской журналистики отзывались на события в Сербском государстве в 80—90-е годы (до Майского переворота 1903 г.). Следует отметить, что это первая попытка подобного рода в историографии и поэтому статья не может претендовать на полноту изучения.

Нами были выбраны наиболее влиятельные издания, которые смогли наладить при помощи корреспондентов поступление информации из Сербии. Среди них: дворянско-монархический журнал «Русский вестник» (до 1887 г. редактор М. Н. Катков, после его смерти — кн. Церетелев, позже — Ф. Н. Берг и др.); буржуазно-либеральное издание «Вестник Европы» (издатель-редактор М. М. Стасюлевич) и «Русская мысль» (издатель-редактор В. М. Лавров, фактический редактор — профессор В. А. Гольцев), а также славянофильское «Славянское обозрение» (редактор — профессор А. С. Будилович). На страницах этих журналов, прежде всего «Вестника Европы», в рассматриваемый период появилось немало материалов о Сербии, представляющих значительный интерес для специалистов.

После сербо-болгарской войны 1885 г. в Сербии под влиянием внешнеполитических неудач и падения авторитета королевской власти нарастает политический кризис, усиливается влияние монархии Габсбургов [2]. Его проводниками были представители правящей напредняцкой («прогрессивной») партии, образовавшейся в 1881 г. и выражавшей интересы верхушки сельской и торгово-ростовщицеской буржуазии, связанной с австрийским рынком, предпринимателей, а также высшей чиновничьей бюрократии.

Внешиполитическая ориентация напредняков уже с начала 80-х годов вызывала осуждение в кругах русской общественности [1, с. 227]. Такая позиция совпадала и с официальным правительственным курсом политики России в Сербии. На страницах русских журналов неоднократно помещались материалы, в которых высказывалось отрицательное отношение к внутренней и внешней политике находившегося у власти правительства напредняков. Так, «Вестник Европы» отмечал «антинародность» сербских министров, указывая, что «все говорят от имени народа, но никто не считает долгом снизойти к его действительным нуждам и потребностям» [3, 1886, № 3, с. 403]. По мнению «Русского вестника», правление напредняков (1880—1887) было губительным для Сербии, так как они подчинили интересы сербского народа Габсбургской монархии [4, 1887, № 5, с. 444].

Журналы неоднократно писали об усилении недовольства сербского народа политикой правящих кругов. «Вестник Европы» отмечал, что оно «существовало... и раньше ввиду непосильного возрастания налогов и чрезмерной угодливости правительства по отношению к Австрии; но оно достигло крайней степени напряжения, когда политика бездарных честолюбцев потерпела кровавое фиаско на поле битвы»¹. Главными виновниками этого, наряду с королем, по мнению журнала, были напредняцкая партия и правительство. «Эти мнимые „прогрессисты“, — говорилось в разделе „Иностранное обозрение“, — оказались в сущности самыми упорными реакционерами — они превратили сербскую скупщину в какую-то жалкую пародию представительства, бесцеремонно устраняли и преследовали оппозицию, ставили произвол на место закона и подавляли всякие попытки общественного контроля или протеста» [3, 1887, № 7, с. 398].

Политический кризис в Сербии привел к отставке напредняков. Под влиянием внешнеполитических неудач и падения авторитета внутри страны король Милан был вынужден пойти на уступки сторонникам демократизации политической жизни и проведения конституционной реформы. Новый, коалиционный радикально-либеральный кабинет возглавил видный государственный и политический деятель, глава либеральной партии Й. Ристич. «Вестник Европы» весьма положительно характеризовал

¹ Имеется в виду поражение Сербии в войне с Болгарией в 1885 г.

Ристича, справедливо отмечая, что он «играл выдающуюся роль в истории Сербии». «В сущности он один только, — отмечалось в „Иностранном обозрении“, — совмещает в себе качества серьезного государственного человека в современной Сербии... Ристич считается противником Австрии и приверженцем к России; в действительности он высказывался всегда против преобладающего влияния той или другой державы в сербских делах. Он стоит за самостоятельное развитие страны, за политику строго национальную, за расчетливость и бережливость в финансах, за соблюдение прав скупщины и за возможное упрощение администрации». Военным министром в правительстве Ристича стал Сава Груич, бывший сербский посланник в Петербурге, «известный своими симпатиями к России» [3, 1887, № 7, с. 399—400].

Следует отметить, что и другие русские журналы приветствовали падение правительства напредняков и приход к власти кабинета Й. Ристича [4, 1887, № 6, с. 972; 5, 1887, № 6, с. 120], связывая с этим событием определенные надежды русской общественности на изменение внешнеполитической ориентации Сербии и укрепление дружественных отношений с Россией. «Русская мысль» называла главу нового сербского правительства «одним из наиболее замечательных деятелей славянского освобождения» [5, 1887, № 6, с. 120]. Говоря о политических переменах в Сербии, журнал признавал их позитивную роль особенно для «усиления на Балканском полуострове русского влияния», при условии, если русская дипломатия будет достаточно корректна в отношении внутренней самостоятельности сербского народа [5, 1887, № 6, с. 170].

С подобным мнением, однако, был несогласен «Вестник Европы». «Нам кажется, — читаем на его страницах, — что сильно заблуждаются газеты, видящие в белградской министерской перемене... действительную перестановку соперничающих сил на Балканском полуострове». Журнал резонно замечал: «К сожалению, влияние Австрии в Белграде основывается не только на чисто личных слабостях короля Милана и его напредняков, но и на весьма реальных обязательствах, от которых не освободится Сербия и при Ристиче». Автор «Иностранного обозрения» имел прежде всего в виду экономическую зависимость Сербии от Австрии. «Пока австрийцы, — писал он, — будут опираться на свое финансовое и промышленное господство над страной, до тех пор последняя не выйдет из сферы австрийского влияния. Вот почему нельзя не признать крайне преувеличенным то оптимистическое толкование, которое придается сербской правительственной перемене в некоторых наших газетах» [3, 1887, № 7, с. 402]. Эта позиция одного из ведущих органов печати была, на наш взгляд, вполне реалистична. Последующие события в Сербии подтвердили эту точку зрения. Вместе с тем, по мнению «Вестника Европы», «при Ристиче Сербия во всяком случае не будет обнаруживать чрезмерной угодливости по отношению к Австрии, и является возможность восстановить некоторые старые связи между сербским королевством и Россией. Эта благоприятная перспектива, открываемая министерством Ристича, составляет уже, без сомнения, значительный выигрыш с точки зрения русских интересов» [3, 1887, № 7, с. 403].

17 сентября 1887 г. состоялись выборы в сербскую скупщину. Победу одержала популярная в широких народных массах радикальная партия, вновь появившаяся на политической арене Сербии. Репрессии и гонения в связи с Тимокским крестьянским восстанием, в котором активное участие приняли многие рядовые члены партии, способствовали усилению умеренного оппортунистического течения в ее руководстве, выражавшем готовность к компромиссу с королем в целях достижения власти.

Два важных события сербской истории привлекли в этот период наибольшее внимание русской печати — принятие прогрессивной конституции 1888 г. и отречение короля Милана от престола.

К участию в выработке проекта новой сербской конституции были привлечены представители всех политических партий, и прежде всего радикальной. Стремление ее лидеров во что бы то ни стало достичь власти и пойти на компромисс с двором являлось достаточной гарантией уме-

ренности требований радикалов при составлении новой конституции.

Согласно принятой в декабре 1888 г. конституции Сербское королевство объявлялось наследственной конституционной монархией с народным представительством. Скупщина получила значительную законодательную инициативу, право контролировать государственный бюджет; была установлена ответственность министров перед парламентом; гарантировались буржуазные права и свободы. Вместе с тем сохранялся имущественный ценз, а принцип самоуправления был проведен лишь частично — отсутствовали статьи о введении срезского самоуправления, за что ратовали в начале 80-х годов радикалы ².

Новая конституция отражала убедительную победу сербской буржуазии, получившей большие возможности для своего участия в управлении государством ³.

Ее принятие было с одобрением воспринято в России. Правящие круги считали, что она упрочит внутривластный строй и будет способствовать дальнейшему развитию Сербского государства [8, ф. Политархив, 1889, д. 439]. Такую же позицию занимала и дворянско-буржуазная общественность.

Русское общество с вниманием следило за ходом конституционной реформы в Сербии. Газеты и журналы подробно информировали своих читателей об основных ее этапах. Так, «Московские ведомости» изложили содержание новой конституции, обратив особое внимание на те пункты, по которым король сделал уступки радикалам [9, 1888, 25 XI, 19 XII].

В «Вестнике Европы» была опубликована статья «Новая сербская конституция» за подписью В. Д. Сравнивая две конституции — 1869 и 1888 гг. — и положительно оценивая новации в последней, автор писал: «Громадное значение получают в новой конституции уставные права сербских граждан...». Выделяя то новое, что отличало конституцию 1888 г., он писал: «Наиболее крупное изменение предположено в системе выборов в народные представители... Новый Устав отменяет представительство по назначению короля и вводит выборы непосредственные, закрытую подачу голосов...» [3, 1889, № 2, с. 875—876].

Обращаясь к статьям, касавшимся местного самоуправления, автор разъяснял изменения в местных учреждениях Сербии. Вся ее территория делилась на округа, округа — на срезы, а срезы на общины. При этом до принятия конституции 1888 г. в округе и срезе существовал бюрократический порядок, и только общины представляли собой самоуправляющиеся единицы. Отныне в каждом округе должна быть избрана окружная скупщина и постоянный окружной комитет — органы самоуправления. Положительной чертой конституции 1888 г., по мнению автора статьи, было ограничение власти короля. Вместе с тем не без основания отмечалось, что «между подписанием и претворением (конституции. — С. Д.) лежит чуть не целая бездна» [3, 1889, № 2, с. 879].

Характеризуя новую конституцию, обозреватель «Русской мысли» отмечал: «Сербский народ и народное представительство получили по новой конституции обширные права... Если не помешают какие-либо несчастные случайности, то перед Сербией открывается теперь счастливая будущность» [5, 1889, № 1, с. 149].

Русская журналистика приветствовала отречение короля Милана от престола (1889) и создание правительства радикалов. Многие органы печати рассматривали эти события в связи с развитием русско-сербских отношений. По мнению обозревателя «Русского вестника» С. С. Татищева (дипломата, публициста, автора ряда работ по истории внешней политики России в период правления Николая I), взаимоотношения России и Сербии основывались «не только на тесной кровной и духовной связи сербов с русскими, но и на твердой почве обоюдных государственных интересов» [4, 1889, № 4, с. 337]. Говоря о борьбе сербов за национальную независимость в предшествующие десятилетия, автор отмечал, что

² Текст конституции см. [6].

³ Подробнее см. [7].

Россия всегда оказывала им дипломатическую и материальную помощь. Для публикаций «Русского вестника» 70—80-х годов XIX в. было характерно противопоставление политики России и Австро-Венгрии в отношении Сербии. В этом же духе написана и статья Татищева. «В противоположность России,— отмечал он,— Австрия всеми мерами старалась препятствовать освобождению Сербии из-под верховной власти Порты... В десятилетие, истекшее со дня закрытия Берлинского конгресса, австро-венгерской дипломатии удалось вполне подчинить себе политику молодого Сербского королевства и поставить последнее в отношении полной зависимости от соседней монархии» [4, 1889, № 4, с. 338]. В заключение Татищев выражал надежду, что отречение Милана будет способствовать началу освобождения Сербии от австрийского влияния. Это событие, подчеркивал он, «знаменует возвращение Сербии на путь народной, славянской, вполне самостоятельной политики... На этом новом пути Сербия может быть уверена в сочувствии русского общества» [4, 1889, № 4, с. 340—341].

Говоря об отречении Милана, «Русская мысль» высказывала предположение, что оно «вызвано затруднениями политического свойства, невозможностью при всей изворотливости бывшего короля управлять Сербией в интересах народа...». Это событие, по мнению обозревателя журнала, является благоприятным для дальнейшего развития Сербского государства. В этих условиях перед русской дипломатией стоит важная задача — «поддержать и укрепить то стремление к сближению с Россией, которое вновь пробудилось в сербском народе» [5, 1889, № 3, с. 182]. «Русская мысль» приветствовала возвращение на родину и восстановление в сане известного русофила митрополита Михаила, изгнанного из Сербии в начале 80-х годов [5, 1889, № 6, с. 150].

«Вестник Европы» называл отречение Милана «разумным и целесообразным». В журнале давалась такая оценка правления сербского короля: «Царствование Милана, продолжавшееся более двадцати лет, распадается на две половины: первый период, до Берлинского конгресса, может быть признан довольно удачным и счастливым; внутренние усложнения, политические блуждания и разочарования начинаются лишь с того момента, когда Сербия... была ... обойдена при заключении русско-турецкого мира» [3, 1889, № 4, с. 823—824]. Позиция русской дипломатии на Берлинском конгрессе, по мнению «Вестника Европы», способствовала тому, что Сербии «пришлось поневоле искать содействия и покровительства Австрии». С этого времени и началось ускоренное проникновение австрийской буржуазии в промышленность, торговлю и политику Сербского княжества. Таким образом, именно в русской политике в отношении Сербии на заключительном этапе Восточного кризиса журнал видел причину того, что эта братская славянская страна отошла от России [3, 1889, № 4, с. 825]. Эта позиция, на наш взгляд, является односторонней. «Вестник Европы», как и ряд других русских изданий, не учитывал то обстоятельство, что Сербия в силу своего географического положения была вынуждена развивать экономические и торговые связи в первую очередь с Австро-Венгрией, правящие круги которой использовали их для усиления своего влияния и на политическую жизнь Сербского государства. Это понимали руководители русской дипломатии. В частности, министр иностранных дел России А. Б. Лобанов-Ростовский писал в 1895 г., характеризуя сложившуюся в 70—80-е годы обстановку на Балканах: «Охватывая Сербское королевство с двух сторон, Австро-Венгрии стоит только запереть свою границу, чтобы сербские произведения не имели сбыта на запад. Сознание этой материальной зависимости тяжким бременем ложится на сербский народ. Оно, несомненно, способствовало порабощению бывшего короля Милана австрийской политикой и возникновению так называемых напредняков, сторонников сближения Сербии с Австро-Венгрией» [8, ф. Политархив, 1895 г., д. 466, л. 1 об.— 2].

Примечательно, что «Вестник Европы» довольно резко выступал против публикаций в славянофильском издании «Славянские известия», в которых в очень радужных тонах рассматривались политические пере-

мены в Сербии, связанные с приходом в 1889 г. к власти правительства радикалов, что якобы свидетельствовало об усилении влияния России. Обозреватель «Вестника Европы» выражал удивление по поводу появления подобных статей в органе, «поставившем себе специальною задачею ознакомление русского общества с действительными (выделено нами.— С. Д.) потребностями, взглядами и стремлениями различных славянских народностей». «Когда наконец поймут наши так называемые славянофилы,— спрашивал автор,— что ни сербы, ни болгары, ни прочие славяне не хотят и не думают служить „материалом“ для „русской партии“, что они хотят остаться самими собою и жить для себя, и что совершенно нелепо приписывать им желание „ни минуты не думая, идти за Россию“ и „жертвовать собою для ее благосостояния и славы?“». По мнению «Вестника Европы», и И. Ристич, и С. Груич, конечно, стоят за дружбу с Россией и русским народом, но «они руководствуются при этом исключительно сербскими интересами, которые требуют дружбы и с Австриею, и с Германиею» [3, 1889, № 4, с. 826—827]. Эта позиция была характерна для всех материалов «Вестника Европы» о Сербии. Так, автор «Иностранного обозрения», опубликованного в № 8 за 1889 г., писал: «... сербы освободились от дипломатического преобладания и главенства Австрии не для того, чтобы подчиниться опеке какой-либо другой державы; они просто хотят быть независимыми и свободными у себя дома, в своей собственной стране».

Вновь полемизируя со славянофилами, автор отмечал: «...дружба не должна переходить в опеку». Тем более, добавлял он, русская дипломатия должна учитывать, что в связи с 500-летием Косовской битвы в Сербии имеет место «оживление национального чувства» [3, 1889, № 4, с. 844].

В последующих номерах «Вестника Европы» приводились факты, свидетельствовавшие об улучшении русско-сербских отношений. Так, отмечалось, что собравшаяся 1 октября 1889 г. в Белграде скупщина, большинство депутатов которой были радикалами, высказалась за восстановление дружбы с Россией [3, 1889, № 11, с. 422]. Сообщалось и о пребывании молодого сербского короля Александра в июне 1891 г. в России и оказанном ему теплом приеме [3, 1891, № 9, с. 405].

Примечательный факт проявления дружеских чувств сербского народа к русскому находим мы в журнале «Славянское обозрение». Здесь было помещено письмо из Белграда серба П. Швабича, напоминавшего, что в годы национально-освободительной борьбы сербского народа против Османской империи по всей России собирались пожертвования для «братьев-славян». А вот теперь, в 1892 г., писал он далее, собираются пожертвования в Сербии в пользу русских крестьян, пострадавших от засухи и неурожая. «Особый комитет из самых выдающихся белградских купцов,— сообщал П. Швабич,— издал по этому поводу воззвание ко всем обществам, церквям, монастырям, кредитным учреждениям и т. д. с просьбою помочь в нужде русским братьям, не щадившим для сербов ни денег, ни крови в недавний период их борьбы с турками». Вскоре со всех концов Сербии начали поступать пожертвования. Сербский Красный крест передал в пользу русских крестьян 5000 франков [10, 1892, № 2, с. 237].

В том же году в «Славянском обозрении» в разделе «Письма из славянских земель» была опубликована корреспонденция анонимного автора из Белграда, который выступал за упрочение и расширение русско-сербских связей. В ней отмечалось: «Прежде всего русским людям следует знать, что народ сербский в массах всегда был и есть предан России и глубоко благодарен ей за братскую помощь, оказанную как в первой борьбе за освобождение, так и во второй — за независимость» (в период Восточного кризиса 70-х годов XIX в.). По его глубокому убеждению, «каждое сербское министерство, к какой бы оно партии не принадлежало, может рассчитывать на сочувствие народных масс лишь в той мере, в какой оно пользуется доверием России... Может, конечно,— добавлял автор,— просуществовать некоторое время и министерство другого направления, но только силой, а не доверием народа; примером может служить недавнее

„напредняцкое“ министерство» [10, 1892, № 9, с. 129]. Содержание корреспонденции отражало настроения определенных слоев сербской общественности (прежде всего представителей радикальной и либеральной партий), стремившихся к улучшению отношений с Россией.

90-е годы XIX в. в истории Сербского государства характеризовались усилением реакционных тенденций в политической жизни.

1 апреля 1893 г. несовершеннолетний король Александр совершил государственный переворот, отстранил регентов и досрочно взял власть в свои руки. Следует отметить, что отношение русской печати к этому событию было двойственное, что наиболее отчетливо проявилось на страницах «Вестника Европы». Журнал осудил поступок короля Александра, являвшийся, по его мнению, нарушением конституции: «Для юного правителя особенно опасно начинать свое политическое поприще актом насилия, нарушающим основные законы государства» [3, 1893, № 5, с. 417]. Вместе с тем, хотя с точки зрения общих интересов Сербии, по мнению «Вестника Европы», следует глубоко жалеть «о рискованном шаге короля Александра», он имел и положительные результаты — были свергнуты регенты, которые в течение нескольких лет «пытались управлять страной при помощи насилия и произвола», подвергали гонениям своих политических противников — радикалов и т. д. Таким образом, резюмировал «Вестник Европы», в результате переворота «цель несомненно достигнута: виновники опасного кризиса устранены, и либеральная партия возвращена в естественное свое состояние меньшинства; радикалы, незаконно лишенные своих полномочий в городских и сельских общинах, восстановлены в своих правах, назначены новые выборы в народную скупщину, без активного участия администрации, и мирное население может, наконец, вздохнуть свободно...» [3, 1893, № 5, с. 418—420].

После переворота 1 апреля, когда в страну возвратился бывший король Милан, ставший фактическим правителем государства, реакционный режим Обреновичей переходит в наступление на завоевания буржуазии и возвращает утраченные в предшествующий период позиции. Радикалы устраняются от власти. Короли Александр и Милан стремятся править «вне партийных соображений», опираясь на так называемые нейтральные, т. е. преданные монархии министерства. Были отменены конституция 1888 г. и прогрессивные законы 1889—1892 гг. (о печати, собраниях, общинах и т. д.) и восстановлена конституция 1869 г.; скупщина стала послушным орудием королевской власти; были разогнаны политические партии и принят ряд реакционных законов. Вновь усилилась проавстрийская направленность внешней политики Сербии.

Следует отметить, что материалов об этом периоде истории Сербского государства на страницах русской периодической печати было опубликовано немного (по сравнению, например, с началом 80-х годов), что свидетельствовало о падении интереса русской общественности к событиям в Сербии. Изменился и характер публикаций — в основном теперь печатались короткие заметки информативного характера. Лишь «Вестник Европы» поместил несколько материалов о Сербии, представлявших интерес еще и потому, что это были главным образом письма видных государственных деятелей Сербии, к которым редакция журнала часто давала свои примечания. Так, было опубликовано обширное письмо обзорного характера «одного из весьма почтенных и весьма видных деятелей Сербии» (его имя неизвестно), в котором был затронут целый ряд важных вопросов политической жизни Сербского государства: конституционный, о политических партиях и т. д. Говоря о предшествующем периоде сербской истории, в частности, о конституции 1869 г., автор отмечал ее прогрессивность для своего времени. Однако, продолжал он, хотя эта конституция «положила начало более правильному парламентскому режиму в Сербии, ... она далеко не отвечала ожиданиям молодой интеллигенции, проникнутой новыми идеями Европы». Недостатки ее, по мнению автора, заключались в следующем: «она не давала скупщине инициативы в законодательстве, напротив, в известных случаях разрешала правительству временно отменять существующие и издавать новые законы без спроса скупщины». Не

случайно поэтому конституция 1869 г. сразу же стала предметом острой критики со стороны прогрессивной интеллигенции, требовавшей «коренной ее ревизии в чисто демократическом духе». Характеризуя сербскую конституцию 1888 г., автор письма справедливо отмечал, что она не была «подарком» короля Милана, как он это изображал, а представляла собой «дело компромисса между королем и радикальной партией при участии прочих партий». Конституция 1888 г. была более прогрессивной, чем предыдущая: «она давала скупщине инициативу в законодательстве, гарантировала независимость судей и государственного контроля, предписывала свободу печати и сходок, завела окружные земства и общинное самоуправление, гарантировала полную свободу выборов и т. д.» [3, 1894, № 11, с. 411]. Конституция 1888 г. была воплощена в жизнь целым рядом законов, которые издали и провели в жизнь радикалы в период своего правления (1889—1892), и в этом их несомненная заслуга. «Практический результат радикального режима, — писал сербский деятель, — благотворно отозвался на улучшении государственных финансов... на поднятии заграничного кредита... на развитии сельского хозяйства...» [3, 1894, № 11, с. 411—412]. После отстранения радикалов от власти все вернулось на свои места: «...и дефицит бюджета, и зависимость судопроизводства от высшей администрации, и произвол полиции». 9 мая 1894 г. король Александр без ведома скупщины отменил конституцию 1888 г. и вернул конституцию 1869 г., которая, по мнению автора статьи, «не давала никаких гарантий для политических прав граждан. Не сообщая скупщине инициативы в законодательстве, она одним из своих постановлений... разрешает правительству в известных случаях отменять существующие или предписывать новые законы. Вот эту-то статью в широких размерах злоупотребляет нынешний режим и, таким образом, самая конституция делается призрачною» [3, 1894, № 11, с. 412—413]. Появление вышеприведенного материала было связано, на наш взгляд, с оживлением в Сербии конституционного вопроса с начала 90-х годов и конституционной деятельностью напредняков во главе с видным государственным и политическим деятелем Ст. Новаковичем.

В 1894 г. журнал «Славянское обозрение» опубликовал интересное «Письмо из Сербии» П. Сречковича от 17 ноября 1893 г., в котором он высказал свои взгляды на современное положение Сербии, прежде всего в связи с усилением влияния монархии Габсбургов на все стороны жизни молодого независимого государства, что не могло не волновать представителей сербской буржуазной интеллигенции. К моменту написания этой корреспонденции прошло уже более 10 лет со времени заключения Сербией неравноправного торгового договора с Австро-Венгрией (1881), согласно которому правящие круги последней добились привилегированного положения на сербском рынке и получили большие возможности для контроля над развитием сербской экономики. П. Сречкович писал по этому поводу: «...нашею уступчивостью Австрии при заключении торгового договора и обусловлена та непрочность нашего экономического положения, которая влечет за собою задолженность земли и еще большее усиление влияния Австрии на дела Балканского полуострова». Неравноправный характер носил и торговый договор, заключенный правительством радикалов с Австро-Венгрией в 1893 г., и ветеринарная конвенция. «Таким образом, — подвел итог Сречкович, — ветеринарная конвенция сократила вывоз нашего скота за границу, договор — вывоз пшеницы, а торговая пошлина — наши доходы». Он привел цифры, свидетельствовавшие об упадке экономики страны. В 1887—1893 гг., по его данным, расходы в Сербии повысились примерно до 63 млн дин., а доходы не превышали 55 млн. Дефицит государственного бюджета покрывался за счет займов [10, 1894, с. 303—305].

В 1895 г. на страницах «Вестника Европы» появилось еще одно письмо о «сербских делах», в котором сообщалось о выборах в скупщину, теперь уже на основании конституции 1869 г. Проходили они в обстановке давления со стороны полиции и злоупотреблений властей. Автор письма подчеркивал, что «в противоположность ясному определению закона о выборах и 25-летней практике, министерство полиции приказало поголовную по-

дать не засчитывать в избирательный ценз. Этим произвольным распоряжением администрации больше половины полноправных граждан — около 220 000 — вычеркнуто из избирательных списков». Более того, в тех местах, где население выступало против подобных действий, «полиция... стреляла в мирных граждан (в г. Лознице, Солоннице, Бране и др.— С. Д.), а жалующихся предавали суду за оклеветание правительственной власти» [3, 1895, № 6, с. 862—863].

На выборах победу одержали напредняки. Автор письма убежден, что обстановка в стране настолько накалена, что «молодому королю пора возвратиться... к законному порядку, единственно возможному в демократической Сербии. Этому настоятельно требуют интересы страны...» [3, 1895, № 6, с. 864]. Автор констатировал, что позиция России в отношении Сербии в эти годы отличается «равнодушием» к ее судьбе, а это может «идти впрок только нашим противникам» [3, 1895, № 6, с. 865]. К последнему утверждению присоединилась и редакция «Вестника Европы». Именно «равнодушием» к сербским делам правительства и общественных кругов объясняется, по мнению сотрудников журнала, тот факт, что «русское влияние в Сербии... не существует на деле и едва ли восстановится в близком будущем» [3, 1895, № 6, с. 867]. Таким образом, орган либеральной буржуазии «Вестник Европы» был в известной степени не согласен с внешнеполитическим курсом русского правительства, которое, готовясь к войне с Японией и укрепляя влияние в Маньчжурии и Китае, было вынуждено «поставить Балканы под стеклянный колпак», по выражению А. Б. Лобанова-Ростовского. В отношении Сербии позиция русской дипломатии исходила из следующих принципов: «...полное невмешательство в партийные раздоры и внутренние дела королевства и искреннее желание содействовать успеху... усилий, направленных к мирному и согласному с существующими договорами упрочению экономического благосостояния страны» [8, ф. Политархив, 1901, д. 492, ч. 1, л. 114 об.].

В июне 1899 г. в Сербии произошло покушение на короля Милана. Это событие было использовано сербскими правящими кругами для новых гонений на радикальную партию, по-прежнему популярную в народе.

«Русский вестник» резко выступил против действий Милана в отношении радикалов, обвиненных им в организации покушения [4, 1899, № 8, с. 782, № 10, с. 837—838].

«Вестник Европы» призывал европейскую и русскую общественность, правительства великих держав принять меры к восстановлению в Сербии «законного порядка». «Не только в России, но и в Западной Европе, — отмечалось в „Иностранном обозрении“, — все более сознается необходимость положить конец произвольному хозяйничанью отставного короля в стране, где внутренние волнения легко создают почву для крупных международных усложнений» [3, 1899, № 8, с. 84].

13 сентября 1899 г. закончился суд над видными представителями радикальной партии, обвиненными в причастности к покушению. Лишь настоячивые советы дипломатии побудили короля Александра и его министров отказаться от первоначального намерения — судить арестованных радикалов «скорым военным судом» [3, 1899, № 10, с. 820]. Широкой русской общественности не было в то время известно, что от смертной казни лидеры радикалов были спасены лишь благодаря дипломатическому вмешательству европейских государств, в первую очередь России (см. [4, ф. Политархив, 1899, д. 2854, 2856]).

В связи с покушением на Милана «Вестник Европы» поместил в разделе «Сербские дела» письмо из Белграда анонимного автора за подписью Z от 28 августа 1899 г. Он делает достойным русского читателя факты террора, установившегося в Сербии: несмотря на то, что арестованные радикалы — Н. Пашич, К. Таушанович и другие «были министрами и занимали высшие должности в государстве, их заковали в кандалы как простых разбойников, самых близких родных к ним не допускали». Конституция в стране фактически не действует, уничтожено общинное самоуправление, отменена окружная и местная (уездная) автономия, «новым законом об ассоциациях („удружения“) закрыты все политические общества,

а новым законом о печати прекратили свое существование все от правительства независимые газеты и журналы» [3, 1899, № 10, с. 834]. В опубликованном письме выражалась надежда на помощь России, которая всегда была полна братских чувств к Сербии. «Сербский народ, — отмечал автор, — остается и теперь верен своим традиционным симпатиям к России... и в настоящем переживаемом кризисе он обращает свои взоры к берегам Невы, откуда во все трудные моменты его возрождения неоднократно оказываема была ему братская помощь» [3, 1899, № 10, с. 836].

Еще одно свидетельство из Белграда появилось на страницах «Вестник Европы» через год. В нем сообщалось о женитьбе короля Александра на Драге Машин, бывшей статс-даме его матери королевы Натальи. По мнению автора письма, это событие «большой политической важности», так как оно положило «конец союзерству экс-короля Милана и его реакционному режиму» [3, 1900, № 11, с. 400]. Последствиями этого события были: отъезд короля Милана из Сербии, амнистия арестованных радикалов и улучшение отношений с Россией. «И хотя пока в нашем законодательстве реакционного режима, — отмечалось далее в письме, — ничего не изменено, тем не менее везде — и в печати, и в общественной жизни чувствуется большое облегчение» [3, 1900, № 11, с. 401—402].

В начале XX в. русско-сербские отношения несколько улучшились. В Петербурге встретили с одобрением действия сербских правящих кругов, направленные на улучшение отношений с другими балканскими государствами, а также принятие, хотя и в октроированной форме, конституции 1901 г., представлявшей собой смесь установлений двух конституций — 1869 и 1888 гг. Новая конституция являлась вынужденной уступкой абсолютизма Обреновичей сербской буржуазии, недовольной различного рода ограничениями на пути буржуазного развития Сербии. Она носила менее прогрессивный характер, чем конституция 1888 г. — впервые вводила двухпалатную систему (скупщина и сенат); в ней отсутствовали положения об ответственности министров перед народным представительством, предусматривалось ограничение прав и свобод сербских граждан. Но даже эта конституция постоянно нарушалась королем Александром, стремление которого добиться укрепления авторитарного полицейско-бюрократического режима Обреновичей побуждали сербскую буржуазию покончить с ним и утвердить в Сербии династию Карагеоргиевичей.

Накануне государственного переворота 1903 г. «Вестник Европы» отмечал, что нынешний правитель Сербии «идет по стопам своего отца, короля Милана... Привычка ставить личные вкусы и взгляды впереди интересов государства и народа всегда отличала Милана; она перешла отчасти и к его сыну...» [3, 1903, № 6, с. 770]. Автор «Иностранного обозрения» затруднялся объяснить какими-то причинами поступки Александра: «что собственно заставляло его... воевать со всеми партиями, придумывать государственные перевороты, внезапно отменять конституции, которым незадолго перед тем торжественно присягал, постоянно менять министерства». Во всяком случае, резюмировал автор, его действия «явно противоречат интересам государства» [3, 1903, № 7, с. 366].

Политика Милана и Александра вызывала «глухой протест народа и армии», что привело в конце концов к политическому перевороту 29 мая 1903 г., когда была уничтожена династия Обреновичей и на сербский престол был избран Петр Карагеоргиевич. Русская пресса поместила на своих страницах немало интересных материалов, освещающих это важное событие в истории Сербии, однако этот вопрос требует специального исследования.

Подводя итоги, следует сказать, что русская общественность не только сохранила интерес к событиям в Сербии, но и откликнулась на них, стремясь не разрушить традиционные связи между народами. На страницах ведущих русских журналов в 1885—1903 гг. освещались все важнейшие события в жизни независимого Сербского государства. Анализ рассмотренных в статье материалов позволяет утверждать, что наибольший интерес к «сербским» сюжетам проявляли органы либерально-буржуазной печати, особенно журнал «Вестник Европы». По нашему мнению, резких разли-

чий в позиции органов прессы, относящихся к разным направлениям, по отношению к Сербии не прослеживается. Большинство из них выступало за укрепление политического влияния России в этом регионе. Эта позиция, особенно отчетливо проявившаяся в публикациях «Вестника Европы», несколько противоречила правительственному курсу, изменившемуся в конце XIX — начале XX вв., в связи с активизацией русской политики на Дальнем Востоке. Следует также отметить, что несмотря на корыстные политические интересы, которые преследовали в Сербии дворянско-монархические и буржуазно-либеральные слои русского общества, они в своих изданиях призывали к укреплению русско-сербских связей, и это имело большое положительное значение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бочкарева (Данченко) С. И. Русская периодическая печать о событиях в Сербии в 1878—1885 гг. — В кн.: Вопросы всеобщей истории. 1976.
2. Данченко С. И., Карасев А. В. Основные этапы сербской буржуазной государственности и России (1858—1903 гг.). — Балканские исследования, вып. 9. М., 1984; Чубрилович В. Србија и Аустрија у XIX веку. — В кн.: Међународни научни скуп «Велике силе и Србија пред први светски рат», одржан 13—15 септембра 1974. Београд, 1976.
3. Вестник Европы.
4. Русский вестник.
5. Русская мысль.
6. Продановић И. Уставни развитак и уставне борбе у Србији. Београд, 1936, с. 306—336.
7. Данченко С. И. Борьба за новую конституцию в Сербии и Россия (80-е годы XIX в.) — Советское славяноведение, 1985, № 2.
8. Архив внешней политики России.
9. Московские ведомости.
10. Славянское обозрение.

ЕЩЕ РАЗ О ПРОБЛЕМАХ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

Истории культуры зачастую отводили (а иногда и отводят) право осещать «традиционную совокупность достижений в области науки, искусства, просвещения», забывая, что культура есть системное образование и что при вхождении в эту систему, как отмечает Г. С. Кнабе, «формы жизни, нормы мышления и особенности мировосприятия, явления науки и искусства» [1, с. 260], становятся частью целого, что-то при этом теряя и что-то приобретая. История, социология, филология, искусствознание особым образом объединяются в пространстве культуры с тем, чтобы создать качественно новое целое, отличающееся от составляющих ее частей и методами исследования, и материалом. Становясь фактами культуры, они не теряют своих специфических свойств, обеспеченных их природой, но приобретают новые, вызванные вхождением в иную систему.

Перестав быть независимыми и попав в новое окружение, факты исторические, литературные и т. п. обогащаются новыми смыслами. В этом новом состоянии они, принадлежа литературе, публицистике, театру и т. д., заслуживают не только филологического, театроведческого и прочего, но и историко-культурного анализа, который способствует как их освещению самих по себе, так и выявлению в них тех свойств, которые делают их фактами истории культуры.

Изучение литературы, искусства в историко-культурном аспекте необходимо для литературоведения, искусствознания. Только в сложностях историко-культурного процесса, только с учетом многообразия его составляющих можно адекватно реконструировать форму и значение художественного произведения. «Литература — неотрывная часть культуры, ее нельзя понять вне целостного контекста всей культуры данной эпохи. Ее недопустимо отрывать от остальной культуры и, как это часто делается непосредственно, так сказать, через голову культуры соотносить с социально-экономическими факторами» [2, с. 329]. Эти слова М. М. Бахтина, естественно, можно и нужно отнести не только к литературе.

Такой подход может иметь и самостоятельное значение, быть частью историко-культурного исследования. Рассмотрение отдельных историко-культурных явлений в системе, а также системы культуры в целом сопряжено с большими трудностями и требует овладения разнообразным материалом не одной, а многих дисциплин, а также умением применять различные методики анализа.

Долгое время история культуры заимствовала методы исследования то у истории, то у искусствознания, чему способствовало внешнее сходство объектов исследования, иногда и полное их совпадение.

Когда материалом историко-культурного исследования становится какое-нибудь историческое событие, которое уже вошло в ряд замечатель-

ных в культурном сознании народа, его можно описывать или следуя за историей, или ориентируясь на изучение общественной мысли. Но если оно будет вписано в контекст культуры, то, не утратив своей принадлежности к истории или обществоведению, оно станет и фактом культуры, приобретет историко-культурное значение. Имея дело с произведениями искусства, историк культуры может оказаться в плену представлений искусствоведов или литературоведов, и, таким образом, не выйти за пределы их науки, хотя каждое явление искусства возможно интерпретировать и в историко-культурном аспекте.

Точки соприкосновения различных видов гуманитарного знания, их пересечение и сопряжение в историко-культурном контексте — материал истории культуры.

Только синтез методов различных наук — литературоведения, лингвистики, социологии, истории, — только выработка собственно историко-культурного подхода, притом единого для художественных произведений и исторических событий, для форм повседневной жизни и для общественных идей, только сложение отношения к ним как к фактам культуры позволят осуществить полноценный историко-культурный анализ.

Практически каждый текст культуры несет историко-культурную информацию; он — ценный источник, которым нужно уметь пользоваться, чтобы извлечь из него сумму знаний. Произведения любого вида искусства наряду с тем, что они являются эстетическим сообщением, всегда выступают и во внеэстетической роли. Из них можно почерпнуть сведения об истории, национальной психологии, этнографии, бытовой культуре, самосознании нации, литературных вкусах и проч. Поэтому можно утверждать, что каждое произведение может стать такого рода «энциклопедией», о которой говорил В. Г. Белинский, разбирая «Евгения Онегина». Реалии, ставшие художественным фактом, анализ места и времени развития сюжета, даже поэтические обороты, свойственные определенным художественным направлениям, могут оказать неоценимую помощь в изучении истории культуры и встать рядом с анализом источников другого рода — мемуарной литературы, архивных материалов. Более того, можно обнаружить и существенное преимущество первых перед последними.

Историк материальной культуры, отвлекшись от эстетической природы произведения, может почерпнуть сведения из нравоучительных журналов, драматургии, дидактической литературы эпохи Просвещения, которая давала рецепты правильного поведения, противопоставляя их реальной культурной практике. Потому просветители обычно тщательно выписывали картины быта и нравов, добивались правдоподобия. Сведения о проведении свободного времени, о модах, интерьере, стиле поведения и типичных конфликтах между людьми войдут в распоряжение историка культуры, обратившегося к выше названным источникам. Историк культуры, нацеленный на воссоздание духовного климата эпохи, из художественных текстов свободно вычленил общественные и социальные категории, распространенные представления о жизни.

Исследования культуры в плане содержания приводят к определению оппозиции слова и вещи, важной для всех эпох: к выявлению места вещи, предмета в культуре, которые в определенные эпохи (например, барокко) обрастают значениями; эти значения и сами явления вещного мира, за которыми они закреплены — важные показатели типа культуры, как отмечает Ю. М. Лотман [1, с. 6—9].

Наряду с собственно историко-культурной информацией художественные тексты содержат и сообщение о характере ее отражения в общественном сознании, в художественном восприятии, типичном для эпохи. В таком плане исследуемые художественные тексты предоставляют возможность для определения модуса культуры.

Среди прочих историко-культурных проблем оказывается возможным выделить и такую проблему, как тип соотношения между планом выражения и планом содержания культуры, условно говоря, ее модуса. Ведь одно и то же содержание может быть выражено различными средствами, и в характере различий, их причин, скрываются указания на свойства дан-

ной культуры, которые отличают ее от других. По-разному трактуются основные категории, система ценностей в эпоху Просвещения и барокко; различаются между собой сюжеты семейного романа XVIII и XX вв. Различна подача материала и отношение между сюжетом и фабулой. Они находятся в различной функциональной зависимости.

Все эти историко-культурные сведения можно почерпнуть как из совершенных художественных произведений, из описания и интерпретации значительных исторических событий, так и из произведений второстепенных. «В произведениях писателей второго, третьего ряда, — говорит А. П. Чудаков, — разница между литературой и нелитературным сообщением размывается, предмет в таких произведениях не отличим от бытового предмета» [1, с. 30], т. е. они являются более щедрым источником знаний о культуре. Содержащаяся в них информация существенно дополняет, а иногда и корректирует наши знания о различных сферах культуры. Таким образом, любые тексты эпохи на уровне содержания могут оказаться пригодными для историко-культурного исследования. Значимо для них также и соотношение выражения и содержания.

Культура различных типов непременно и по-разному структурирует мир. «Культура — генератор структурности, и этим она создает вокруг человека социальную сферу, которая подобно биосфере, делает возможной жизнь, правда, не органическую, а общественную» [3, с. 146]. Отнюдь не все события реальной жизни испытывают воздействие культуры, преломляются в ней. Их выбор, как и принципы этого преломления, в различные эпохи бывают различны.

Мир во всей его сложности воссоздается в культуре не ради получения его копии или их множества, а ради его новой интерпретации.

Изучение способов структурирования мира, самосознания культуры раскрывает свойства ее типа. Вообще о типе культуры можно узнать многое, изучая какую-то одну ее сферу, ибо «культура по-своему преобразует материальную среду, выбирая себе соответствующую, раскрывается в своем материальном быте, в своем социально-экономическом и политическом строе, в своей эстетике, этике, мировоззрении, религиозности» [4, с. 170].

Сосредоточиваясь на принципах структурирования мира, на отношении выражения и содержания, мы сможем выявить, как культура трансформирует явления жизни, которые, соответственно, и сами активно участвуют в ее формировании. Среди прочих чрезвычайно важным представляется способ структурирования истории, который в свою очередь определяет тип исторического сознания. Историческое сознание, с его идеями и мифами, способно воздействовать на исторический процесс.

Исторический процесс, национальное, историческое сознание воздействуют на культуру прямо и опосредованно. Но и сама культура во многих своих сферах решительным образом влияет на осознание исторического опыта народа, на складывание национального самосознания и на многие другие «исторические» факторы. Каждая историко-культурная эпоха по-разному свидетельствует современную ей историю, различными путями возвращается к прошлому, по-разному его сегментируя и селекционируя его отрезки. Отнюдь не вся последовательность событий, не все значительные факты входят в культурный фонд каждой эпохи. В сознании современников живут и фиксируются в искусстве не все исторические моменты своего времени, хотя все потенциально обладают важным значением для дальнейшего хода истории. Иногда в этой селекции решающую роль играет культурная политика.

Для одной эпохи некий исторический факт ничего не значит — он лишь свершился и забылся, не включившись в художественную сферу культуры. Другая же эпоха вводит его в ряд значимых событий, придает ему глубокий исторический смысл. Этот факт обрастает сетью многочисленных, уже не только исторических значений, становится символом эпохи, символом культуры. «В памяти нации есть люди-символы и есть события-символы» [5]. Они отражаются не в специальных исторических трудах, а в историческом романе, балладе, в исторической живописи. Искусство,

как обслуживающее политику, заказное, так и независимое от внешних факторов, воспроизводящее историческую жизнь народа, внедряет в общественное сознание сам факт истории. Так, московский школьный театр XVIII в. был устной газетой Петра, победными реляциями в драматической форме. Польский школьный театр XVII—XVIII вв. открыто вел политическую пропаганду, вмешивался в политические распри. Такими путями, иногда чрезвычайно усложненными, искусство формирует особенности восприятия истории, варианты интерпретации, которые порой резко отличаются от реального значения исторического факта (ср. Косовский цикл). Расхождения между реальностью и художественной интерпретацией не выключают текст, несущий историческую информацию, из текстов культуры эпохи. Если ему по жанру полагалось сообщать историческую истину (ср. хроники, летописи, исторические сочинения), то «сомнению подвергается не он, а сама эта реальность, вплоть до объявления ее несуществующей» [6, с. 111].

Искусство доносит до нас живое отношение к истории, раскрывает пути, по которым шел выбор исторического знания. Оно выявляет характер отношения к истории, которое меняется с развитием и истории, и культуры. Изучение его представляется очень важным — об этом писал еще В. О. Ключевский. Ведь очень часто «историческую обстановку представляют по литературе и живописи; от таких представлений, воспринятых в детстве, человек освобождается с трудом; часто сознание усваивает их навсегда», — отмечает А. П. Чудаков [1, с. 23]. Эти представления, сформировавшиеся не в процессе изучения истории как науки, а при восприятии произведений на исторические темы, зачастую оказываются определяющими при формировании «не-научного» исторического сознания, которое ожидает своего исследования.

Задаваясь вопросом о соотношении культуры и истории, можно выявить свойственные различным историко-культурным эпохам представления об их истоках, о корнях исторического сознания. Иногда культура работает на их забывание, искажение, на переписывание истории. «Эпохи исторического регресса (наиболее яркий пример — нацистские государственные культуры в XX в.), навязывая коллективу крайне мифологизированные схемы истории, в ультимативной форме требуют от общества забвения текстов, не поддающихся подобной организации» [3, с. 150].

Итак, представляется возможным реконструировать «не-научное» историческое сознание, не свободное от ошибок и искажений, которые также суть предмет исследования. Эти искажения, вызванные абберацией исторического видения — знак культуры. Определение коэффициента деформации исторического материала входит в задачи историка культуры. Так вырисовывается общеисторическая рефлексия в культуре; история исследуется в аксиологическом плане как факт культурного сознания.

Изучение культуры в плане содержания, в аспекте отношения содержания и выражения последовательно приводит к постановке такой актуальной в настоящее время для всех гуманитарных и естественных дисциплин проблемы, как «человек и мир».

«Личность индивидуализирует тенденции эпохи: она для них „показательна“, символична, характерна» [4, с. 83]. Эти слова относятся как к деятелям культуры, так и к героям литературы, театральным персонажам, к портретной живописи и т. д. Экскурс в историю типа личности — важная часть истории культуры. Историк культуры может решить, какими хотели себя видеть люди в разные эпохи, кого считали идеальной личностью, кто заслужил право на литературную биографию. Он способен выяснить, каковы были духовные ориентиры в разные времена, какие параметры личности и каким способом (например, выделение общего или особенного в характеристике персонажа в литературной биографии) выдвигались на первый план. «Каждый тип культуры вырабатывает свои модели „людей без биографии“ и людей с биографией. Здесь очевидна связь с тем, что каждая культура создает в своей идеальной модели тип человека, чье поведение полностью предопределено системой культурных кодов,

и человека, обладающего определенной свободой выбора своей модели поведения» [6, с. 106].

Не только личность, созданная художником, но и личность творящая, художник, деятель культуры находится в поле зрения исследователя. Изучение истории культуры в этом аспекте достаточно сложно, так как личность автора, биография его отнюдь не во все эпохи является культурным фактом. Анонимность художника средних веков, многочисленные легенды о жизни романтиков, декларируемая неразрывность жизни и дидактического искусства просветителей входят в круг исследуемых проблем и в значительной мере способствуют выявлению отношения между реальностью и идеалом, между представлениями о художниках и обликом самих художников.

Анализ концепции человека, отраженного в культуре и создающего ее, не сводится к школьному перечислению его положительных и отрицательных черт. Он состоит в определении художественно воспроизведенных черт личности, поддерживаемых общей структурой культуры, являющейся для них фундаментом. Так мы приходим к описанию реконструированного в культурном контексте человека. Это описание неразрывно связано с определением концепции мира в целом, которая различно, скрыто или явно, реализуется в тексте.

Образ человека обязательно, но по-разному зависит от образа мира. Выявление этой зависимости, определение ее характера во многом раскрывает особенности культуры.

Пример различной зависимости этих двух основополагающих понятий, разделяющей эпохи искусства древнего и нового времени, приведен в работе Г. Вагнера. Изучая памятники древнерусского искусства, он противопоставляет их памятникам искусства XVIII—XIX вв. именно по основным принципам создания образа человека и образа мира. «Образ человека оставался довольно бледным. Он растворялся в растительно-зооморфной стихии, и даже там, где человеческие фигуры были выстроены в ряд..., они похожи на орнаментальный раппорт... Главной причиной „невывлеченности“ человеческого образа оставалась космологическая символичность» [7], т. е. по сути дела образ мира. Это он заслонял человека; макрокосм определял микрокосм. Так продолжалось вплоть до открытия человека в XVII в. Теперь человек вырвался из подчинения, выдвинулся на первый план, выступил создателем или переделывателем мира. Он перестал быть точкой пересечения ярусов метафизического пространства, как это было, например, в мистерии или моралите.

Приобретая самоценность, образ человека не уничтожил картины мира — она все равно присутствует в тексте, только как бы задвинутая за кулисы сцены, на которой действует персонаж. Иногда она выступает в своих частностях, в художественных деталях, которые никогда не бывают случайными и обязательно несут важную смысловую нагрузку именно в плане выстраивания целостной картины мира, а не только характеристики персонажа, общественных отношений и проч.

В искусстве нового времени человек перестал действовать в огромном пространстве мироздания, оказался вписанным в повседневность, а не в космос. Но и эта повседневность обнаруживает поистине космические очертания, превращается в сколок космоса, в котором когда-то выступал человек. Картина мира, таким образом, всегда космична, только выражается это ее свойство всегда по-разному.

Писатель, художник, сознательно или бессознательно, не столько описывает обстановку, в которой происходит действие, сколько неявными намеками, введением свернутых архаических сюжетов, восстанавливает подлинные контуры образа мира. Только теперь он записан экономно, двумя-тремя штрихами. С возвращением к элементам космологии в литературе, с воссозданием прежних очертаний картины мира «кратчайшим путем записывается огромный объем плана содержания, расширяется романное пространство, увеличивается его мерность» [8].

Картина мира и место в ней человека различаются не по видам искусств. Они зависят от эпохи и выражают ее суть.

Человек и мир, их взаимозависимость могут быть даны явно, как в эпоху барокко. Мир выстраивается в тексте и в горизонтальном и в вертикальном измерениях. История не существует вне священной истории. Ее начала немислимы без эпизода грехопадения прародителей. Мир не сводится к земле, он надстроен адом и раем. Человек в этом мире — отражающее устройство. Он фокусирует в себе процессы, совершающиеся в мироздании. Позднее время как бы скручивается, мир сужается. Его вертикальность стирается. Основное внимание теперь концентрируется на историческом времени и на реальном месте действия. В этом упрощении хронотопа скрыта метонимия. Картина мира не полностью скрылась под новыми напластованиями, хотя человек и превратился в новый центр тяжести. Так, герой XIX в. вступает не только в социальные отношения, страдает, любит, но он вписан и в картину мира. Потому, воссоздавая реальность, писатель намечает и границы пространства, очерчивает картину мира, накладывая ее на изображенную реальность. Зачастую эта картина оказывается зашифрованной.

В обоих случаях — при явности и неявности космологической структуры в тексте — мир только тогда относится к измерениям культуры, когда являет черты всеединства. А человек — когда соотносится с «высшей личностью» (Л. Карсавин), т. е. с идеалом эпохи.

Итак, мир и человек в художественном тексте подлежат описанию и интерпретации, что сближает историю культуры со многими современными гуманитарными дисциплинами, наукой о человеке, раскрывают смысл восприятия мира в разные эпохи, ибо каждая эпоха по-своему структурирует его.

Изучая содержание культуры, мы непременно изучаем и ее семантику, решаем задачу выявления универсальных категорий культуры, ее основных идей и понятий. Здесь огромную помощь истории культуры оказывает лингвистика. Взаимосвязь языка и культуры в данной области исследования очень тесная. Анализ единиц языка ведет к реконструкции обозначаемых ими понятий, сцепление, соединение которых определяет культурные универсалии. Язык, как отмечает В. Н. Топоров, сохраняет «некоторые элементы, дающие основания для применения методов более глубокого проникновения в прошлое» [9, с. 185].

Историк культуры не всегда имеет дело с четко сформированными универсалиями. Часто перед ним — еще не отстоявшийся материал, но ключевые слова-понятия, определяющие его общую направленность. «В каждую эпоху они равным образом органично укоренены в языке и в культуре, не оставляя практически каких-либо зазоров и лакун. Часто вокруг таких слов-понятий вырастает разветвленная сеть идей», — пишет В. Н. Топоров [9, с. 185—186].

Слова, обозначающие ключевые понятия, на каком-то этапе еще могут быть взаимозаменяемы, их значения зыбки, но затем они приобретают большую четкость, оформляются и во многом определяют содержание культуры. А. О. Лавджой, занимавшийся историей идей, называл их «священными словами и фразами» и призывал изучать «их движение, раскрывать их противоречивость, фиксировать оттенки их значений и наблюдать, как путанные ассоциации идей, вырастающие из этой противоречивости, влияют на развитие учений или способствуют незаметному превращению одного модного течения мысли в другое, подчас совершенно противоположное» [10].

Изучение это можно вести в аспекте культуры и языка. Эти аспекты взаимно дополняют друг друга. По мнению В. Н. Топорова, «только взаимное соотнесение фактов этих сфер открывает возможность более или менее надежных заключений» [9, с. 187].

Изучение ключевых слов-понятий, категорий культуры ведется в соотнесении с историческим контекстом. Этот контекст не только создает фон, но и определяет комплекс значений категории. Их адекватное «прочтение» дает ключ к расшифровке идеологии эпохи, приближает к истинному смыслу культуры, к узнаванию ее внутреннего облика.

Категории культуры, как и ключевые слова стихотворения, которые,

выстраиваясь, организуют его смысловую парадигму, создают парадигмы культуры. «Эти универсальные понятия в каждой культуре связаны между собой, образуя своего рода „модель мира“ — ту „сетку координат“, при посредстве которой люди воспринимают действительность и строят образ мира, существующий в их сознании» [11]. Они способствуют созданию и выражению «климата эпохи», особенностей общественного и художественного сознания, регулируют официальное и бытовое поведение, определяют смысл искусства.

Ценностные и смысловые категории находятся в иерархической зависимости и создают фонд духовных ценностей. Они могут «пропускаться» через систему социальных взглядов, реализовываться в разных контекстах: от социально-политического до психологического. Появляются они в религиозных, патриотических движениях (например, польский мессианизм эпохи романтизма).

Культурный факт и слово, категории культуры, ключевые слова-понятия могут быть рассмотрены и в аспекте мифологии. Есть историко-культурные эпохи, когда миф тесно связывается со всеми видами культуры, когда он сохраняет архаические значения; есть эпохи, творящие новые мифы, как например, эпоха барокко или романтизма. Мифологический пласт в славянских культурах представляется чрезвычайно важным. Закодированная в народной мифологии, неотъемлемой части славянской и балканской культуры, информация о мире и человеке живет в культуре и более позднего времени. Она может быть скрыта от наблюдателя. Только применение этнолингвистических и историко-культурных методов позволяет вскрыть глубинную связь профессиональной культуры с народной, восстановить утраченные значения многих произведений, которым связь с народной мифологией обеспечила явную многомерность и долгую жизнь в культуре.

Наличие древних мифологем, реликтов народных представлений о мире может быть следствием как осознанного, так и бессознательного обращения к народной культуре, что свидетельствует об их жизненной активности, о вневременном вхождении в культурную память. Отношение к мифологии, сознательное или бессознательное — важный признак типа культуры. Он требует специального рассмотрения, постоянного изучения, на путях которого происходит объединение истории культуры и этнолингвистики.

Очень важным представляется также изучение других мифологических форм, например, романтических. Не исчезают они и в эпоху реализма, но только трансформируются и перемещаются «вглубь текста» (А. Я. Гуревич).

Очевидно, что не только мифология, но и фольклор подлежит историко-культурной интерпретации. Изучение его форм, способов бытования, его география — это неотъемлемая часть изучения истории культуры. Оно выявляет давние связи между славянскими народами и их соседями, восстанавливает карту их культурного взаимодействия, служит основой для изучения культурных связей нового времени. Историко-культурный анализ фольклора воскрешает многие, в настоящее время неясные или кажущиеся малозначимыми характерные признаки разных эпох, выявляет их фольклорное происхождение. Таким образом может быть решен вопрос о традициях. Так в аспекте соотношения с народной культурой, с фольклором может быть описан синкретический тип культуры, характерный для славянской культуры народов других стран. Тип этого соотношения меняется со сменой историко-культурных эпох. Проследить процесс изменений — значит представить движение культуры во времени.

Описание взаимодействия различных пластов одной историко-культурной эпохи, не только в плане соотношения профессиональной культуры и народной, также является необходимым. Как справедливо указывает А. Я. Гуревич, рассуждая о традиционных понятиях ренессанс, барокко, Просвещение, мы должны иметь в виду, что «подавляющее большинство людей не было затронуто этими новыми тенденциями мысли и интеллектуальной ориентации и оставалось на стадии, которую условно можно было считать средневековой» [9, с. 25]. Потому выявление пласта-первоосновы,

«старой», прежней культуры в «новой» — обязательная задача историка культуры.

Таким образом, говорить о традициях можно не только в связи с народной культурой, но и по отношению к различным историко-культурным эпохам. Традиции воссоединяют прерванные связи первоосновы культуры с ее многочисленными трансформациями. Они — суть «семиотически важный показатель культурной ориентации, присущей тому или иному периоду» [12]. Анализ содержания традиций, их выражения, исследование типа их взаимоотношений со вновь сформировавшимся типом культуры [13] приводит к проблеме границы, где, по глубоким наблюдениям М. М. Бахтина, проходит «наиболее напряженная и продуктивная жизнь культуры» [2, с. 330]. Когда области культуры замыкаются в своей специфике, будь то культурный регион, вид искусства, жанр, жизнь культуры принимает устойчивые формы, стабилизируется.

Культура всегда существует на границе, имеет, если так можно выразиться, «пограничный» характер (между жизнью и искусством, например). «...Проблемы культуры всегда сопряжены с вопросом о границе; говоря о культуре, мы всегда высказываемся о каких-то „пределах“, о „бороздах и межах“, причем — не только тогда, когда пытаемся отграничить культуру от всего того, что не является ею, но и тогда, когда пытаемся определить ее в собственной внутренней специфике, так сказать, в отношении к самой себе. Однако что это за границы? Где они проходят и что разделяют? В чем ее „предельность?“» [14]. Эти вопросы задает сейчас история культуры. Проблемы пограничных явлений в культуре — одни из самых актуальных.

Изучение содержания культуры, ее семантики не существует без исследования плана выражения культуры, т. е. ее языка. Этот план должен быть четко отделен от плана содержания и описан как важная составляющая культуры. Ведь значимо не только то, что мы говорим, но и как говорим. Аналогия с естественным языком не случайна. Культура тоже имеет свой язык. Он развивается, меняется с переходом от одной историко-культурной эпохи к другой. Изучение отдельных фаз развития языка культуры позволит с максимальной полнотой выявить тип культуры.

Исследуя явления прежних времен, мы часто подменяем их собственное значение системой понятий, которой оперируем в настоящее время, подставляем на место свершающегося, становящегося уже свершившееся. Происходит это потому, что мы утратили язык, на котором когда-то выражались духовные ценности, или по крайней мере сильно видоизменили его формы и значения. Отсюда постоянные допуски и натяжки, мешающие разглядеть истинное положение вещей в культуре ушедших от нас эпох. Этого не происходит в том случае, когда язык культуры рассматривается как самостоятельный феномен. Его изучение сводится к реконструкции. Реконструкция языка приводит к адекватному пониманию историко-культурного процесса.

Одним из воплощений языка культуры является поэтика. Это отнюдь не узкая сфера знаний о литературе, не просто «списочный состав» художественных приемов. Принципы композиции, правила построения поэтических фигур, способы расстановки персонажей, тип диалогов — все это не только художественные факты, но и свидетельства вхождения художественных произведений в определенный круг культуры.

Поэтика есть предельное выражение художественного сознания, которое не существует вне общекультурного контекста.

Поэтика художественных произведений свидетельствуют об общих мировоззренческих устоях авторов. Как пишет Д. С. Лихачев, «поэтика — это система идеологически реагирующей на мир формы» [15]. Она пронизана историко-культурным смыслом, поэтому и является органичной частью истории культуры. Выбор жанра, строение художественного произведения, принципы организации сюжета, предпочтение, которое отдается метафоре или метонимии, темы — решительно все говорит о культурной атмосфере эпохи, о типе культуры, который проявляет себя на уровне искусства.

Можно усмотреть аналогии и между искусством и жизнью, но не в том,

что искусство отражает действительность, а в том, что и искусство и действительность существуют в сходных формах, выявляют свою сущность в изоморфных процессах. Искусство может влиять на жизнь, как риторика влияла на формирование исторического сознания Руси XVI—XVII вв. [16; 17]. Риторика вообще была каркасом всей культуры эпохи средних веков, барокко, а не только определяла отдельные жанры, например, ораторские.

Аналогичные процессы протекали и в XIX в., когда романтическая концепция личности определяла подлинные, не литературные биографии. Романтизм — это культура, которая во многих своих сферах испытывала влияние литературной поэтики.

Каждый элемент поэтики есть «высказывание и сообщение о духовной и душевной атмосфере эпохи, которое, однако, может быть правильно прочитано только в „большом контексте“ истории и никоим образом не вне его» [18].

Изучение проблем поэтики, категорий культуры, картины мира и места в ней человека, функций культуры в историческом процессе не должно быть ограничено хронологическими рамками. Они могут быть успешно разработаны только на широком историческом материале. Это даст основания для типологических исследований и позволит в максимально полном объеме описать культуру народов в ее многообразных взаимодействиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вещь в искусстве. Материалы научной конференции. 1984. Вып. XVII. М., 1986.
2. Бахтин М. М. Ответ на вопрос редакции «Нового мира». — В сб.: Эстетика словесного творчества. М., 1979.
3. Лотман Ю., Успенский Б. О семиотическом механизме культуры. — В сб.: Труды по знаковым системам. Т. 5. Тарту, 1971.
4. Карсавин Л. Философия истории. Берлин, 1923.
5. Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984, с. 201.
6. Лотман Ю. М. Литературная биография в культурном контексте. Литература и публицистика. Проблемы взаимодействия. — В сб.: Труды по русской и славянской филологии. Тарту, 1986.
7. Вагнер Г. О декосмологизации древнерусской символики. — В кн.: Культурное наследие древней Руси. М., 1976, с. 227.
8. Топоров В. Н. Поэтика Достоевского и архаические системы мифологического мышления. — В кн.: Проблемы поэтики и истории литературы. Саранск, 1973, с. 92.
9. Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987.
10. Социокультурные утопии. Реферативный сборник. М., 1979, с. 90.
11. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972, с. 15—16.
12. Живов В. М., Успенский Б. А. Метаморфозы античного язычества в истории русской культуры XVII—XVIII вв. — В сб.: Античность в культуре и искусстве последующих веков. Материалы научной конференции. 1982. М., 1984, с. 204.
13. Злыднева Н. В. Судьбы народного искусства в XX в. и болгарская художественная традиция. — В сб.: Балканские исследования. Вып. X. М., 1984.
14. Давыдов Ю. Культура — природа — традиции. — В кн.: Традиции в истории культуры. М., 1978, с. 44.
15. Лихачев Д. С. Отзыв на работу С. С. Аверинцева «Ранневизантийская поэтика». — В кн.: Прошлое — будущее. М., 1986, с. 350—351.
16. Плюханова М. Б. Риторический стиль Авраамия Палицына (символизация грамматических категорий). — В сб.: Труды по знаковым системам. Т. 21. Тарту, 1987.
17. Плюханова М. Б. Витийство и русская историческая мысль XVI—XVII вв. — В сб.: Труды по знаковым системам. Т. 20. Тарту, 1987.
18. Аверинцев С. С. Заметки к будущей классификации типов символа. — В кн. Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985, с. 300.

ФУНКЦИИ ЯЗЫКА И ЗАДАЧИ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ

Наука призвана прогнозировать особенности развития и функционирования объекта своего исследования. Языкознание на основе всестороннего изучения структуры языка — фонетической, грамматической, лексической — обеспечивает общество возможностью овладеть тайнами этой сложнейшей семиотической системы. Прогнозировать появление того или иного звука, слова вряд ли возможно, хотя, конечно, в самом общем виде можно предвидеть, что при стабильности фонетического состава и малоподвижности словообразовательных средств постоянно будет обновляться периферия словарного состава, а это в свою очередь вызовет появление новых словообразовательных элементов. Большей детализации характера этих процессов, очевидно, и не требуется. Однако общество остро нуждается в сведениях из области функционирования языка: будут ли появляться новые сленги, предвидится ли стирание граней между языком города и деревни, какому языку — украинскому или русскому — будут отдавать предпочтение различные социальные группы в УССР, скажем, через десять, двадцать лет; влияет ли двуязычие на характер формирования интеллекта ребенка; будут ли украинцы, проживающие на территории других республик, ставить вопрос об открытии для их детей школ с преподаванием родного языка? Вопросов, как видим, много, но готовых ответов на них нет. Их должны дать новые направления социолингвистики.

Перспективы развития социолингвистических направлений у нас в стране были многообещающие. Уже в 1918 г. в Петрограде был открыт первый в мире Институт живого слова. Его программными положениями, с одной стороны, была разработка теории развития национальных языков, а с другой — совершенствование культуры речевого общения [1]. Европейской известностью пользовалась созданная В. М. Жирмунским целостная теория образования национальных языков, наиболее полно изложенная им в [2]. В теорию социолингвистики заметный вклад внесли работы Е. Д. Поливанова. Он же описал итоги той огромной работы по развитию языков народов СССР, которая велась в 20-е годы.

Со второй половины 30-х годов интерес к социолингвистике постепенно угасает. Практически она прекращает свое существование на материале местных языков, чтобы возродиться в 50—70-е годы преимущественно в виде толкования тех или иных постановлений, сопровождаемого подборкой соответствующих положительных фактов языкового развития. Живые процессы функционирования языков с их естественными противоречиями в научных исследованиях практически отсутствуют, поскольку их характер может противоречить тому или иному «выверенному» положению. Наступило время игры в отдельные факты и примеры.

Понятно, это была беда не только языкознания. Если говорить о национально-языковых отношениях в целом, то их изучению уделяют внимание также история, философия, этнография, психология, правовая наука, литературоведение. Фактически нет такой общественной науки, которая бы стояла в стороне от этого круга вопросов. Но от проблемы национально-языковых отношений все специалисты, в сущности, отгородились, хотя как тема она привлекает многих.

Успехи в реализации ленинской политики национально-языкового строительства в СССР, были, конечно, весьма заметны. В области развития отдельных национальных языков были воплощены в жизнь перспективные научные программы. Так, фактически за полтора десятилетия была создана украинская научная терминология, поскольку победила реалистическая тенденция сочетания народной номенклатуры с устоявшейся в практике употребления украинского населения украинизированной — фонетически приспособленной или словообразовательно скалькированной — русской терминологией.

Однако борьба за украинскую научную терминологию не всегда проходила в рамках научных споров. С начала 30-х годов в оборот кроме научных аргументов все чаще вводились политические ярлыки. Языкознание, особенно социалингвистика, становилось опасной зоной, территорией, где велась «охота на ведьм». Ясно, что в подобной ситуации изучение фактов практического прекратилось, методика социалингвистических исследований, не успев по-настоящему развиться, пришла в упадок. Работы о функционировании языков в Советском Союзе как составной части решения национального вопроса вырождались в дидактические экзерсисы.

В настоящее время перестройка научных представлений о советском обществе успешнее всего происходит в области политологии, идет переоценка старых положений в области теории права; что же касается области национально-языковых отношений, то здесь ощущается сильная робость, топтание на месте, большая зависимость от догм застойных времен. Наметилось, правда, стремление к объективному освещению фактов и событий в этой социальной сфере [3]. И все же многие ученые все еще не могут расстаться с теми положениями, которые возникли в 30—40-е годы и до сих пор деформируют ленинское теоретическое наследие в области национально-языкового строительства. Тщательному, непредвзятому научному анализу подлежат следующие положения.

1. Соотношение национального и интернационального в культуре и общественном сознании советских народов.

Интернациональное нередко воспринимается и трактуется не как межнациональное, т. е. предполагающее наличие взаимообогащающих друг друга наций, а как наднациональное, заменяющее национальное в культуре и в сознании. Интернациональное представляется как своеобразная высшая ступень национального, в связи с чем интернациональное признается явлением прогрессивным и перспективным, а национальное — косным, изжившим себя. Следующим шагом в таком понимании соотношения национального и интернационального является противопоставление национального (части) интернациональному (целому), что теоретически несостоятельно, а на практике нередко ведет к деформациям в национально-языковых отношениях. Так, долгие годы считалось, что вытеснение национальных языков из сферы производства — процесс закономерный, согласующийся с нарастанием интернационалистских тенденций в нашем обществе. А между тем все наоборот: «Сужение сферы применения национального языка в области экономики влечет за собой сокращение его употребления и в других областях, понижение его престижности, в том числе и среди его носителей» [4]. Это положение находит яркое подтверждение в практике социальной жизни многих республик. Некорректность теории ведет к непродуманным практическим действиям, содержанием которых становится не интернационализация советского образа жизни, а денационализация народов с неустоявшимся национальным сознанием.

2. Становление нации как история развития национального самосознания.

В теории национальных отношений недостаточно учитывается неравномерность развития народностей и наций, своеобразии этих процессов; совершенно игнорируется факт попытки ассимиляции одного народа другим, даже если эти попытки совершались не народом, а его далеко не прогрессивным правительством. Процесс формирования Российской империи фактически представлялся как бесконфликтный, внутренне непротиворечивый.

3. Взаимозависимость языка и национального самосознания.

Поскольку в теории и практике национальной политики национальное самосознание противопоставлялось интернациональной сознательности, то первое искусственно сдерживалось: не поощрялся интерес к истории собственного народа, обеднялось содержание национальной литературы, изобразительное искусство приобретало иллюстративно-декоративные черты и т. п. Угнетенность национального самосознания вызывала утрату интереса к национальным ценностям, в частности к языку как наиболее емкому, яркому и своеобразному репрезентанту нации. Таким образом, язык и национальное сознание находятся между собой в прямой зависимости: чем выше национальное самосознание народа, тем весомее общественный престиж родного языка, и наоборот.

4. Формирование национального самосознания как фактор патриотического и интернационального воспитания.

Перестройка вскрыла важный момент в осуществлении национальной политики: отсутствие четкой научно обоснованной перспективы межнациональных отношений и развития наций. Практика доказала схоластичность тезиса о близком во времени слиянии наций, их языков, культур, вскрыла неравномерность протекания процесса взаимодействия наций в различных сферах духовной жизни, показала невозможность решения данного вопроса директивными методами, направленными на стирание границ между нациями. Интернационализация трактовалась как формирование и развитие единства без развития многообразия составляющих. До сих пор во многом остается неясным, каким быть национальному самосознанию и как его формировать, какова модель национального самосознания хотя бы ближайшего будущего. Отсутствие ясных выверенных перспектив привело к существенным противоречиям как в теоретическом плане, так и в сфере практических действий. В частности, при провозглашаемом равноправии наций, национальных языков и культур, опирающемся на ленинское положение «ни одной привилегии ни для одной нации, ни для одного языка» [5], постоянно подчеркивалась приоритетность одного языка, одной культуры, что не могло не деформировать национальное самосознание. Человек, не имеющий национального самосознания, не может быть носителем интернационалистской убежденности: общее состоит из частного, при отсутствии столбов не может быть и крыши. Вытравливание национального, проводившееся в годы сталинизма, а затем застоя не способствовало воспитанию интернационалистских взглядов. Не здесь ли, в частности, корни бесхозяйственности в сфере материального производства и в сфере культуры?

5. Форма и содержание национальной культуры.

Многие десятилетия повторяется сталинское определение культуры советских народов как «национальной по форме, социалистической по содержанию». Такая формулировка не учитывает диалектической взаимосвязи содержания, сущности и формы. В. И. Ленин подчеркивал, что «форма существенна, сущность формирующа» [6]. Реально форма и содержание нерасчленимы: невозможно представить национальную культуру (русскую, английскую, украинскую, белорусскую и т. д.), лишенную национального своеобразия в содержании. Этот тезис, кстати, убедительно раскрывается в одной из новейших статей Д. С. Лихачева [7].

Развитие демократических процессов в обществе сопровождается, как правило, усилением внимания к наукам гуманитарного профиля. Достаточно сказать, что после XX и XXI съездов КПСС, на которых был развенчан культ личности Сталина, возрос общественный и научный интерес к традициям национальных культур, к классическому научному наследию,

как отечественному, так и зарубежному, к процессам саморазвития общества. Именно в те годы сделало большой шаг вперед и украинское советское языкознание: был завершен 6-томный украинско-русский словарь, началась работа над большим «Словником української мови» (издание его осуществлялось в 1970—1980 гг., но первые шаги были сделаны в 1958—1959 гг.), активно изучались и издавались памятники украинского языка, заложены основы систематического описания истории украинского литературного языка и др. К сожалению, существенных достижений в области социолингвистики в это время не произошло. В работах о тенденциях развития украинского литературного языка, о его связях с современной разговорной речью, о роли города в становлении норм литературного языка и т. п. не столько анализировались конкретные языковые факты, сколько комментировались те или иные постановления с приведением специально препарированных для этой цели иллюстраций.

Конечно, было бы несправедливо отрицать научное значение всех социолингвистических работ, созданных в 60-х — начале 80-х годов. Такие теоретические аспекты социальной лингвистики, как взаимоотношение языка и культуры (Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров), языковая структура и проблема прогресса в языке (Л. Б. Никольский, Г. А. Меновщиков, Ю. Д. Дешериев, В. К. Журавлев), теория и практика развития литературных языков (В. В. Виноградов, Н. И. Толстой, К. С. Горбачевич), языковые контакты, взаимопроникновение социолем и интерференция языковых элементов (В. В. Акуленко и др.), т. е. сфера, смежная с общим языкознанием, постоянно были предметом научного интереса и составляют сегодня прочный теоретический фундамент для прогностической социолингвистики будущего.

Основной базой данных советской социолингвистики — настоящей и будущей — были и остаются работы о структуре и функционировании языков народов СССР, особенно тех, которые ранее не были объектом монографического исследования. Это, в частности, книги о языке североазербайджанских татов [8], ишкашимском [9], язгулямском [10], хиналугском [11], караимском [12] и других языках; это пятитомное энциклопедическое исследование «Языки народов СССР» [13].

Не менее важны для дальнейшего развития советской социолингвистики работы о социальном статусе, стилевом разветвлении, функциональных возможностях языков зарубежных народов; особенно ценны наблюдения о соотношении языков метрополий и местных языков в бывших колониях, о положении языков меньшинств в развитых капиталистических странах, о развитии языковой жизни стран социалистического содружества [14—20].

Главным недостатком советских работ по социолингвистике последних 10—15 лет является постепенный отход от фактографичности. Если в монографии Ю. Д. Дешериева [21] еще приводится богатый статистический материал (издание художественной литературы на языках народов СССР за 1918—1970 гг., тиражи газет, издающихся на языках народов СССР, выпуск журналов, сборников работ, ученых записок и т. п., распределение населения СССР по национальностям и языкам и т. п.), то в позднейших работах подобные данные отсутствуют. Более того, отдельные языки (например, украинский и белорусский), когда речь идет об объеме их функционирования, вообще не рассматриваются [22].

Создавалась парадоксальная ситуация: советская социолингвистика шире пользовалась данными о состоянии развития языков в зарубежных странах, чем в собственной, где представлены 130 языков. В связи с этим лингвистические рекомендации не обладали реальной силой для регулирования языковой политики. По определению А. Д. Швейгера, языковая политика «является не только одним из важнейших факторов, формирующих языковую ситуацию, но и ее существенным аспектом» [22, с. 35]. Практика осуществления языковой политики в странах капитала неопровержимо доказывает, что она направлена на утверждение позиций языков большинства и на постепенное вытеснение на периферию культурной жизни языков национальных меньшинств. И все же одним из замечательных яв-

лений послевоенного периода следует считать пробуждение различных угасающих ранее этнических групп в многонациональных странах Европы и Америки. Это проявляется прежде всего в интересе к собственным языкам, стремлении ввести их в школьное преподавание, в выработке национальной терминологии, в использовании традиций древних литературных языков. Подобный путь проходили и восточнославянские украинский и белорусский языки. Так, до Т. Шевченко украинский язык воспринимался его носителями и носителями соседних языков как своеобразный социальный диалект, присущий крестьянству и мещанству. Поэтому и Т. Шевченко, и его последователи черпали силы для литературного языка не только из народного источника, но и из староукраинского литературного языка.

В большинстве случаев в современных многонациональных капиталистических странах (США, Канада, Великобритания и др.) возникает ситуация диглоссии, при которой язык большинства используется в производстве, искусстве, юриспруденции, государственном управлении, среднем и высшем образовании и т. п., а язык национальных меньшинств — в быту, частично в школе (как предмет), в искусстве. В связи с этим количество носителей языков национальных меньшинств сокращается. Так, если в 1971 г. 310 тысяч украинцев Канады активно пользовались своим языком, то в 1976 г. их количество сократилось до 282 тыс., а к 1981 — еще на 17 тыс. Даже если язык меньшинства охраняется государством (как, например, французский язык в провинции Квебек), то это не значит, что он полностью восстановил свой престиж. Исследователи отмечают, что монреальские франко-канадцы, когда к ним обращаются по-английски, в большинстве случаев отвечают на этом же языке.

Большое значение для престижа языка имеет степень владения им руководящей верхушки национального меньшинства. Этим определяется функциональная «зрелость» языка — употребление его в административной сфере и судопроизводстве, в науке и технике, средствах массовой информации, в политике и дипломатии, а отсюда — в необходимости преподавания его в средней школе. Если в Великобритании количество носителей валлийского языка только за десять лет (с 1961 по 1971 г.) уменьшилось на 20% [16, с. 18], если ирландский английский язык расценивается британскими властями как символ низкой культуры, если в середине нашего столетия совершенно вышел из употребления менский язык, то первопричиной подобной ситуации является прежде всего равнодушное отношение к собственным языкам социальной верхушки этносов, что активно поддерживается центральным правительством. Примерно такая же ситуация во Франции с окситанским языком. Окситанцам долгое время внушали мысль о том, что они говорят на диалекте, представляющем собою не что иное, как тот же французский язык, только выродившийся и возможный лишь в устах малокультурных людей. «От этого возникло чувство неполноценности: крестьяне стеснялись родного языка, хотя вместе с тем и испытывали трудности, изъясняясь на французском, который знали плохо. Так возникал процесс языкового отчуждения, человек оказывался „безъязыким“» [16, с. 114].

Анализ различных языковых ситуаций в зарубежных странах — как в развитых капиталистических, так и в развивающихся — проведенный и зарубежными, и советскими социолингвистами, убеждает в том, что они сводятся к четырем наиболее характерным типам. Первый — это *экзогlossная* ситуация: соотношение господствующего в стране литературного языка с местными языками, обладающими низким социальным статусом. Второй — *эндогlossная* ситуация: соотношение литературного языка с территориальными и социальными диалектами, арго и т. п. Третий тип — *гипергlossная* ситуация: соотношение официального литературного языка с другим литературным языком, пользующимся в мире большим авторитетом (в данном случае речь идет о мероприятиях французского правительства, призванных защитить французский язык от влияния английского). Наконец, четвертый тип — *гипогlossная* ситуация: соотношение языка страны с языками иностранных рабочих. Все четыре типа ситуаций создают условия для развития социального дву- и многоязычия. Дву- и много-

язычие (билингвизм и мультилингвизм) можно разделить на три вида: *равнофункциональный* (все языки на территории страны имеют одинаковый статус и могут использоваться тем же самым говорящим во всех функциях, как в Швейцарии), *нефункциональный* (языки имеют одинаковый статус, но часть говорящих использует во всех функциях один из них, а вторым может не пользоваться вообще; подобная ситуация употребления французского и нидерландского языков существует в Бельгии) и *разнофункциональный* называемый еще диглоссией (один из языков занимает ведущее положение и употребляется во всех функциях, а второй удовлетворяет потребности населения только в некоторых сферах, чаще всего в быту и в художественной литературе) [16, с. 101].

Много внимания уделяет современная социалингвистика, ориентированная на языки зарубежных стран, способам влияния государственного аппарата на функционирование языков, работе специальных государственных и общественных органов в плане повышения (или, наоборот, понижения) их престижа.

Сравнивая проблематику исследований ведущихся на базе языков народов СССР и языков народов зарубежных стран, нельзя не обратить внимания на то, что зарубежная языковая жизнь освещается шире, полнее, более раскованно, с использованием различных статистических выкладок. Социалингвистика, базирующаяся на материале языков зарубежных стран, поднимается к важным теоретическим обобщениям и не боится давать прогнозы.

Следовательно, одной из задач современной советской социалингвистики является максимальное расширение диапазона исследования языков народов СССР. Социалингвистика завтрашнего дня должна раскрыть реальные перспективы развития национальных языков, обобщить отечественный опыт регулирования языковых проблем, позаботиться об удовлетворении культурно-языковых потребностей национальных меньшинств на территории каждой республики.

Первый круг вопросов, очевидно, выходит за пределы отдельных республик. Обследование языковой ситуации в УССР уже ведется на протяжении нескольких лет. К нему, кроме сотрудников Института языковедения АН УССР, выступивших с инициативой развития этого направления, подключились преподаватели вузовских кафедр. Выработана и разослана детальная анкета, назначением которой является получение ответов на такие вопросы, как степень владения опрашиваемых украинским и русским языками, роль этих языков в их культурном развитии. Таким образом, можно надеяться, что вскоре социалингвисты будут обладать своеобразной культурно-языковой картой республики, а это откроет возможности более предметно решать языковые проблемы на местах. Сложнее обстоит дело с изучением языковой ситуации в других республиках СССР, где украинцы проживают большими массами. Происходит ли здесь денационализация? Раньше социалингвистика обходила подобные вопросы целомудренным молчанием, но ведь это часть нашей реальности, которая не может быть закрыта для наблюдения. Какие же могут быть прогнозы развития языков и наций в целом, если мы лучше знаем о ситуации за океаном, чем у себя дома? Изучением этого круга вопросов должна заниматься *ареальная социалингвистика*, опирающаяся на *статистическую социалингвистику*.

Второй круг вопросов фактически не изучен. Следует, очевидно, найти определенный ответ на вопрос о том, что дала так называемая «украинизация», проводимая в конце 20-х — начале 30-х годов, чем закончились подобные акции в других республиках. Известно лишь то, что это социальное явление было закрыто тенью других, более масштабных событий, как, например, ускоренная коллективизация сельского хозяйства или голод 1932—1933 гг. И все же, нынешний исследователь, ставя вопрос о расширении функциональных возможностей украинского языка, должен быть знаком с историческим опытом прошлого. Как свидетельствует материал о языковой ситуации в зарубежных странах, двуязычие не ведет к одноязычию в том случае, когда оба языка обладают одинако-

вым количеством функций. Если же один язык обладает лишь некоторыми функциями, отдавая вузовское образование, юриспруденцию, делопроизводство, производственные отношения другому языку, то этот первый, независимо от формы общественного устройства народа, который он обслуживает, постепенно вытесняется из употребления. Следовательно, если общество хочет избежать диглоссии, оно, очевидно, обязано позаботиться о реальном, а не прикрытом бюрократическими рапортами о полном благополучии функциональном равноправии всех языков. Однако это лишь предположение, поскольку в распоряжении социолингвистов сегодня нет ни данных о соотношении вузовских курсов, читаемых на украинском и русском языках, ни о ведении делопроизводства на обоих языках, ни о подготовке украиноязычных кадров для всех сфер культурной жизни в республике. Следовательно, нужно развивать *сравнительную социолингвистику*, т. е. такое ее направление, объектом изучения которого должна стать сфера функционирования разных языков в условиях билингвизма. Наконец, третий круг вопросов, актуальных преимущественно в УССР. Основное население большинства областей нашей республики — украинцы. Исключением является Крымская область, в которой большинство составляют русские. Но в пределах нашей республики компактно проживают также русские, из числа которых около 10,5 млн признают своим родным языком русский, молдаване (235 тыс. признают своим родным языком молдавский), болгары (163 тыс. признают своим родным языком болгарский), венгры (159 тыс. признают родным языком венгерский), белорусы (143 тыс. признают родным языком белорусский), татары (более 50 тыс. признают родным языком татарский), поляки (37 тыс. признают родным языком польский) и др. И вместе с тем обеспечены школами с родным языком обучения только русские, молдаване, венгры и поляки. В последнее время вводится преподавание гагаузского, крымско-татарского и болгарского языков как отдельных предметов. Никто сегодня не смог бы ответить, почему в республике нет школ с болгарским, белорусским, еврейским, татарским, а также чешским, возможно, армянским и другими языками преподавания. В процессе поиска истины, наверное, возникает вопрос о психологической мотивированности выбора языка преподавания как у представителей многочисленных, так и немногочисленных, в частности, некоренных народов. С абсолютной необходимостью должна развиваться новая отрасль социолингвистики — *социопсихолингвистика*. Это направление призвано также обстоятельно и объективно осветить влияние дву- и многоязычия на формирование личности; в опубликованных в последнее время публицистических статьях, авторы которых ставят этот вопрос, он не получил (и не мог получить) достаточного обоснования [23].

Без наличия всех этих социолингвистических направлений, без разработки методики ведения исследований, создания выверенной системы терминов, которая бы четко стыковалась с терминологическими системами других социологических дисциплин, напрасно было бы ожидать усиления прогностических функций языкознания в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Граудина Л. К. Надо учить говорить весь народ.— Русская речь, 1988, № 1.
2. Жирмунский В. М. Национальный язык и социальные диалекты. Л., 1936.
3. Зеймаль Е. Народности и их языки при социализме.— Коммунист, 1988, № 15.
4. Коротеева В., Перепелкин Л., Шкараташ О. От бюрократического централизма к экономической интеграции современных республик.— Коммунист, 1988, № 15, с. 32.
5. Ленин В. И. Рабочий класс и национальный вопрос.— Полн. собр. соч., т. 23, с. 150.
6. Ленин В. И. Конспект книги Гегеля «Наука логики».— Полн. собр. соч., т. 29, с. 129.
7. Лихачев Д. С. Россия.— Литературная газета, 1988, 12 X, с. 5—6.
8. Грюнберг А. Л. Язык североазербайджанских татов. Л., 1963.
9. Пахалина Т. Н. Ишкашимский язык. Очерк фонетики и грамматики, тексты и словарь. М., 1959.
10. Эдельман Д. И. Язгулямский язык. М., 1966.
11. Дешериев Ю. Д. Грамматика хиналугского языка. М., 1959.

12. *Мусаев К. М.* Грамматика караимского языка. Фонетика и морфология. М., 1964.
13. Языки народов СССР. Т. I—V. М., 1966—1968.
14. *Швейцер А. Д.* Социальная дифференциация английского языка в США. М., 1983.
15. Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М., 1978.
16. Межъязыковые отношения и языковая политика: Капиталистические государства и страны третьего мира. Киев, 1988.
17. Развитие языковой жизни стран социалистического содружества. Т. I—II. Прага, 1987.
18. Функционирование славянских литературных языков в социалистическом обществе. М., 1988.
19. *Степанов Г. В.* Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М., 1976.
20. *Домашнев А. И.* Современный немецкий язык в его национальных вариантах. Л., 1983.
21. *Дешериев Ю. Д.* Закономерности развития языков народов СССР в советскую эпоху: Развитие общественных функций литературных языков. М., 1976.
22. Развитие национальных языков в связи с их функционированием в сфере высшего образования. М., 1982.
23. *Хинт М.* Взгляды на двуязычие без розовых очков. — Радуга, 1987, № 6—7.

НИКОЛАЕВА Е. К.

ПОЛЬСКИЕ УСТОЙЧИВЫЕ СРАВНЕНИЯ С МИФОЛОГИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ

Одной из самых популярных фигур польской демонологии, несомненно, является дьявол. Его образ слагался на протяжении многих веков, впитывая в себя элементы языческого религиозного сознания народа, на которые с введением христианства накладывался заимствованный из Западной Европы образ «христианского» дьявола. Последний, в свою очередь, видоизменялся под влиянием народных представлений о «нечистой силе». В результате возникали фигуры специфических польских дьяволов (дьявол Борута, дьявол Рокита), представляющие собой симбиоз образов бесов, леших, домовых и образа «христианского» дьявола [1]. Многообразие функций этого персонажа, нашедшее отражение в народных преданиях, легендах, сказках — с одной стороны, и необычайно яркая экспрессия этого слова — с другой, способствовали фразеологизации сочетаний, в состав которых входит эта лексема. Так, в фундаментальном собрании польских пословиц и поговорок под редакцией Ю. Кжижановского [2], откуда черпался материал для данной статьи, лексема *diabeł* входит в состав более 600 оборотов, среди которых около 80 — устойчивые сравнения (далее — УС).

Широкое распространение подобных фразеологизмов наблюдается и в других языках, поэтому, видимо, они неоднократно привлекали внимание исследователей [3—5]. Однако при описании УС исследователи, как правило, ограничиваются лишь констатацией основного значения УС с компонентом «дьявол» («черт»): высокой степени проявления признака, интенсивности действия [3, с. 169; 4, с. 188]. Цель данной статьи — проследить, каким образом формируется это или иное значение в рассматриваемых оборотах, на чем основывается их образность, какую роль играют дополнительные компоненты, вводимые в образную основу сравнения.

Рассмотрим сначала группу УС, отличающуюся наиболее яркой образностью, основанной часто на народных преданиях, верованиях, религиозных обрядах. Именно в данной группе образность оказывает определяющее влияние на смысловую сторону УС. Содержание образа представляет собой сложную систему признаков, которые, группируясь вокруг него, актуализируются в зависимости от ситуаций употребления образа.

Во многих УС прослеживается один и тот же мотив — связь дьявола с ивой или ракитой: *śmieje się jak diabeł w suchej wierzbie*; *rozśmiał się jak diabeł w rokicinie*; *siedzi jak diabeł w rokicinie*; *zakochał się jak diabeł w suchej wierzbie*; *chichocze się jak diabeł w rokicinie*. Это связано с мифологиче-

скими представлениями об иве (или раките, особенно старой, высохшей) как жилище дьявола. Она растет в болотистых, недоступных местах, которые, по народным приметам, любит «нечистая сила» (*siedzi jak diabeł w bagnie*). Эти верования и породили образ польского дьявола Рокиты. Здесь налицо один из общеславянских принципов номинации демонов — «принцип называния их по месту жительства» [6].

Таким образом проясняется внутренняя форма этих УС. Обороты *siedzi jak diabeł w rokinie*; *siedzi jak diabeł w sprochniałej wierzbie*, видимо, построены по той же модели и имеют то же значение, что и УС *siedzi jak borsuk w norze* или русское УС *сидит как медведь в берлоге*, т. е. 'угрюмо, одиноко'. Оборот *zakochał się jak diabeł w suchej wierzbie* соответственно имеет значение 'очень полюбил'. Компонент *wierzba* выполняет функцию конкретизации образа, актуализирует значение УС. В то же время в УС *rozśmiał się jak diabeł w rokinie*; *śmieje się jak diabeł w suchej wierzbie* (о злорадно, неприятно смеющемся человеке) дополнительный компонент не выполняет какой-либо смыслообразительной функции, значение его формируется из значения основания сравнения + отрицательные коннотации компонента *diabeł*.

В связи с местом обитания в УС прослеживается и образ «христианского» дьявола, непосредственно связанного с адом: *tlucze się jak diabeł po piekle*; *tęskni jak diabeł po piekle* (диал.). И хотя дополнительный компонент обладает также яркой экспрессией, однако совмещение этих двух компонентов (*diabeł + piekło*) не вызывает усиления экспрессивности выражения. Рассмотрим это явление на примере оборота *woził nas jak diabeł swoją ciotkę po Łysej Górze*. В основе этого выражения — предания о шабашах 'ведьм на Лысой горе, которая считается излюбленным местом встреч «нечистой силы» (*ciota* или, в данном случае, *ciotka* — одно из названий ведьмы). Здесь введены три лексемы с отрицательной коннотацией, с повышенной экспрессией. Однако конкретизация ситуации приводит к тому, что дьявол выступает здесь в обычном, свойственном ему окружении, и это, подчеркивая буквальное значение лексемы, снижает ее экспрессивность, она становится более нейтральной. Тем самым снижается экспрессивность всего оборота, значение которого — 'везти по бездорожью'. С нарастанием буквального значения снижается и идиоматичность выражения.

Отголосок вертепных представлений, где обычно присутствовал дьявол, нашел отражение в УС *chodzi jak diabeł koło Betlejemu, zagląda jak diabeł do Betlejemu*. Здесь перед нами предстает образ «христианского» дьявола, сгорающего от любопытства, но не осмеливающегося близко подойти к месту рождения Христа. Дополнительный компонент непосредственно участвует в формировании значения УС.

Образ дьявола, построенный на его взаимоотношениях с церковными обрядами, широко представлен в УС польского языка. Эти сравнения обладают, также как и вышеописанные, яркой образностью, но несколько большей экспрессивностью. Усиление экспрессивности достигается путем совмещения двух несовместимых понятий. Обычно в качестве дополнительного компонента выступают слова, обозначающие религиозные предметы, обряды, святые места (крест, святая вода, покаяние и т. п.). Основное значение — интенсификация действия, усиление признака: *boi się jak diabeł święconej wody*; *ucieka jak diabeł od święconej wody*; *mituje jak diabeł wodę święconą*; *nienawidzi jak diabeł wody święconej*; *boi się jak diabeł krzyża*.

В ряду описываемых УС распространена модель: нужен + как дьявол + святое место. Например: *potrzebny jak diabeł w świętym miejscu*; *potrzebny jak diabeł w Częstochowie*; *potrzebny jak diabeł w Kochawinie*. Эти обороты обозначают неуместность, нежелательность присутствия кого-либо где-либо. И хотя дьявол нигде не является желанным гостем, однако его присутствие в местах паломничества верующих, т. е. в Ченстохове или Кохавине, где находятся знаменитые иконы Богородицы, несомненно, еще более неуместны. В данном случае дополнительные компоненты служат средством усиления экспрессивности выражения.

Нашел отражение в сравнениях и образ дьявола — «ловца человеческих душ»: *trzymaj jak diabeł dobrą duszę; czycha jak diabeł na dobrą duszę; czatuje jak diabeł na dobrą duszę; opętał go jak diabeł dobrą duszę; cieszy się jak diabeł z połowu dobrej duszy; siedzi jak diabeł nad dobrą duszą; strzeże jak diabeł grzesznej duszy.*

Следует отметить, что в качестве дополнительного компонента чаще выступает «добрая душа», а не «грешная». Здесь также совмещаются противопоставленные понятия, чем достигается усиление значения интенсивности действия (в основаниях сравнений выступают обычно глаголы).

Следующая группа УС является связующим звеном между рассмотренными нами образными сравнениями и безобразными, где произошла полная десемантизация компонента *diabeł* (они будут рассмотрены ниже). Этим оборотам свойственна менее яркая образность (в них отсутствует какая-либо детализация образных представлений), но более сильная экспрессивность, чем в УС первой группы. В основном эти обороты характеризуют внешность или черты характера человека: *odarty jak diabeł; wygląda jak diabeł; zły jak diabeł; niezgrabny jak diabeł; brzydki jak diabeł; uparty jak diabeł; szpetny jak diabeł; kulawy jak diabeł.*

В данных УС «дьявол» выступает символом практически любых отрицательных качеств человека, обозначенных в основании сравнения. Однако эта отрицательная коннотация непосредственно связана с образом дьявола — безобразного, коварного, злого.

Эта связь с образом полностью утрачивается в УС третьей группы. К ней мы отнесли УС, имеющие целостное интенсифицирующее значение, выражающие сильные эмоции, подвергшиеся экспрессивному переосмыслению, в результате чего компонент *diabeł* утрачивает свое буквальное значение и выступает в качестве немотивированного интенсификатора. Здесь мы позволим себе не согласиться с утверждением В. М. Огольцева, что «функция устойчивого сравнения в любых условиях его применения (...) никогда не ограничивается усилением признака, т. е. чисто количественной стороной значения. Устойчивое сравнение всегда есть прежде всего средство образного отражения индивидуального признака...» [7, с. 150]. В рассматриваемой группе утрачивается не только образ, но даже отрицательные коннотации лексемы *diabeł*, эмоциональная окраска слова. В составе этих УС лексема *diabeł* может являться средством выражения как негативных, так и позитивных явлений, вызывать в человеке как отрицательные, так и положительные эмоции: *robią jak sto diabłów* (отлично (!) работают); *kocha ją jak wszyscy diabli* (очень сильно любит). УС этой группы используются лишь как средство выражения высшей степени проявления признака, действия. Сочетаемость их, особенно в разговорном языке, практически безгранична. Если в основании сравнения выступает существительное, оборот получает значение 'сильный, огромный': *mróz jak sto diabłów*. При сочетании с глаголами, наречиями, прилагательными происходит усиление значения признака, интенсивности действия: *zbił go jak sto diabłów; śmierdzi jak sto (trzysta) diabłów; wieje jak sto diabłów; zimno jak diabli; kocha ją jak wszyscy diabli; kwaśny jak sto diabłów.*

Значение этих оборотов создается за счет сильной экспрессии лексемы *diabeł*. Категория числительных и множественное число являются добавочным средством усиления экспрессивности.

В сферу внимания исследователей в основном попадают УС, условно выделенные нами во вторую и третью группы. Эти сравнения действительно оказываются более живучими в языке, широко распространенными. В сознании народа постепенно стираются многие предания, поверья, на которых базируется образ дьявола. Происходит «забвение первоначальной ситуации сравнения» [7, с. 66]. И это приводит к утрате мотивированности оборотов, затемнению внутренней формы. Утрата мотивированности в этом случае, как нам кажется, приводит не к семантической слитности и устойчивости всего выражения, а к синтаксическому результату, т. е. опущению дополнительного компонента сравнения, детализирующего образное представление, либо происходит вытеснение ком-

понентно эксплицированного УС параллельно развивающимся функционально приближенным имплицитным оборотом. Так, например, вышел из употребления (судя по последней дате фиксации: 1894 г.) [2, с. 234] оборот *wygląda jak diabeł na Serpuchowie*, однако широко распространен оборот *wygląda jak diabeł*, обозначающий весьма общую отрицательную характеристику внешнего вида человека.

Этот процесс вызывается, с одной стороны, сильной экспрессией и семантической диффузностью самой лексемы *дьявол*, превращающей ее в демотивированный интенсификатор, способный выражать самые разнообразнейшие понятия, с другой стороны, этот процесс обусловлен «однофункциональностью» образной основы этих УС, т. е. концентрированностью на выражении высокой степени проявления признака, интенсивности действия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Pelka L. J.* Polska demonologia ludowa. Warszawa, 1987.
2. Nowa Księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich / Pod red. J. Krzyżanowskiego. T. 1—4. Warszawa, 1969—1978.
3. *Ничева К.* Към въпроса за връзката между образа и значението при възникването на фразеологизмите. — В кн.: Славянска филология. Т. 17. София, 1983.
4. *Мокиенко В. М.* Образы русской речи. Л., 1986.
5. *Демьянович Н. И.* Устойчивые сравнения со значением состояния в русском, чешском и словацком языках. — Дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Л., 1980.
6. *Толстой Н. И.* Из записок по дьявольской демонологии. I. Откуда дьяволы разные? — Материалы Всесоюзного симпозиума по вторично моделирующим системам-Тарту, 1974, с. 29.
7. *Огольцев В. М.* Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии. Л., 1978.

ОБРЯД ПОГРЕБЕНИЯ АТТИЛЫ (IORD. XLIX, 256—258)
И «ТРИЗНА» ОЛЬГИ ПО ИГОРЮ (ПВЛ, 6453 г.)

Уже А. Котляревский [1, с. 36 сл., 115 сл.] рассмотрел оба пассажа для реконструкции похоронного обряда у древних славян. Недавно параллелизм данных отрывков вновь привлек внимание В. Н. Топорова [2, с. 10], пришедшего к выводу о «соответствии» *strava* Иордана и *тризна* ПВЛ в «вполне сопоставимых» контекстах, а именно, «что оба эти термина относились к одному и тому же моменту погребального обряда». Однако более пристальное рассмотрение каждого пассажа в отдельности с последующим их сопоставлением дает основания вновь вернуться к этому вопросу.

1. Прежде всего, фраза относительно *strava*, цитируемая Топоровым (начало § 258), находится в середине целостного, достаточно протяженного описания погребальной церемонии Атиллы (§ 256—258), заимствованного у Приска. Опущенный предшествующий контекст как раз и содержит изложение той части обряда, семантика которой в наибольшей степени совпадает с древнейшим из значений слав. **tryzna*: **trizna* (Фасмер [3] склонен рассматривать в качестве праслав. первую форму: в Изборн. Святосл. 1073, Лавр., Ипат. ТРЫЗНА), представленном ст.-слав. и русск.-ц.-слав. текстами, где слав. лексеме соответствует в Супр. ἔπαθλον [4, S. 138], в Златоустр. XII в. — παλαίστρα, Ио.Лѣств. XII в. — στάδιον, Гр. Наз. XI в. — ἄθλον (εὐράμενος) — трызнь (обрѣтъ), при том, что греч. ἔπαθλον значит «награда (победителям в состязании)» [5], а основной коррелят — ἄθλον в наиболее раннем засвидетельствовании означает «награда в ритуальных состязаниях, играх, борьбе» и сами «состязания, борьбу, подвиг и т. п. (за награды)», см. особенно XXIII песнь Илиады. Необходимо отметить, что в Супр. (376, 10) ст.-слав. ТРИЗНА = ἔπαθλον может значить только «награда», точнее «вознаграждение», ср. [4, S. 138]; сличение с греч. оригиналом текста о доходах от монахов и вознаграждениях [6] показывает, что здесь рядом употреблены две морфосемантические кальки: ВЪЛѢПОТЖ с наречного ἐν κόσμῳ и НА ТРИЗНАХ с ἔπαθλον (специально см. [7]).

В тексте Иордана, предшествующем предложению относительно *strava*, говорится буквально следующее: (§ 256) «именно, когда труп (Атиллы. — Л. Г.) поместили посреди стеней и внутри шелкового шатра, устраивается зрелище (*spectaculum*) удивительное и торжественное. Ведь самые отборные всадники из всего племени гуннов, объезжая кругом то место, где он был положен, подобно цирковым ристаниям (*in modum circensium cursibus*), его деяния вспоминали погребальным пением в следующем порядке... (§ 258). После того, как такими рыданиями (плачами) он был оплакан, они пышно празднуют огромным пиршеством наверху

его кургана то, что они сами называют стравой (*stravam super tumulum eius quam appellant ipsi ingenti commessatione concelebrant*), и, сочетая в себе попеременно противоположное, выражают похоронную скорбь, смешанную с радостью, и ночью труп, тайно скрытый в земле, защищают покрытиями (или покровами): первое из золота, второе из серебра, третье из твердого железа». Затем рассказывается о помещении в гробницу оружия, драгоценностей, украшений и в конце пассажа — об убийстве всех людей, осуществивших погребение (видимо, рабов). Следует отметить, что перевод Е. Ч. Скржинской [8] содержит целый ряд неточностей. В частности, предложение о страве по существу является глоссой этого термина посредством *ablativus modi*: *ingenti commessatione*, к которому должен был прибегнуть Иордан, встретив неизвестное ему в эпитоме из Приска обрядовое слово или переписав, как в других извлечениях, дословно с указанием *quam appellant ipsi sc. Hunni*. Мысль о глоссе подтверждается разнотчением в Лауренцианском кодексе [9], где переписчик, изменив аблатив на аккузатив, понял место в качестве словарной глоссы с соответствующим в таком случае оборотом *accusativus duplex*. Вместе с тем предположение об *ingenti* как исконном аккузативе с исчезновением конечного *-m* в вульгарной латыни Иордана отпадает, поскольку при склонении прилагательных одного окончания в 3 склонении аккузатив имеет окончание *-em*. Скржинская переводит: «они справляют... страву..., сопровождая ее громадным пиршеством», — разрывая тождество между *strava* и его глоссированием, создавая впечатление о более широком семантическом объеме *strava* по сравнению с погребальным пиршеством подталкивает тем самым к неправильному пониманию стравы как тризны, т. е. похоронного обряда в целом (см., например, [1, с. 9 сл.]).

Таким образом, в ритуале погребения Атиллы можно выделить 8 составных частей: 1) помещение трупа до погребения на всеобщее обозрение в шатре, 2) ритуальные состязания, 3) погребальная хвала в песнопении, сочетавшем погребальный плач с радостью, 4) воздвижение могильного кургана, 5) ритуальное пиршество на нем, 6) собственно захоронение, 7) помещение в гробницу оружия и пр., 8), убийство на могиле исполнителей погребения.

II. Анализ текста ПВЛ затрудняется тем обстоятельством, что весь отрывок явно легендарен и отмечен печатью устной традиции, в то время как описание погребения Атиллы достаточно этнографично. Текст следующий (ради простоты набора дается по А. А. Шахматову [10, с. 65—66]): И посла къ Древлянѣмъ, рекущи сице: «се, уже иду къ вамъ, построите меды многы у града, идеже убисте мужа моего, да поплачюся надъ гробьмъ его, и съворю тризну мужю своему». Они же, то слышавъше, съвезоша меды многы зѣло, и възвариша. Ольга же, поимъши мало дружины, и льгко идуши, приде къ гробу его, и плакася по мужи своемъ. И повелѣ людьмъ съсуги могылу велику, и яко съсъпоша, повелѣ тризну творити. Посемь сѣдоша Древляне пити, и повелѣ Ольга отрокомъ своимъ служити предъ ними. И рѣкша Древляне къ Ользѣ: «къде суть дружина наша, ихъже послахомъ по тя?» Она же рече: «идуть по мнѣ съ дружиною мужа моего». И яко упишася Древляне, повелѣ отрокомъ своимъ пити на ня, а сама отъиде кромѣ, и повелѣ дружинѣ сѣщи Древляны; и исѣкоша ихъ 5000.

Интерпретация приведенного текста наталкивается на кажущееся противоречие в функционировании интересующего нас термина «тризна», значение которого летописцем и другими светскими памятниками нигде не раскрывается. Употребление в начале отрывка говорит, как будто, о его непосредственной связи с ритуальным питьем, так как основным условием тризны как компонента погребального обряда, на первый взгляд, оказывается «приготовление многих медов», и тогда правомерно семантическое уравнение *strava* Иордана = *меды многи* = *тризна*. Но, поскольку требование приготовления обильного питья предваряет желание Ольги «поплакаться на могиле», это требование выглядит тишичным эллипсисом, обозначающим самостоятельное ритуальное действие. Мысль об эллипсисе находит подтверждение во втором употреблении термина

тризна, когда только после насыпания могилы и совершения тризны начался пир с древлянами. В чем состояла тризна, можно предполагать, исходя из приведенных выше эквивалентов греческих оригиналов и типологии актов, составляющих погребальный ритуал Аттилы (ср.: «Тризна — погребальное состязание» [11]). Диалектное значение *тризны* как ритуального напитка почти определено позднее, возникшее по смежности ритуальных актов и возможной глубинной этимологической близости лексем *strava* и *тризна* < **tryzna*: праслав. **sъstrava* — **trava*, **traviti* — **truti*, ц.-слав. *trouti* — *tryti* < и.-е. **trou-* / *trū-*, ср. греч. τρώω «растирать, уничтожать, изнурять», сюда же **tryzna*.

Порядок составных частей выполняемого Ольгой погребального обряда по князю Игорю следующий: 1) погребение Игоря древлянами, 2) плач Ольги над гробом, 3) насыпание могилы, 4) тризна, 5) пир, 6) убийство древлян. С незначительными вариациями порядок тот же, что и у Иордана. Из этого сопоставления в совокупности с вышеописанным семантическим объемом тризны совершенно очевидно полное совпадение *cursus* (= греч. ἄθλον, гом. ἄεθλον) Иордана и *тризны*: *тризна* ПВЛ, т. е. «ритуальные ристания, борьба», ср. отождествление похоронных ристаний у гуннов и тризны у славян Котляревским [1, с. 132]; о параллелизме ст.-слав. ТРИЗНА и греч. ἄεθλος [12]; судя по словарю Срезневского [5], все родственные и производные от ТРИЗНА, за исключением ТРИЗНИЩЕ, содержат смысл «борьба, (военная) игра, битва».

В итоге *strava* Иордана, справляемая посредством *ingenti commessatione*, не может соответствовать *тризне* ПВЛ ни содержательно, ни композиционно, а полностью адекватна лишь поминальному пиру с обильным питьем; объединение в тризна ПВЛ значений «погребальные состязания» и «пиршество» [13; 2, с. 102; 14, ч. II, с. 300 сл.] не исключено, однако, только на уровне реконструкции. Надо полагать, какой-то состязательный момент ощущался и в ритуальном пире герм. питье, отразившись в выражении «пити на ня». Срезневский [5], опираясь на параллельное

употребление в ПВЛ: Ре Котопанъ: княже, хочю на тѣ пити, — толкует «пить на здоровье» (так уже Котляревский [1, с. 117]); В. Панов [15]: «пить за них», Д. С. Лихачев [14, ч. I, с. 239]: «пить за их честь». Однако нечеткость контекста, вызвавшая разночтения (в Ипат. «поити» Миклошич правил на «ити» — цит. по [10, с. 380]), заставила Шахматова [10, с. 380], избрав буквальное пространственное значение предлога *на*, специально оговорить сохранение чтения «пити», но истолковать: «отроки должны были напоить (т. е. перепить. — Л. Г.) древлян, а дружина избить их». Таким образом, перед нами, возможно, не военная игра, но реальный бой, подобный гладиаторским боям в Риме и т. п., ср. [14, ч. II, с. 300].

ЛИТЕРАТУРА

1. Котляревский А. О погребальных обычаях языческих славян. М., 1868.
2. Топоров В. Н. К семантике троичности (слав. **trizna* и др.). — В кн.: Этимология. 1977. М., 1979.
3. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Перевод с нем. и доп. О. Н. Трубачева. Т. IV. М., 1973, с. 102.
4. Sadnik L., Aizetmüller R. Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten. The Hague, 1955.
5. Срезневский И. И. Материалы для Словаря древнерусского языка. Т. III. СПб., 1912, стлб. 996.
6. Супраслски или Ретков сборник. Т. I—II. София, 1982—1983, с. 376, 6—11.
7. Гиндин Л. А. К переводческой технике кирилло-мефодиевской школы: две старославянские кальки в Супрасльской рукописи. — Советское славяноведение, 1988, № 3.
8. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Перевод, комментарий Е. Ч. Скржинской. М., 1960, с. 117.
9. Iordanis Romana et Getica ges, Th. Mommsen Berolini, 1882, p. 124, app.
10. Шахматов А. А. Повесть временных лет. Т. I. Пг., 1916.
11. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1981, с. 274.
12. Chantraine P. Dictionnaire etymologique de la langue grecque. Histoire des mots. T. I. Paris, 1968, p. 21.
13. Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956, с. 212.
14. Лихачев Д. С. Повесть временных лет. Ч. I—II. М.—Л., 1950.
15. Древнерусские летописи. Перевод и комментарий В. Панова. М.—Л., 1936, с. 26.

НЕНАШЕВА З. С., ХАЙРЕТДИНОВ Х. Х.

К ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЮ КАФЕДРЫ ИСТОРИИ ЮЖНЫХ И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

(Формирование концепции научной и учебной работы)

Возникновение в 1939 г. специальной кафедры истории южных и западных славян означало, что впервые в отечественном славяноведении история зарубежных славянских народов была выделена в самостоятельную дисциплину. В дальнейшем это создало необходимые предпосылки для преодоления «филологического уклона», доминировавшего в дореволюционной и послеоктябрьской славистической науке. Действительно, реальное достижение кафедры состоит в том, что благодаря ее деятельности советское историческое славяноведение было поставлено на прочный фундамент в учебном и научном отношениях. За полувековую историю кафедра, подготовив свыше тысячи специалистов, превратилась в главную кузницу кадров, стала ведущим центром повышения квалификации историков-славистов, головным учреждением наряду с Институтом славяноведения и балканистики АН СССР по координации историко-славистических исследований в стране. Эти заслуженные, с нашей точки зрения, успехи получили общественное признание [1—5]. Вместе с тем в освещении процесса формирования двух главных направлений деятельности кафедры — учебной и научной, трудностей в их развитии имеются существенные пробелы. Привлечение новых материалов позволяет остановиться более подробно на этих аспектах.

Формирование кафедры, имевшей с самого начала особое политическое значение, шло в тесной взаимосвязи с историей нашего государства. Она возникла в русле реорганизации системы исторического образования в Московском университете. Идея создания такого подразделения крепла вместе с ростом интереса к истории зарубежных славянских народов, что несомненно стимулировалось внешнеполитической деятельностью Советского правительства в 30-е годы, отвечала реальным запросам историков-славистов, внутренним потребностям развития исторической науки, способствовала восстановлению позиций исторического славяноведения как традиционно сильной в дореволюционной России отрасли исторического знания.

Нельзя отрицать и такого, субъективного по сути, фактора, как стремление крупного слависта, талантливый организатор науки В. И. Пичеты (1878—1947) возродить в Московском университете центр славистической подготовки. Благодаря настойчивости первого заведующего (1939—1947) кафедра превратилась в существенный компонент научной и учебной

Ненашева Зоя Сергеевна — канд. ист. наук, старший научный сотрудник кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

Хайретдинов Харис Хасьянович — старший преподаватель кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

деятельности факультета. Этот период стал ключевым для формирования облика кафедры, поскольку был обобщен накопленный опыт развития этой отрасли знаний, в том числе достижения дореволюционного славяноведения и советской славистики 20—30-х годов, была создана новая модель учебного подразделения славистического профиля.

Уже в 1940 г. выдвигается задача «впервые за советский период начать марксистскую разработку истории южных и западных славян» [4, с. 191]. Крупнейшие ученые, стоявшие у истоков кафедры: В. И. Пичета, иммигрировавший в нашу страну профессор Пражского университета Эд. Нееды (1877—1962) [6, с. 212—225], а затем профессор С. А. Никитин (1901—1979), увлеченные наукой, учителя и наставники многих крупных современных исследователей,— мечтали о форсированном развитии исторической славистики, невзирая на трудности, обусловленные войной и послевоенным лихолетьем.

Разработанный В. И. Пичетой пятилетний план научно-исследовательской работы на 1946—1950-е годы был сверхнапряженным. Думается, что его автор исходил скорее из широких возможностей науки, чем реального соотношения сил. Это, на наш взгляд, объясняется его горячим стремлением доказать жизнеспособность нового научного подразделения. Напомним, что в его штате в 1946/1947 учебном году были один профессор, один доцент, один старший преподаватель, два преподавателя работали на полставки и семь человек на почасовой оплате [3, с. 187].

Создание учебников было выделено В. И. Пичетой как одно из приоритетных направлений научных исследований. Причем первоначально предполагалось сосредоточиться на издании учебных пособий по истории отдельных стран. Однако вскоре эта концепция меняется. В мае 1947 г. Пичета доложил о предложении Комитета по делам высшей школы при Совете Министров СССР приступить к работе над «всеобъемлющим» учебником. В марте 1948 г. в связи с постановлением правительства о строительстве нового здания МГУ на Ленинских горах на коллектив кафедры легло обязательство «подготовить в течение двух лет 135 л. печати учебник по истории южных и западных славян» [7, ед. хр. 155, л. 23]. Решение это было недостаточно взвешено. В то время еще не окончательно сформировался авторский коллектив, не был разработан и обсужден проспект данного издания. Однако, несмотря на эти обстоятельства, в августе 1948 г. параллельно с написанием учебника кафедре следовало приступить к составлению «Хрестоматии по истории южных и западных славян» в двух томах по 40 печатных листов каждый, срок исполнения которой был намечен также на 1953 г. [7, ед. хр. 159, л. 5].

В тех обстоятельствах крайне необходимо было объединение сил кафедры и Института славяноведения АН СССР, поскольку по мнению С. А. Никитина, преемника Пичеты по заведованию кафедрой, «учебник должен быть базой, отправляясь от которой были бы созданы курсы отдельных стран, сборники документов, монографические работы по отдельным вопросам и т. д.» [7, ед. хр. 159, л. 25—27]. Подготовка учебника в таком видении открывала перспективу и для качественного обеспечения учебного процесса и для индивидуальных исследований большой группе ученых. Вместе с тем очевидно, что с самого начала деятельности кафедры как ее сотрудники, так и руководство избрали курс на интенсификацию, зачастую не считаясь с реальными возможностями, а порой и вопреки здравому смыслу. Так, несмотря на то, что план научной работы на 1947/48 и 1948/49 учебные годы не был выполнен, продолжалось наращивание его объема. Причем под сомнение были поставлены сами основы и критерии планирования, его научная целесообразность. Вырисовывалась явная тенденция целиком подчинить научную работу задачам учебного процесса, пересмотреть тематику уже начатых, определившихся диссертационных исследований в направлении ее актуализации.

Научная и педагогическая деятельность кафедры развертывалась в этот период в неблагоприятных условиях, когда духовную жизнь советского общества сотрясали надуманные идеологические кампании. Сотрудники кафедры вынуждены были включиться в обсуждения постанов-

лений ЦК ВКП(б) по вопросам литературы и искусства, принятых в 1946—1948 гг., и последовавших затем (1947—1951) дискуссий об укреплении принципа партийности в общественных науках и преодолении историками волюнтаристско-субъективистских взглядов и космополитизма.

Критика, насколько позволяют судить протоколы, была направлена в адрес как руководства кафедры, так и ее отдельных членов. Молодость состава кафедры, недостаточная отработанность курсов мало принимались во внимание. Причем замечания со стороны студентов, аспирантов, некоторых сотрудников имели явно конфронтационный характер. Резкой критике был подвергнут С. А. Никитин. В свое оправдание он указывал на объективные обстоятельства, «на чрезвычайно неблагоприятное положение, в котором находилась научная работа», на «громадную разницу» в учебной нагрузке многих сотрудников факультета и кафедры. Широкая специализация требовала от ее немногочисленных преподавателей постоянной подготовки новых курсов. Конечно, такой ритм не оставлял времени для проведения индивидуальных научных изысканий.

Политизация общественных наук захватывала тогда и славяноведение. Причем, актуализация понималась упрощенно как обращение к новейшей истории. В пылу полемики упускались из виду некоторые важнейшие объективные факторы развития исторической славистики в стране, не принималось во внимание практически полное отсутствие источников и т. д. Это во многом объясняло то, что в первом пятилетнем плане кафедры не были предусмотрены индивидуальные монографии, ориентированные на новейшую историю.

Призывы усилить борьбу с безыдейностью, аполитичностью, за партийность в науке подкреплялись утверждениями, что на «заседаниях кафедры не ставились большие теоретические вопросы, не подвергалась критическому разбору ни одна вышедшая научная работа». «Забвение роли Октябрьской революции в истории славянских стран» объявлялось как очевидный пример космополитизма. За акцентированием внимания «на чрезвычайной важности изучения новейшего периода истории» следовали возгласы рассматривать отсутствие в лекциях материалов о текущих событиях, как «недопустимый недостаток», «крупную политическую ошибку» [7, ед. хр. 159, л. 30 об.].

Мобилизация сил на борьбу с космополитизмом, буржуазным национализмом, псевдонаучным объективизмом вела фактически к утверждению единомыслия, к подчинению исследовательских интересов политически актуальным темам и в результате к искажению научных понятий и неверному решению проблем. В той или иной степени процесс такого рода критики захватил все подразделения исторического факультета. Сотрудникам кафедры рекомендовалось разоблачать буржуазное славяноведение и его апологетов, покончить с идеализацией славянофильства — этого якобы наиболее реакционного течения общественной мысли в России, отказаться от «типично буржуазно-объективистской оценки» деятельности М. Н. Каткова, М. П. Погодина, С. М. Соловьева и др. Предлагалось исходить из оценки русского освободительного движения, «премущественности между советской наукой и революционными традициями». Плюрализм мнений и концепций при этом исключался. Любые точки зрения, выходящие за рамки официальных установок, объявлялись уступкой буржуазной идеологии. Преодолеть «недостатки» требовалось «незамедлительно», «дружной активной работой» [7, ед. хр. 159, л. 43—44].

Особую остроту приобрело обсуждение общего курса истории южных и западных славян. Обвинения имели порой крайний характер, вплоть до того, что его содержание расценивалось как «по сути дела объективистская буржуазная история». Студенты, аспиранты и преподаватели требовали провести «коренную радикальную перестройку общего курса». В то же время была высказана уверенность, что «при хорошем органическом усвоении марксизма-ленинизма, периодической партийной печати будет создан настоящий хороший курс» [7, ед. хр. 159, л. 41—41 об.].

В соответствии с духом времени, в каждом случае давалась прежде всего политическая оценка выявленных ошибок.

Пожалуй, не было ни одной дисциплины, преподавание которой осталось бы вне разгромной критики. Такая же участь постигла «Историю Чехии», «Славянский сборник» и другие работы, в написании которых участвовали сотрудники кафедры. Пафос выступлений был направлен на «всеобщую перестройку» исторического фронта [7, ед. хр. 159, л. 27 об.— 28, 29, 32—38, 46—47].

Методы политического и идеологического диктата, который все глубже проникал в науку, сказались на содержании научной работы кафедры. Так, в связи с подготовкой XIX съезда ВКП(б) в сентябре 1952 г. ее сотрудникам было предложено «изучить все собрания сочинений товарищей Ленина и Сталина». Это способствовало бы «повышению деловой и политической квалификации, развитию коммунистического сознания членов коллектива» [7, ед. хр. 320, л. 5]. Внедрение в общественное сознание всеми средствами массовой коммуникации просталинской интерпретации марксизма-ленинизма вело к трафаретным практическим действиям. Зачастую, как видно из документов кафедры, это выражалось в дополнительных обязательствах, личных обращениях к Сталину, изменении текущих и перспективных планов.

В связи с выходом в свет работы И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» (1952) все сотрудники кафедры были обязаны ее всесторонне изучить, внести соответствующие коррективы в тексты готовящегося учебника, учитывать ее положения при выборе тем для диссертаций, в короткие сроки изменить программы заятий и разработать новую тематику спецсеминаров и спецкурсов [7, ед. хр. 320, л. 18—19]. Резолюции XIX съезда КПСС и этого труда Сталина определяли не только идейную направленность исследований, но и во многом проблематику научной работы. Спешно пересматривались долгосрочные планы, некоторые темы были признаны неактуальными и изъяты, а на их место включены новые работы.

Это свидетельствует о том, что развитие кафедры шло в общем русле советской исторической науки. Вместе с тем тенденция политизации науки, идеологизации истории, навязываемая сверху, на местах встречала скрытое сопротивление, сдерживалась. Благодаря общим усилиям сотрудников кафедры она не приобрела довлеющего характера, а была все-таки приспособлена к нуждам учебного процесса. Так, включение в план ряда документальных публикаций по новейшей истории, хотя и не имело соответствующей базы, отвечало объективным потребностям профессионализации обучения в системе университетского образования. Общая критика состояния дел на кафедре выявила ряд действительно слабых мест в ее работе. Замечания касались принципов отбора кандидатов в аспирантуру, системы сдачи кандидатских экзаменов. Указывалось также на неудовлетворительное состояние полиграфической базы университета, изъяны в практике совместительства и т. д. [7, ед. хр. 320, л. 5—6, 9—10, 22].

Все эти годы не терял остроты вопрос о соотношении коллективных трудов (для преподавателей университета это были учебники и учебные пособия, сборники документов) с индивидуальными монографическими исследованиями. Перспективные долгосрочные программы традиционно ориентировались тогда в основном на коллективные труды. Так, 15-летний план, обсуждавшийся в январе 1952 г., включал «написание учебников по истории славян и источниковедению, а также сборников документов для семинарских занятий». В дальнейшем предполагалась подготовка очерков, а затем уже учебного пособия по историографии, нескольких спецкурсов по важным вопросам исторического развития [7, ед. хр. 271, л. 18]. Против столь очевидной односторонности решительно выступала доц. И. М. Белявская, считавшая «целесообразным создавать не спецкурсы, а монографии». Она настаивала на подготовке очерков по отдельным странам, которые к концу 15-летнего срока можно было интегрировать в учебник [7, ед. хр. 271, л. 18].

Попытка параллельно работать над несколькими объемными изданиями изматывала силы сотрудников кафедры. Между тем, руководство кафедры после выхода в 1957 г. учебника по истории южных и западных славян наметило на ближайшие годы создание учебника по историографии истории славянских стран [7, ед. хр. 470, л. 8 об.]. С. А. Никитин при выборе приоритетов исходил из того, что «формально историография как учебный предмет была важнее», чем источниковедение. В то же время он считал, что такое пособие «очевидно будет создать легче, так как здесь меньше неисследованных проблем». Трудно согласиться с этой точкой зрения ученого. Однако его авторитет и изложенная им успокаивающая мотивировка способствовали принятию мало аргументированного решения: подготовить учебник по историографии за четыре года (1957—1960).

В середине 50-х годов стало очевидным, что без большой предварительной подготовки эту работу выполнить невозможно. Было признано целесообразным приступить к монографической разработке историографии по отдельным странам. На 1957—1959 гг. были запланированы книги И. М. Белявской и И. А. Воронкова, И. Н. Частухина. Но лишь некоторое время такого рода исследования оставались в плане научной работы кафедры [7, ед. хр. 472, л. 5]. В декабре 1956 г. они были исключены из него «из-за нецелесообразности планировать параллельно отдельные монографические работы по историографии» и учебник.

За два месяца до этого (23 октября 1956 г.) столь же сурово обошлись с монографией В. Г. Карасева и вторым исследованием И. М. Белявской [7, ед. хр. 511, л. 9 об.]. Однако административный диктат не принес ожидаемых результатов. Для успешного выполнения задачи не доставало самого главного — четкой концепции учебника по историографии, которая нацелила бы и сплотила коллектив [7, ед. хр. 511, л. 22—23 об.].

Решение об исключении учебника из плана научной работы кафедры «как неосуществимого в намеченный срок при нынешнем состоянии дела с разработкой историографических вопросов как в СССР, так и в славянских странах» [7, ед. хр. 554, л. 3—3 об.], конечно, далось нелегко. Тематика научных работ на 1959—1965 гг. включала сборник статей «Славянская историография» в двух томах (т. 1 — 1959 г., т. 2 — 1963 г.), второе издание учебника «История южных и западных славян» (1961). Проведение ряда самостоятельных исследований подразумевала проблема «Русско-славянские связи и отношения». Думается, что это был определенный успех тех, кто пытался отстаивать свое право на самостоятельную работу. Конечно, отмена прежних ограничений и запретов, смена курса научной деятельности укрепляла надежды на более быстрое ее развитие.

Однако в 1959 г. по настоянию деканата вместо проблемы славяно-русских отношений, которая объединяла интересы многих сотрудников кафедры, в качестве первоочередной была снова выдвинута работа над учебником по историографии истории южных и западных славян [7, ед. хр. 609, л. 20].

В это время авторский коллектив был занят подготовкой второго издания учебника по истории южных и западных славян, что предусматривалось перспективным планом на 1960—1980 гг. и семилетним планом на 1959—1965 гг. В ноябре 1960 г. было принято решение в связи с необходимостью «переработки существующих и написания новых глав по периоду после 1945 г.» провести обсуждение учебника в нескольких университетах страны, как «минимум в Ленинграде, Воронеже, Киеве, Львове, Горьком, Свердловске и Тбилиси, и с учетом высказанных замечаний в переработанном виде сдать его в производство в 1961 г.» [7, ед. хр. 722, л. 16—17; ед. хр. 554, л. 14, 14 об.; ед. хр. 609, л. 17—18]. В ноябре 1962 г. речь шла уже о создании к 1964 г. «нового учебника с прибавлением глав по истории народной демократии», причем его объем увеличивался до 50 печатных листов, что потребовало привлечения новых авторов, формирования новой редколлегии: Главным редактором издания был утвержден С. А. Никитин, редакторами И. М. Белявская и В. Г. Карасев. Позднее, в связи с уходом С. А. Никитина с кафедры, редколлегия отказалась от поста главного редактора, а в ее состав были введены ставший с 1961 г.

заведующим кафедрой И. А. Воронков (1921—1983), И. В. Созин [7, ед. хр. 817, л. 14 об., 115; ед. хр. 965, л. 37 об.]. Очередная волна идеологизации истории как науки не позволила полностью реализовать в этом издании достижения отечественной и мировой славистики. Попытка осветить некоторые сложные стороны межнациональных и межгосударственных отношений, затронуть «белые пятна» в изучении истории зарубежных славянских народов встретила сопротивление функционеров от науки. В результате учебник, подвергнутый ригористической редакции, вышел в свет лишь в 1969 г. Часть его тиража была уничтожена из-за необоснованных претензий тех же функционеров по поводу освещения национальных отношений у южных славян. Позднее, по требованию Министерства высшего и среднего специального образования СССР, он был переработан и заменен «Курсом лекций по истории южных и западных славян» (1979, 41 п. л.).

Подключение коллектива кафедры в 60-е годы к подготовке учебных пособий «Историография нового времени стран Европы и Америки» (1967) и «Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки» (1968) произошло на новом уровне осмысления истории исторической науки в славянских странах. В лекциях был уже сконцентрирован значительный конкретный материал, определено само понятие историографии истории южных и западных славян как научной и учебной дисциплины, выработана периодизация историографического процесса, выделены основные течения, направления и школы. Успеху способствовали зарубежные командировки сотрудников кафедры, предварительное обсуждение текстов (например, по польской историографии) специалистами в соответствующих странах [8, ед. хр. 91, л. 40]. К лету 1963 г. кафедра подготовила к печати сборник статей «Славянская историография», в котором был сформулирован ряд принципиальных положений, касающихся послевоенного развития исторической науки, особенностей становления марксистской историографии в Болгарии, Польше, Чехословакии и Югославии (вышел в свет в 1966 г.). Качественно новый уровень понимания историографического процесса характерен для обсуждения новой редакции программы по курсу историографии осенью 1963 г. Авторы программы не отказывались от показа проблематики и анализа деятельности отдельных историков. В то же время главное внимание в ней было обращено на раскрытие сложных взаимосвязей развития исторической науки с общими тенденциями идейной жизни славянских народов, с общественной мыслью. Значительное внимание уделялось возникновению прогрессивных историографических направлений, особенностям формирования реформистской и марксистской историографии в межвоенный период. Новаторским было предложение проследить развитие исторического славяноведения в дореволюционной России, включить в курс лекций «по возможности западноевропейскую историографию по истории славянских стран», для современного периода выделить лишь узловые проблемы, ограничиться рассмотрением концепций крупных историков [7, ед. хр. 869, л. 24—24 об.].

Проведенная подготовительная работа способствовала тому, что предложение заведующего кафедрой И. А. Воронкова «запланировать на 1969/70 уч. г. подготовку учебника по славянской историографии» (30 печатных листов) было встречено с необоснованным оптимизмом [7, ед. хр. 869, л. 37]. В качестве приоритетной эта тема значилась в планах кафедры в той или иной трактовке три десятилетия. Форсированная работа над пособием была начала в 1984 г. Его выход в 1987 г. можно считать примером плодотворности сотрудничества коллективов кафедры, Института славяноведения и балканистики АН СССР и специалистов других вузов.

Обращаясь к освещению учебной работы кафедры истории южных и западных славян, следует заметить, что она развивалась по пути углубления специализации, расширения традиционных форм обучения в тесной взаимосвязи со всей системой гуманитарного университетского образования. С самого начала В. И. Пичета имел четкую концепцию, которую настойчиво проводил в жизнь. По его настоянию серьезное внимание уделялось языковой подготовке студентов, изучению чешского, польского,

болгарского и сербскохорватского языков. Много усилий было направлено на обеспечение занятий учебными материалами, на достижение необходимого уровня преподавания. Первоначально предполагалось преподавать славянские языки на первом и втором курсах, чтобы к третьему году обучения студенты были «в силах свободно читать книгу на соответствующих славянских языках» [3, с. 182].

На второй год существования кафедра предложила студентам факультативные и специальные курсы по истории как южных, так и западных славян [6, с. 221—224; 2, с. 209]. В годы войны был прочитан курс «Введение в историю южных и западных славян», прообраз общего курса. В 1946/47 уч. г. студенты слушали общий курс по истории южных и западных славян, причем по истории южных славян он был доведен до второй мировой войны, по истории западных славян — только до конца XIX в. Учебный план включал также историю отдельных славянских стран, курсы по источниковедению и историографии, которые читались отдельно по истории западных и южных славян, спецсеминары по истории славянских стран и спецкурсы [3, с. 187—191]. В мае 1948 г. был поставлен вопрос о введении вспомогательных исторических дисциплин — палеографии и исторической географии за счет сокращения объема часов по историографии при сохранении в качестве обязательного курса по истории одной из славянских стран (объемом в 68 час.) [7, ед. хр. 135, л. 36 об. — 37].

В августе 1948 г. был введен единый просеминар для всех специализирующихся по кафедре [7, ед. хр. 159, л. 1].

В послевоенные годы тематика спецкурсов определялась направленностью научных интересов преподавателей. Первыми спецкурсы объявили И. М. Белявская — «Польское национально-освободительное движение XIX в. и русская общественность», В. И. Пичета — «История общественного и государственного строя Польши в сравнительно-историческом освещении», С. С. Гринберг — «История Болгарии в 1896—1918 гг.» [3, с. 188]. В сентябре 1949 г. был утвержден план работы просеминара на IV курсе «Славянские страны на пути к социализму» [7, ед. хр. 192, л. 3], в 1951 г. просеминар на 3-м курсе был разделен для специализирующихся по истории южных и отдельно западных славян. Принципиальный характер имело и включение в 1960/61 уч. г. в учебный план IV курса архивоведения [7, ед. хр. 722, л. 29].

В начале 50-х годов была создана комиссия по пересмотру учебного плана всего исторического факультета. В числе других стоял вопрос о создании в рамках факультета специального отделения по истории стран народной демократии. В этой связи кафедре предстояло пересмотреть число предметов специализации, включавшей «общий курс для специалистов, просеминары, историю Византии, источниковедение, историографию», палеографию, преподавание которой, по мнению С. А. Никитина, «еще не было поставлено должным образом», три спецкурса, спецсеминары [7, ед. хр. 271, л. 22]. Приобретенный опыт диктовал необходимость «точнее учитывать определенный профиль специализирующихся», в то же время облегчить нагрузку, сообразуясь со сложившейся практикой подготовки «специалистов по истории либо западных, либо южных славян». Это можно было сделать, сохранив курс по истории Византии только для специализирующихся по южным славянам и заменив его преподаванием истории Венгрии, Румынии и других стран для специализирующихся по западным славянам [7, ед. хр. 271, л. 22].

Думается, что в этом компромиссном предложении проявилось стремление сохранить кафедру истории южных и западных славян как самостоятельное подразделение факультета, отстоять профиль специализации, основанный прежде всего на научной, а не только политически актуализированной основе. Коллектив кафедры настойчиво отстаивал такой подход и позднее, в связи с пересмотром учебных планов согласно Инструктивному письму Министерства высшего образования СССР от 15 сентября 1956 г. Сотрудники кафедры указывали на существующие в учебных планах противоречия, на наличие «разного подхода к дисциплинам специализации и общественным дисциплинам» и полагали, что прежде всего не-

обходимо преобразовать систему преподавания последних ед. хр. 511, л. 5—7].

Традиционно самое пристальное внимание уделялось общему курсу для специализирующихся на кафедре студентов. По мнению И. М. Белявской, долгое время под его «шапкой» читалась история отдельных стран, в то время как следовало выделить крупные проблемы в истории стран народной демократии и максимально использовать сравнительно-исторический метод в их освещении. Для углубления специализации был поставлен на обсуждение вопрос о введении в учебный план факультативных семинаров по узловым проблемам, особенно по новейшей истории, факультативных дисциплин, в частности исторической географии, этнографии. Имелось в виду и расширение страноведческой специализации, подготовка специалистов по истории Албании, Венгрии, Румынии. Предварительным шагом в этом направлении было дополнение общего курса историей этих стран [7, ед. хр. 271, л. 22].

По мере приближения срока выхода первого учебника С. А. Никитин считал возможным поставить вопрос о чтении общего курса и курсов для специалистов в проблемном варианте. Все это было нацелено на то, чтобы «усилить исследовательскую работу членов кафедры» [7, ед. хр. 511, л. 2—4].

Весьма серьезным обстоятельством, оказавшем воздействие на систему специализации, стало сокращение лекционных часов, начавшееся в 1960 г. [7, ед. хр. 722, л. 60 об.]. В этой связи на одном из заседаний кафедры осенью 1963/64 уч. г. отмечалось, «что стало невозможным даже проблемное чтение», поскольку «лекторы вынуждены были ограничиться только установленными лекциями (на стационаре!) по истории славянских народов в XIX—XX вв., прочесть несколько проблемных лекций по истории межвоенного периода и максимальное (но явно недостаточное) внимание уделить проблемам развития стран народной демократии» [7, ед. хр. 871, л. 3]. Тут сказалась тенденция к политизации общего курса.

Многие важные начинания предусматривались перспективным планом работы кафедры на 1960—1980 гг. В частности, планировалось предоставление ежегодных зарубежных стажировок наиболее способным студентам (от 6 месяцев до 1 года) в университеты страны специализации, аспирантам (до 1 года), преподавателям (2 месяца) [7, ед. хр. 665, л. 1—2]. Разумеется, далеко не все наметки этого плана оказались выполненными. Однако он свидетельствует о серьезном анализе его составителями результатов деятельности кафедры за время ее существования. Заметны взвешенность оценок и весьма строгий подход к выбору приоритетных направлений. Так, намечалось расширить специализацию за счет введения новых специальностей, таких как история Словакии, Словении, Македонии, лужицких сербов, славяно-венгерских, славяно-румынских, славяно-греческих, славяно-германских и славяно-турецких отношений. Главное внимание было обращено на изменения в учебной работе. В частности, говорилось об острой необходимости увеличения числа штатных единиц, чтобы по всем странам основной специализации иметь не менее трех специалистов и дополнительно привлечь преподавателей по истории Словении, Словакии, Македонии, Боснии, лужицких сербов. На углубление профессионализации была направлена и такая мера, как увеличение приема в аспирантуру кафедры до трех-четырех человек ежегодно [7, ед. хр. 665, л. 1—2].

С 60-х годов весьма разнообразной, благодаря широкому подключению специалистов из Института славяноведения и балканистики АН СССР, стала тематика спецкурсов [3, с. 97—105].

Конечно, преобразований за прошедшие 50 лет было проведено очень много. Наиболее важные из них, например, восстановление на новом качественном уровне курса истории страны, воследовали цель углубить подготовку студентов. На решение этой задачи были нацелены новые спецсеминары. В этом смысле наиболее верным ориентиром может послужить тематика дипломных работ выпускников кафедры, посвященных, как правило, актуальным, малоизученным темам [3, с. 116—164; 9, с. 192—200; 5, с. 147].

Интенсивный характер приобрела в послевоенные годы подготовка на кафедре зарубежных специалистов. В этом направлении она выступала инициатором многих начинаний в деле углубления сотрудничества с зарубежными научными и учебными центрами. Так, в 1959 г. кафедра просила деканат ходатайствовать перед ректоратом МГУ о приглашении А. Гейштора для чтения спецкурса на тему «Из истории польского средневекового города» [7, ед. хр. 613, л. 1], в 1960 г. С. Кеневича — «Из аграрной истории Польши XIX в.» или «Общественное движение в Польше 70-х годов XIX в.» [7, ед. хр. 664, л. 30 и др.]. Сотрудничество с зарубежными университетами и историческими институтами приобрело разнообразные формы; длительные научные командировки преподавателей способствовали росту профессионализма, вели к интенсивному обмену научной продукцией, пополнению библиотеки кафедры отсутствовавшими зарубежными изданиями и др. [7, ед.хр. 613, л. 5, ед.хр. 726, л. 13—16, ед.хр. 770, л. 8 и др.].

Кафедра с самого начала стремилась придать сотрудничеству деловой, а не представительский характер. Впрочем, и последняя тенденция тоже имела место. Так, кафедра выступила инициатором присвоения званий почетных докторов МГУ Д. Косеву (НРБ), Л. Базылеву (ПНР), А. Гейштору (ПНР), Г. Яблоньскому (ПНР), В. Кралу (ЧССР), О. Ржиже (ЧССР), Ф. Чулиновичу (СФРЮ) и др. [3, с. 208; 4, с. 202—204, 7, ед. хр. 664, л. 30; 8, ед.хр. 96, л. 6 и др.].

Знаменательным рубежом в развитии зарубежных связей стал 1966 г., когда первая студенческая группа исторического факультета МГУ на основе безвалютного обмена в составе 21 человека выехала в ПНР по приглашению Союза социалистической молодежи Вроцлава [7, ед.хр. 969, л. 4]. С тех пор неизменно расширялся регулярный обмен студенческими группами с ведущими университетами славянских стран, увеличивалось число зарубежных стажировок для студентов и аспирантов.

Трудно переоценить значение одиннадцати всесоюзных конференций историков-славистов, инициатором созыва которых выступила в 1962 г. кафедра. Благодаря усилиям ее заведующих И. А. Воронкова, а затем с 1972 г. проф. В. Г. Карасева эти научные форумы взяли на себя роль координатора историко-славистических исследований в СССР, способствовали углублению профессиональных контактов между вузовскими славистами, их связям с академической наукой.

Хотя становление и развитие кафедры истории южных и западных славян проходило в сложных условиях, коллектив ее постоянно ставил перед собой серьезные задачи и, опираясь на позитивные итоги, целенаправленно строил фундамент университетского славистического образования в стране. Конечно, этот процесс нес на себе отпечаток эпохи с присущими ей стереотипами и наслоениями. В отдельные периоды обращение к прошлому славянских народов, может быть, излишне старательно определялось эфемерными идеалами, декларированными сверху, некоторыми «установочными» теоретическими положениями, продуцировавшими умолчания и сокрытия, нередко сказывалась и робость в оценках. Однако главным в жизни кафедры всегда оставалась созидательная работа, направленная на подготовку кадров, на написание учебников и учебных пособий.

В полувековой истории кафедры можно выделить три основных этапа. Первый из них охватывает период организации кафедры, разработки общего курса истории южных и западных славян и создания первого марксистского учебника по истории южных и западных славян, вышедшего в 1957 г.

Построение устойчивой системы подготовки высококвалифицированных кадров историков-славистов, стабилизация состава кафедры (в 60-е годы историей каждой зарубежной славянской страны занимались три специалиста: в области средневековья, нового и новейшего времени), полная драматизма работа сначала над вторым учебником, а затем курсом лекций по истории южных и западных славян, регулярное проведение всесоюзных историко-славистических конференций, появление ряда

монографических исследований сотрудников кафедры, выход в свет серии сборников «Славяноведение в МГУ» являются крупными ориентирами на втором этапе жизни кафедры.

С середины 80-х годов начался третий период в ее развитии. В это время были подготовлены учебное пособие по историографии, получившее в 1989 г. Ломоносовскую премию МГУ, трехтомная хрестоматия по истории южных и западных славян, являющиеся теоретической и источниковой базой для общего фундаментального курса по истории зарубежных славянских народов, потребность в котором стала особенно очевидной в связи с реформой высшей школы в стране.

Перед коллективом кафедры вновь поставлены задачи совершенствовать учебный план в направлении расширения и углубления специализации, создать наиболее благоприятные условия для самостоятельной работы студентов. На их решение сориентированы новый учебник по общему курсу и учебное пособие по источниковедению зарубежных славян, к написанию которых приступил коллектив кафедры. Одновременно ему предстоит переход на принципиально новые формы сотрудничества с Институтом славяноведения и балканистики АН СССР.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белявская И. М., Воронков И. А.* Советское славяноведение в Московском университете. — Вестник Московского университета, 1968, № 1.
2. *Руколь Б. М.* Славяноведение в Московском университете (1939—1941). — Очерки по истории советской науки и культуры. М., 1968.
3. *Историки-слависты Московского университета. 1939—1979.* М., 1979.
4. *Карасев В. Г.* Кафедра истории южных и западных славян. — Историческая наука в Московском университете. 1934—1984. М., 1984.
5. 50 лет исторической славистики в МГУ. М., 1989.
6. *Руколь Б. М.* Зденек Неядлы в Московском университете. — Зденек Неядлы выдающийся общественный деятель и ученый. М., 1964.
7. Архив МГУ. Ф. 9, оп. 8.
8. Архив МГУ. Ф. 9, оп. 9.
9. Из истории университетского славяноведения в СССР. М., 1983.

ГОРЯИНОВ А. Н.

СЛАВЯНОВЕДЫ — ЖЕРТВЫ РЕПРЕССИЙ 1920—1940-х ГОДОВ. НЕКОТОРЫЕ НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ НАУКИ

Работая в течение ряда лет над историей советского славяноведения в 1920-е и 1930-е годы, а в последнее время сосредоточившись на составлении биобиблиографического словаря «Славяноведение в СССР», автор настоящей статьи довольно часто сталкивался с обширными пробелами в биографических сведениях о специалистах, так или иначе связанных со славяноведческой проблематикой. В подавляющем большинстве случаев эти пробелы обусловлены необоснованными репрессиями периода сталинщины. Важный шаг в их восполнении удалось сделать в ходе работы над упомянутым биобиблиографическим словарем, планируемым к выпуску в 1990 г. в издательстве «Наука». В нем будут впервые помещены точные фактические данные о репрессиях в отношении славистов. Извлеченные из материалов, которые редколлегия Словаря получила от компетентных органов или собрала с помощью авторов словарных статей, изучавших архивные документы и литературу, они, по всей вероятности, позволят исследователям составить достаточно четкое представление о судьбе тех или иных ученых.

Вместе с тем характер статей в Словаре и их алфавитное расположение вряд ли дадут возможность показать целостную картину репрессий, обрушившихся на советских славистов. Поэтому данная статья может стать, по мнению ее автора, отправным шагом в дальнейшем изучении чрезвычайно важного вопроса о последствиях репрессий для советского славяноведения.

Из ученых, серьезно занимавшихся славяноведческой проблематикой, раньше других подвергся необоснованным репрессиям В. Н. Бенешевич (подробнее о нем см.: [1, 2]). Известный специалист в области канонического права и византиновед, редактор издававшегося до 1918 г. Академией наук фундаментального библиографического указателя «Обзорные труды по славяноведению», он был тесно связан как с академическими, так и с церковными кругами.

Как сообщил чл.-корр. АН СССР Я. Н. Щапов, в течение длительного времени изучающий научное творчество В. Н. Бенешевича и располагающий соответствующими документами, судьба ученого сложилась трагически. Впервые Бенешевич был арестован в 1922 г. органами ОГПУ в Ленинградском военном округе по обвинению в сокрытии церковных ценностей, но вскоре оправдан судом. 25 ноября 1928 г. он был вторично арестован и обвинен в принадлежности к агентуре Ватикана, передаче клеветнической информации польской миссии, участии в деятельности контрреволюционной зарубежной организации «Евразийцы».

Горяинов Андрей Николаевич — канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения и балканистики АН СССР.

Истинные мотивы ареста Бенешевича сейчас известны: примечательно, что ученый был арестован спустя несколько дней после смерти главы русских византистов акад. Ф. И. Успенского, ближайшим помощником которого в 1920-е годы он был, и что кандидатура Бенешевича была в это время выдвинута в академики (чл.-корр. АН СССР В. Н. Бенешевич был избран в 1925 г.). 14 июня 1929 г. состоялось внесудебное решение ОГПУ, согласно которому ученый был приговорен к трем годам лишения свободы, спустя год была осуждена и его жена. Вскоре срок наказания В. Н. Бенешевича был увеличен — его приговорили к заключению в лагерь на пять лет по так называемому «делу академика С. Ф. Платонова». В марте 1933 г. по ходатайству В. Д. Бонч-Бруевича Бенешевич был досрочно освобожден и вновь начал работать в области византиноведения, но 27 ноября 1937 г. был еще раз арестован, облыжно обвинен в том, что, начиная с 1921 г. передавал польским разведывательным органам сведения о воинских частях РККА, военных заводах и экономическом положении СССР, и 27 января 1938 г. расстрелян по внесудебному решению Комиссии НКВД и Прокурора СССР. Почти одновременно с ученым были осуждены по вздорным обвинениям в шпионаже в пользу Польши и расстреляны его сыновья Георгий и Дмитрий.

О «деле академика С. Ф. Платонова» недавно опубликована не во всем точная, но тем не менее весьма полезная статья В. С. Брачева [3], где, в частности, наряду с В. Н. Бенешевичем упоминаются четверо проходивших по этому «делу» ученых, внесших значительный вклад в славяноведение — Ю. В. Готье *, Д. Н. Егоров, М. К. Любавский, В. И. Пичета *¹. По имеющимся в редакции Словаря данным, три первых были арестованы 10 августа, а В. И. Пичета — 14 сентября 1930 г. 8 августа 1931 г. все они были осуждены во внесудебном порядке и высланы на пять лет: Ю. В. Готье — в Самару (освобожден 21 февраля 1934 г.), Д. Н. Егоров — в Ташкент (умер в ссылке 24 ноября 1931 г. от сердечного приступа), М. К. Любавский — в Уфу (умер там 22 ноября 1936 г.), В. И. Пичета — в Вятку, затем в Воронеж (освобожден 27 апреля 1935 г.).

По сведениям В. С. Брачева и Я. Н. Шапова привлеченным по данному «делу» инкриминировалось участие в мифическом «Всенародном союзе борьбы за возрождение свободной России», якобы созданном с целью свержения Советской власти под руководством Платонова. Им были предъявлены обычные в те годы обвинения в налаживании для осуществления этого замысла связей с белой эмиграцией, иностранными политическими и общественными деятелями. Как гласило обвинительное заключение, ученые, якобы, собирали и «передавали сведения о политическом, экономическом, военном и хозяйственном положении СССР представителям иностранных государств и белоэмигрантских организаций», а также «противодействовали осуществлению мероприятий Советского правительства по реорганизации и перестройке деятельности» научных учреждений и высших учебных заведений на социалистических началах.

Потери, которые советская наука понесла в результате необоснованных репрессий 1920-х годов, причинили славяноведению несомненный вред, ощутимо затронули его историческую часть, отразившись при этом главным образом на разработке проблем славяноведческой медиэвистики. До середины 1930-х годов необоснованно преследовались специалисты и по другим славяноведческим дисциплинам, но эти репрессии не носили массового характера, вызывая к тому же хотя и глухое, но вполне определенное сопротивление со стороны интеллигенции. Так, 26 сентября 1929 г. был арестован украинский языковед и педагог, профессор кафедры славянских языков Киевского университета В. П. Петрусь * [6], обвиненный в участии в так называемой «контрреволюционной националистической организации». 18 февраля 1930 г. он был приговорен к трем годам лагерей, но в мае 1932 г. В. П. Петрусю досрочно освободили из

¹ Здесь и далее знаком * отмечены ученые, сведения о которых будут помещены в биобиблиографическом словаре «Славяноведение в СССР». О названных выше славистах см., в частности, [1; 4]; биографические материалы о В. И. Пичете учтены в библиографии [5].

мест заключения, ему была предоставлена работа по специальности в системе Украинской Академии наук; однако уже в октябре следующего года, после партийной чистки в Академии, он был уволен с формулировкой «принадлежность в прошлом к контрреволюционной организации» и вынужден на несколько лет уйти из науки. Ему пригодилась профессия счетовода, которой Петрусь овладел в юности, когда работал в управлении Юго-Западной железной дороги. До 1937 г. он трудился в различных учреждениях Киева, а в 1938—1940 гг. — в Куйбышеве, в правлении строительства Куйбышевского гидроузла. Лишь в 1940 г. В. П. Петрусю была предоставлена преподавательская работа в Кировском цед-институте, где он до своей кончины 20 января 1957 г. был профессором кафедры русского языка.

Почти одновременно с В. П. Петрусем органами ОГПУ был арестован и обвинен в принадлежности к «контрреволюционной организации» специалист в области украинского языка В. К. Демьянчук * [6], изучавший, в частности, научное творчество И. В. Ягича. После нескольких лет пребывания в лагерях и в ссылке он был вновь привлечен к ответственности по клеветническому обвинению в контрреволюционной агитации и 27 ноября 1937 г. расстрелян.

Репрессии, которым подверглись В. П. Петрусь и В. К. Демьянчук, побудили известного украинского поэта и литературоведа М. П. Драй-Хмару выступить во время следствия по делу «контрреволюционной националистической организации» в харьковской газете «Пролетарская правда» со статьей [7], в которой говорилось о «равнодушии к славяноведению как наших руководящих кадров, так и широких слоев граждан», о том, что на Украине «славистика замерла совсем» и что отсутствие серьезного изучения в СССР славистических дисциплин негативно отражается на восприятии в соседних славянских странах оригинальных марксистских идей, выдвигаемых в ходе развития советской науки, и ее методологических достижений. «Нам не к лицу плестись в хвосте славистической деятельности; мы должны принять в ней самое деятельное участие», — призывал Драй-Хмара. Славистические исследования должны, по его мнению, вестись теперь в новом ключе с постановкой в центр интересов «современного славянства и тех актуальных проблем, которые оно выдвигает сегодня»; что же касается исторического прошлого славянских народов, то его следует изучать лишь постольку, поскольку оно помогает осмыслить существующую ситуацию. Фамилии репрессированных славистов в статье, естественно, не назывались, но автор предлагал в ней объединить все научные силы, способные изучать современное славянство, создав с этой целью специальную комиссию при Украинской Академии наук. Возможно, доводы Драй-Хмары способствовали относительной мягкости приговора, досрочному освобождению и последующему «трудоустройству» В. П. Петруся в Украинскую Академию наук.

В 1931—1933 гг. научная деятельность славистов, не работавших в области медиевистики, даже начала расширяться, о чем свидетельствует, например, создание в 1931 г. в Ленинграде Института славяноведения [8] и публикация двух томов его научных трудов [9]. Однако с осени 1933 г. времена для славистов резко изменились в худшую сторону. В декабре 1933 г. в Ленинграде по обвинению в украинском национализме был арестован и затем выслан известный украинский фольклорист, этнограф и литературовед-славист К. А. Копержинский * [10], который незадолго до этого был вызван из Киева для работы в Институте этнографии АН СССР. Примерно в то же время начались репрессии в отношении большой группы московских и ленинградских филологов.

Есть основания предполагать, что «дело» тщательно готовилось. Об этом свидетельствуют неожиданные на первый взгляд аресты в конце 1933 г. сотрудника Ленинградского педагогического института им. М. Н. Покровского, болгарина по национальности Д. Д. Димитрова * и сотрудника Главлита М. Н. Скачкова *. Ни Димитров, ни Скачков не принадлежали к видным ученым, но, вместе с тем, по своему образованию, социальному происхождению, общественному положению и занятиям больше других

славистов соответствовали духу времени. Это были относительно молодые люди, окончившие советские вузы и поэтоу имевшие довольно редкую в то время подготовку в области марксистско-ленинской теории.

Дмитрий Демьянович Димитров родился в 1897 г. Уроженец болгарского села Дяново в Приазовье, он был одним из очень немногих среди славистов той поры членов Коммунистической партии, в которую вступил в 1919 г. В конце 1920-х годов Д. Д. Димитров окончил факультет языковедения и материальной культуры Ленинградского университета, где состоял в Славянском студенческом кружке и подготовил под руководством Н. С. Державина статью о переселении болгар в Приазовье в XIX в. В начале 1930-х годов он работал в Ленинградском историко-лингвистическом институте и в Институте славяноведения, а затем перешел в Ленинградский педагогический институт им. М. Н. Покровского. Исследования Д. Д. Димитрова были немногочисленны и крайне разноплановы, но он занимался научно-организационной деятельностью, и к моменту ареста получил звание профессора.

В противоположность Димитрову Михаил Наумович Скачков (1896—3 декабря 1937 г.)² организационно не был связан с научными учреждениями и высшими учебными заведениями, но активно выступал в печати — в журналах «Вестник иностранной литературы», «Литература мировой революции», «Советский театр» и других изданиях, — главным образом, со статьями критико-публицистического и научно-популярного характера, посвященными литературной жизни Чехословакии, за которой Скачков внимательно следил, и чешской культуре, которую он пытался пропагандировать в СССР.

В 1920—1930-х годах Скачков переписывался с М. Майеровой, был связан со словацким поэтом и переводчиком Я. Поничаном, поддерживал контакты с ассоциацией революционных писателей Чехословакии «Деветсил» и редакцией марксистского общественно-политического журнала «DAV». Он перевел на русский язык сборник рассказов Я. Гашека «Уши святого Мартина» (1927), романы М. Майеровой «Прекраснейший мир» (1929) и И. Ольбрахта «Анна-пролетарка» (1930), переводил поэтические и прозаические произведения К. Библа, Я. Сейферта, других чешских и словацких писателей. Положение сотрудника Иностранного отдела Главлита и члена художественного совета Камерного театра, связи с чешскими прогрессивными писателями, видимо, помогли Скачкову опубликовать в Праге на русском языке сборник стихотворений «Музыка моторов», он готовил к изданию повесть «Отарчики», сборник рассказов, роман «Революция у океана».

Почему внимание органов ОГПУ привлекли прежде всего Димитров и Скачков, помогают понять очень интересные воспоминания С. Б. Бернштейна * [11]. Ссылаясь на одного из участников процесса филологов-славистов В. Н. Сидорова (о нем см. [6]), он отмечает, что первоначально у обвиняемых по этому «делу» требовали признаний, будто бы они с целью восстановления монархии в России установили связи с белоэмигрантскими кругами. При разработке этой версии следствию мог быть полезен именно Скачков, тесно связанный с Чехословакией. Не исключено, что как раз ввиду отказа Скачкова выступить в роли «связного» с русской эмиграцией в Чехословакии, эта версия приобрела облик связи «антисоветской группы славяноведов» с «венским центром» во главе с эмигрантом-филологом Н. С. Трубецким [1; 6] при помощи «координатора» Н. Н. Дурново [1; 6] — родственника Трубецкого.

Выработка «венской» версии, по свидетельству Бернштейна, осуществлялась «коллективными усилиями» следователей и некоторых обвиняемых, помогавших следствию в надежде на смягчение своей участи. Некоторые участники не выдержали этой роли: один из обвиняемых был, на-

² Выражаю благодарность д-ру ист. наук Л. С. Кипкину за сообщение интересных сведений о литературной, научно-публицистической и переводческой деятельности М. Н. Скачкова, использованных в настоящей статье и в библиографическом словаре «Славяноведение в СССР».

пример, освобожден в таком душевном состоянии, что покончил жизнь самоубийством. Все же по каким-то не совсем ясным пока причинам (некоторые попытки их истолкования содержатся в воспоминаниях С. Б. Бернштейна) «венская» версия провалилась. По нашему мнению, не исключено, что от нее отказалось само обвинение, получив указание освободить некоторых ученых (они названы С. Б. Бернштейном).

Видимо, после провала версии о «монархическом заговоре» в ход пошла запасная версия, для обеспечения успеха которой необходим был человек типа Д. Д. Димитрова. Об этой версии рассказали С. Б. Бернштейну Н. И. Кравцов * и А. М. Селищев * (о них см. [12; 13]). Она состояла в том, что «славянская филология — реакционная наука, которая получила широкое распространение в фашистской Германии: читая лекции в университете, обвиняемые толкали молодежь в объятия религии; публикуя книги и статьи в буржуазных странах, они наносили большой вред нашей идеологии». На заключительном этапе это обвинение, по свидетельству одного из обвиняемых А. И. Павловича *, было сформулировано как «принадлежность к национал-шовинистической группировке» [14].

По «делу славистов» (С. Б. Бернштейн неточно, по нашему мнению, называет его «делом Сперанского») был арестован ряд крупных специалистов, занимавшихся как западными и южными, так и восточными славянами. Наиболее полный, хотя и не исчерпывающий их список приведен в воспоминаниях С. Б. Бернштейна. Отмечу поэтому только специалистов по зарубежным славянам. Кроме М. Н. Скачкова к ним принадлежали широко известные московские ученые — историк литературы и театра, этнограф и фольклорист акад. М. Н. Сперанский [15], крупные специалисты в области славянского и балканского языкознания, чл.-корр. Академии наук СССР А. М. Селищев и Г. А. Ильинский [1; 6; 16], известный исследователь жизни и деятельности Климента Охридского Н. Л. Туницкий [1], а также хорошо зарекомендовавшие себя специалисты, славистические интересы которых сложились уже в годы Советской власти — А. И. Павлович и Н. И. Кравцов. Наряду с этими учеными были арестованы некоторые ленинградские научные работники, среди которых необходимо назвать сотрудника ленинградского Института славяноведения, литературоведа и историка В. Н. Кораблева [1].

Все слависты, перечисленные выше (нет сведений только о Г. А. Ильинском и Н. Л. Туницком), были репрессированы в начале 1934 г. По воспоминаниям С. Б. Бернштейна, руководителем «преступной группы» был сделан М. Н. Сперанский. В этом вопросе ему противоречит А. И. Павлович, который пишет в автобиографии [14], что был обвинен в принадлежности к «группировке, возглавляемой Селищевым». Видимо, роль руководителя группы сначала должен был играть Сперанский, однако затем его постепенно постарались вывести из-под удара, и обвинение в руководстве «антисоветской деятельностью» славистов пало на Селищева. Сперанский содержался в заключении до вынесения приговора по «делу», но 15 апреля 1934 г., т. е. спустя немногим более двух недель после его завершения был освобожден. О причинах освобождения Сперанского пишет С. Б. Бернштейн. По его сведениям, обвинения со Сперанского, однако, сняты не были и он до смерти находился под домашним арестом.

Приговор по «делу славистов» вынесла 29 марта 1934 г. Коллегия ОГПУ. А. М. Селищев, Н. И. Кравцов и А. И. Павлович были осуждены к заключению в лагеря на пять лет каждый, причем Кравцов и Павлович полностью отбыли срок заключения и затем преподавали в провинциальных вузах, а А. М. Селищев в 1937 г. был досрочно освобожден и получил возможность работать по специальности в Москве. В. Н. Кораблева сослали на десять лет в Казахстан и он погиб в ссылке. Трагически сложилась судьба М. Н. Скачкова, который спустя три года после вынесения приговора по «делу славистов» был вновь осужден 9 октября и погиб 3 ноября 1937 г. Приговоры в отношении ряда обвиняемых пока неизвестны. Н. Л. Туницкий и еще некоторые участники «дела» были освобождены.

А Освобождая (за редкими исключениями до отбытия срока) некоторых славяноведов, органы НКВД подвергали в то же время репрессиям еще

уцелевших кое-где специалистов. В 1934 г. в Вологде неожиданно оказался, например, крупный белорусский языковед-славист, заведующий кафедрой славянского языкознания Белорусского института культуры и директор Института языкознания АН БССР П. А. Бузук. До 1937 г. он преподавал в местном пединституте; в 1937 г. П. А. Бузук был арестован и разделил худшую участь своих московских и ленинградских коллег.

Удивительно мягким оказался приговор в отношении Д. Д. Димитрова. Он, в отличие от В. Н. Кораблева, других ленинградских ученых не проходил по «делу славистов», а судился в Ленинграде местными органами ОГПУ. Несмотря на то, что долгие годы Димитров работал в Ленинграде, его обвинили в участии в «контрреволюционной националистической организации украинских болгар» и уже 25 февраля 1934 г. осудили к пяти годам лишения свободы... условно.

15 декабря 1934 г. датирована статья Д. Димитрова «Славянская филология на путях к фашизации (К оценке ее состояния на Западе)», опубликованная в пятом выпуске сборника Института языка и мышления АН СССР «Язык и мышление». Ее публикации предшествовал доклад автора на ту же тему, прочитанный, по воспоминаниям С. Б. Берштейна, в Институте языка и мышления в самом конце декабря 1934 г. и связанный с «неожиданным» распоряжением Президиума Академии наук «провести широкое обсуждение состояния славянского языкознания в нашей стране», а также с менее, видимо, неожиданным «желанием выступить с докладом» недавно освобожденного слависта. Примечательно, что доклад Димитрова был посвящен зарубежному, а не отечественному славяноведению, т. е., в сущности, не совпадал с заданной ему темой. Впрочем, дело было не в теме, а в поводе для охаивания славяноведения как науки. По указанию свыше Димитров объявил славянскую филологию «далекой еще от того стройного здания, имя которого наука», но в то же время «насквозь пропитанной зоологическим национализмом». Он бездоказательно утверждал, что «столпы русского славяноведения оказались не только лишними, но и вредными для подлинной науки победившего пролетариата», что современная западная славистика играет «прислужническую роль» перед «паразитическими классами», и вследствие этого «за последние годы не только не разрешила, но и не выдвинула новых, актуальных с точки зрения подлинной науки проблем». Все это построенное на песке здание венчало заявление, что «славянская филология в качестве своей теоретической базы имеет в настоящее время идеализм фашистского толка» и что она «плотно врастает в фашизм и тем самым теряет право на науку».

В опубликованном тексте Д. Димитров не останавливается ни на «грехах» советского славяноведения как науки, ни на деятельности репрессированных советских славистов. Не исключено, что это было сделано в устном докладе; тем не менее, в публикации прямые указания на вредность разработки в Советском Союзе славистических дисциплин отсутствуют. Видимо, это было связано с тем, что в Ленинграде еще оставались слависты во главе с акад. Н. С. Державиным * [6], фигура которого устраивала высокие инстанции.

В результате репрессий 1933—1934 гг. славистика понесла огромный ущерб. К репрессированным славистам-медиевистам добавились многие специалисты в области филологии. В конечном счете часть других разделил и Д. Димитров. Репрессии были сигналом к организационному разгрому славяноведения: несмотря на протесты Н. С. Державина был закрыт ленинградский Институт славяноведения, по существу прекратилось преподавание славянской филологии в высших учебных заведениях.

Тем не менее, окончательно славяноведение подорвано все же не было: оставалась еще одна область славистических исследований, не затронутая пока репрессиями, — новая и новейшая история славянских народов.

В 1920-е и начале 1930-х годов вопросами новой истории славянских стран, их экономическим, политическим положением и культурой в СССР занимались главным образом коммунисты-политэмигранты. В результате усилий польских коммунистов был создан ряд научных учреждений, разработывавших вопросы полонистики (Польская комиссия Истпарта ЦК

ВКП(б) с Польским коммунистическим архивом при этой Комиссии, польские Институты пролетарской культуры в Киеве и Минске); эти учреждения добились значительных успехов в изучении истории польского рабочего движения, новейшей истории и культуры Польши. Болгарские политэмигранты, виднейшим представителем которых в научном отношении был Г. Бакалов ³, внесли большой вклад в изучение истории Болгарской коммунистической партии, болгаро-русских революционных и литературных связей, современной литературы Болгарии. Некоторых успехов в разработке новой и новейшей истории Югославии, а также в изучении положения на Балканах добились югославские политэмигранты; отдельные статьи о чешской литературе были напечатаны проживавшими в СССР чешскими коммунистами.

Советские историки поддерживали усилия своих зарубежных коллег главным образом публикациями документов и популярных брошюр о международных отношениях в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, внешней политике зарубежных славянских стран и отношениях СССР с этими странами; специалисты по военной истории уделяли значительное внимание изучению уроков советско-польской войны 1920 г.

Работавшие в Советском Союзе исследователи новой и новейшей истории славянских стран были в большинстве случаев профессиональными партийными работниками, многие из них являлись выдающимися деятелями международного коммунистического движения и занимали руководящие посты в Коминтерне. Занимаясь тематикой, которая уже тогда рассматривалась некоторыми (правда, далеко не всеми) советскими специалистами как вписывающаяся в славистический комплекс, сами они не считали себя славяноведами; не относили их к славистам и руководящие инстанции.

И положение в коммунистическом движении, и не признаваемая славистической тематика исследований временно ограждали специалистов по новой и новейшей истории от репрессий. Из соответствующих специалистов, арестованных в первой половине 1930-х годов, можно назвать лишь исследователей истории военных действий на советско-польском фронте в годы гражданской войны А. Х. Базаревского * и Н. Е. Какурина * [17], а также ведущего историка польской революционной эмиграции в СССР З. Пшибышевского (псевдоним Ч. Ясинский) ⁴ и автора довольно многочисленных работ о послевоенной Польше как государстве фашистского типа Е. Сохацкого (псевдонимы: Е. Чешейко, Ю. Братковский) * [19].

Обвинения, предъявленные им, неизвестны, однако весьма вероятно, что осужденный 18 июля 1931 г., но вскоре освобожденный полковник царской армии, преподаватель Военной академии им. М. В. Фрунзе А. Х. Базаревский (он был вторично арестован в 1936 или 1937 гг.; осужден и расстрелян 2 апреля 1938 г.) и полковник царской армии, командующий армией в боях под Варшавой Н. Е. Какурин (арестован 9 февраля 1932 г., умер в заключении 27 июля 1936 г.) подверглись репрессиям в связи с тем, что принадлежали к офицерскому корпусу старой армии, к так называемым «военспецам», а арест 15 августа 1933 г. Е. Сохацкого, члена Политбюро ЦК компартии Польши и представителя партии в Исполкоме Коминтерна (он, по сведениям, опубликованным в печати, покончил жизнь самоубийством в тюрьме 4 сентября 1933 г.) скорее всего был вызван политическими причинами. Польские биографы Э. Пшибышевского выяснили, что ученый в начале 1930-х годов работал в Коммунистической академии, но затем неожиданно оказался в Казахстане, где в середине 1930-х годов был арестован; умер он 28 декабря 1940 г.

Вторая половина 1930-х годов стала в нашей отечественной истории временем массовых репрессий. Наряду с советскими гражданами им подверглись проживавшие с СССР зарубежные коммунисты, причем наиболее массовый характер носили репрессии в отношении польских полит-

³ Г. Бакалов избежал репрессий, вернувшись в апреле 1932 г. в Болгарию.

⁴ О его биографии, революционной деятельности и научном творчестве см. обстоятельные статьи С. Калябинского, С. Кеневича, Ж. Кормановой, К. Марианского, предисланные сборнику его работ [18].

эмигрантов. Трагическая судьба постигла, по существу, всех исследователей истории, современного положения и культуры Польши.

В 1936 г. были арестованы видные деятели польского коммунистического движения М. Хорвиц (псевдонимы: Х. Валецкий, Х. Вал) * [20] и Т. Домбаль (псевдоним Т. Ордан) * [21]. Первый из них, являясь членом Международной контрольной комиссии Исполкома Коминтерна, изучал в то же время историю польского рабочего движения 80-х годов XIX — начала XX в. и его современное состояние; второй совмещал работу в Исполкомах Коминтерна и Крестьянского интернационала, руководство Польским бюро ЦК ВКП(б) и польской секцией Российской ассоциации пролетарских писателей, пост вице-президента Академии наук Белорусской ССР с исследованием широкого круга общественно-политических и культурных проблем, в том числе вопросов экономического и политического положения в Польше и Югославии, крестьянского вопроса в этих странах, теории социалистической литературы, творчества польских писателей.

1937 год ознаменовался арестами особенно большого числа польских коммунистов. Были арестованы и расстреляны генеральный секретарь Коммунистической партии Польши Ю. Лециньский (псевдоним Ленский) * [22, т. 17, zes. 1, 1972; 23]; точная дата его смерти — 21 сентября 1937 г. — расходится с обычно публикуемой), видные деятели партии, коммунисты-политэмигранты. Представление об ущербе, нанесенном в результате репрессий 1937 г. научным исследованиям в области славистики, можно составить при знакомстве с следующим перечнем наиболее серьезных исследователей, которые подверглись в этом году репрессиям и погибли:

Битнер Хенрик (псевдоним Бич, 1887—1937) * [24] — кандидат исторических наук, в 1931—1935 гг. — старший научный сотрудник Института Маркса-Энгельса-Ленина. Публикатор сборников документов о Первом Пролетариате и Советах рабочих депутатов в Польше в 1918—1919 гг., автор воспоминаний о революционных событиях в Царстве Польском в 1905 и 1917 гг.

Бобиньский Станислав Феликс (1888—1937) *, в 1918—1920 гг. — заместитель комиссара в Комиссариате по польским делам и секретарь Польского бюро ЦК ВКП(б), затем находился на педагогической работе, работал в Коммунистической академии, в 1929—1931 гг. был директором Политехнического музея. Изучал вопросы марксистско-ленинской теории, истории Коммунистической партии Польши и истории польского рабочего движения.

Бортновский Бронислав (псевдоним Б. Бронковский, 1894—1937) * [25], член Политбюро Коммунистической партии Польши, разрабатывал вопросы истории и современного состояния польского коммунистического движения, публиковал статьи о внутренней политике польского правительства.

Будкевич Барбара (псевдонимы: Хенрик Окса, Фелиньска, 1886—21 августа 1937) * [26], руководила Ликвидационной комиссией по делам Царства Польского, затем возглавляла польские секторы ряда высших партийных учебных заведений, работала ученым секретарем Польского института пролетарской культуры АН БССР, доцентом Коммунистического университета национальных меньшинств Запада, сотрудником секретариата «Истории гражданской войны в СССР». Автор вышедшей в Минске на польском языке монографии о рабочем движении в Царстве Польском в 1870—1890-х годах.

Лауэр Хенрик Густав (псевдоним Э. Бранд, 1890 — 21 августа 1937) * [22, т. 16, zes. 4, 1971], до 1924 г. был представителем компартии Польши в Исполкоме Коминтерна, затем находился на хозяйственной работе, в последние годы жизни заведовал отделом и был членом коллегии Госплана СССР. Занимался проблемами экономики и политики Польши 1920-х годов и революционной борьбы польских трудящихся.

Мертенс Станислав (псевдоним Стефан Скульский, 1892 — 21 сентября 1937) * [26; 27], находился на ответственной партийной и государ-

ственной работе в Белоруссии, Смоленске, Москве, одно время был представителем польской компартии в Исполкоме Коминтерна. Исследовал положение трудящихся и деятельность политических партий в Польше.

Хельтман Стефан (1886 — 20 сентября 1937) * [22, t. 9, zes. 3, 1961; 26], в 1921—1924 гг. был секретарем Польского бюро ЦК РКП(б), затем работал председателем Госплана Белорусской ССР, руководил Коммунистическим университетом им. В. И. Ленина в Минске, в последние годы жизни был на ответственной работе в наркоматах сельского хозяйства и совхозов СССР. Исследовал вопросы участия поляков в Октябрьской революции и социалистическом строительстве в СССР.

Штейн Владыслав (псевдоним Антоний Краевский, 1886—1937) * [28], научный сотрудник Института Ленина, затем ответственный работник аппарата Коминтерна. Изучал вопросы истории польского рабочего движения, опубликовал воспоминания о революционных событиях в Царстве Польском в 1905—1907 гг.

Штейн Хенрик (псевдонимы: Г. Каменьский, Л. Домский, 1883—1937) *, в начале 1920-х годов был членом Политбюро ЦК компартии Польши, после эмиграции в СССР активно занимался литературно-критической деятельностью. Автор монографий о новейшей польской литературе, статей о польской литературе эпохи романтизма и рубежа XIX—XX вв. Опубликовал также исследование о положении и борьбе польского пролетариата в годы первой мировой войны.

Из арестованных в 1937 г. польских коммунистов, занимавшихся славяноведением, насколько нам известно, смерти удалось избежать только члену ВКП(б) с 1918 г., заведующей польским сектором отделения национальных меньшинств литературного факультета Ленинградского пединститута им. А. И. Герцена Люции Теофиловне Полянской *. Сначала она была исключена из партии за «притупление политической бдительности и пособничество врагам в их контрреволюционной работе», а затем арестована по обвинению «в участии в польской контрреволюционной националистической организации» и приговорена Особой тройкой Ленинградского областного управления НКВД к десяти годам лагерей. Однако 19 февраля 1940 г. Полянскую освободили из-под стражи за недостаточностью улик; дальнейшая судьба ее неизвестна.

По-видимому, перед карательными органами была поставлена задача не только прекратить всякую деятельность в СССР польских коммунистов (как известно, компартия Польши была распущена Коминтерном в мае 1938 г.), но и «обезвредить» всех тех, кто мог более или менее объективно разобраться в происходящих событиях. Поэтому аресты специалистов по Польше были продолжены в 1938 г. Наряду с членом ВКП(б) с 1920 г., научным сотрудником Международного аграрного института, автором монографии «Очерки современной Польши» А. И. Романским-Стажевским * (осужден и расстрелян 22 августа 1938 г.) и бывшим членом Бунда, политкаторжанином, в 1938 г. уже пенсионером Г. И. Лурье * (осужден и расстрелян 17 сентября 1938 г.), был репрессирован юрист и журналист И. А. Клейнман (псевдоним Клан) *, состоявший до революции в конституционно-демократической партии и написавший в первой половине 1920-х годов ряд работ о польской истории и культуре XIX—XX вв. Прошлая партийная принадлежность Клейнмана позволила вменить ему в вину участие в «кадетской контрреволюционной организации», но в отличие от своих коллег по научным занятиям — революционных деятелей — он получил сравнительно мягкое наказание — пять лет заключения в лагерях (приговор вынесен Особым совещанием при НКВД СССР 10 сентября 1939 г., дата смерти неизвестна).

16 июня 1938 г. был арестован крупный специалист по истории русской и польской литератур XVIII в., впоследствии чл.-корр. АН СССР П. Н. Берков * [29]. Его ученица Д. Б. Кацнельсон * рассказывает, что Беркова заставляли признаться в шпионаже в пользу фашистской Германии; однако ученый остроумно провел следователя, убедив его, что он будет лучше замечен начальством, если разоблачит шпионаж Беркова в пользу... Австрии, которая незадолго перед тем в результате гитлеров-

ской агрессии прекратила независимое существование. Нелепость обвинительного заключения оказалась настолько вопиющей, что Берков, пробыв под стражей два месяца, был освобожден из тюрьмы.

Репрессии были всеобъемлющими и наиболее жестокими в отношении польских коммунистов, но они нанесли тяжкие удары и по политэмигрантам других национальностей. В 1937 г. не стало секретаря ЦК Болгарской компартии, а затем ответственного сотрудника аппарата Исполкома Коминтерна И. Василева (псевдоним Ф. Бойко) *, исследовавшего в СССР историю связей РСДРП и партии «тесняков», современную обстановку в Болгарии. 23 февраля 1938 г. был арестован и 14 мая осужден Особым совещанием на восемь лет заключения в лагерях крупный философ, литературовед и искусствовед, деятель болгарской и советской культуры Д. Гачев *; приехав в СССР из Болгарии после скитаний по Западной Европе, он активно пропагандировал в нашей стране болгарскую литературу. Недавно опубликованные сыном Д. Гачева его письма из заключения и некоторые другие материалы [30] (осужденный во второй раз незадолго до истечения первого срока заключения болгарский политэмигрант умер на Колыме в начале 1946 г.) свидетельствуют, что во время следствия к Д. Гачеву применялись недопустимые методы воздействия, под гнетом которых он в конце концов признался, что случайно попавшую к нему французскую газету с речью Л. Д. Троцкого получил преднамеренно; этого смехотворного повода оказалось достаточно, чтобы сделать вывод о нелегальном распространении Гачевым «контрреволюционной троцкистской литературы» и пропаганде им троцкистских идей. Ходатайства Гачева о пересмотре его «дела» неизменно оставались без последствий несмотря на данную в связи с этими ходатайствами положительную оценку его деятельности руководителями Болгарской компартии и Коминтерна, в том числе Г. Димитровым *.

Надо сказать, что Г. Димитров пытался сделать максимум возможного для облегчения участи репрессированных, но его усилия часто оставались тщетными [31]. Все же Димитрову вместе с В. Коларовым * удалось добиться освобождения одного из наиболее видных деятелей болгарского коммунистического движения Х. Кабакчиева * [32], который до 1935 г. являлся едва ли не единственным в СССР специалистом, читавшим в Международной ленинской школе курс истории БКП. Затем Кабакчиев работал в Институте истории АН СССР; до ареста он регулярно публиковал статьи по истории Болгарской компартии, в 1928 г. опубликовал интересные воспоминания. В марте 1938 г. Кабакчиев был арестован; его вскоре освободили, но больше он не печатался.

Та же судьба, что и Кабакчиева, постигла Е. З. Волкова *, долго жившего в Болгарии в эмиграции русского революционера, который опубликовал там и переиздал после возвращения в СССР высоко оцениваемую специалистами и не утратившую значения до настоящего времени монографию о Х. Ботева, а также написал воспоминания о встрече с современником и биографом Ботева С. Заимовым. Волков был арестован 8 марта 1938 г. и пробыл под следствием свыше года. После освобождения 9 мая 1939 г. он вышел на инвалидность и больше не занимался славистикой.

Вдумчивого исследователя потеряла историческая славистика в результате осуждения и расстрела 8 апреля 1938 г. одного из основателей Коммунистической партии Югославии, видного деятеля Балканской коммунистической федерации и ее представителя в Коминтерне Ф. Филиповича (псевдоним Бошко Бошковиц) * [33]. Работая после приезда в СССР в Международном аграрном институте и Коммунистическом университете национальных меньшинств Запада, он внес значительный вклад в разработку истории КПЮ, исследовал крестьянский вопрос в Югославии, заложил основы изучения в СССР проблем балканистики.

После 1938 г. репрессии в отношении славистов продолжались, но уже не носили массового характера; им, в частности, подверглись экономист, автор монографии об аграрных отношениях в буржуазной Польше, сотрудник Института экономики АН СССР И. И. Гольдштейн * и сотрудник Института истории АН СССР Н. Н. Улащик *.

И. И. Гольдштейн был 25 октября 1949 г. приговорен к 25 годам заключения в лагерях; 24 ноября 1955 г. он был реабилитирован, дальнейшая его судьба неизвестна. Деятельность крупного впоследствии специалиста по социально-экономической истории Западной Белоруссии, Литвы и Польши XVII—XIX вв., ученика В. И. Пичеты Н. Н. Улащика прервалась в результате ареста в 1950 г. 23 апреля 1951 г. он был осужден к пяти годам заключения в лагерях; Улащика реабилитировали 7 марта 1955 г.

Приведенные выше факты истребления кадров славяноведов красноречиво свидетельствуют, какой огромный урон изучению зарубежных славян был нанесен в Советском Союзе в годы сталинщины. Были репрессированы ведущие специалисты и талантливые молодые ученые, занимавшиеся исследовательской и преподавательской работой во всех отраслях славяноведения. Репрессии, носившие массовый характер, не щадили ни ученых старой школы, ни специалистов, овладевших марксистской методологией; ни специалистов, далеких от политики, ни долголетних участников коммунистического движения.

В результате к концу 1930-х годов, когда в связи с осознанием общности фашистской опасности, нависшей над СССР и славянскими странами, задача изучения истории и культуры славян приобрела актуальнейший характер, советское славяноведение оказалось отброшенным далеко назад.

Но настоящая наука не может быть уничтожена до конца никакими репрессиями или запретами. Так произошло и со славяноведением: с изменением ситуации оно начало возрождаться, и накануне Великой Отечественной войны в результате усилий освобожденных из лагерей или уцелевших во время массовых репрессий ученых добилось первых, пока еще незначительных успехов. Этому в немалой степени способствовали усилия возвращенного из ссылки В. И. Пичеты и освобожденного из заключения А. М. Селищева; уцелевшие ленинградские слависты группировались вокруг акад. Н. С. Державина. Усилия славяноведов 1920-х и 1930-х годов не пропали даром: их дело продолжили ученики, которые в лучшие для славистики времена стали ведущими советскими славяноведами и внесли достойный вклад в развитие науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Славяноведение в дореволюционной России. Биобиблиографический словарь. М., 1979.
2. Гранстрем Е. Э. Владимир Николаевич Бенешевич. (К 100-летию со дня рождения). — Византийский временник. Т. 35, 1973, с. 235—243; Биобиблиографические материалы В. Н. Бенешевича. Подготовил Я. Н. Шапов. — В кн.: *Бенешевич В. Н. Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований*. Т. 2. София, 1987, с. 254—264.
3. Брачев В. С. «Дело» академика С. Ф. Платонова. — Вопросы истории, 1989, № 5, с. 117—129.
4. Богоявленский С. К. Академик Ю. В. Готье. — Известия АН СССР. Серия истории и философии. Т. 1, 1944, № 3, с. 109—116; Пичета В. И. Академик Юрий Владимирович Готье. — Исторические записки, т. 15, 1945, с. 301—314; Пичета В. И. Труды Ю. В. Готье по истории Литвы, Белоруссии, Украины и славянских народов. — Доклады и сообщения исторического факультета МГУ, вып. 1, 1945, с. 17—20; Карев Д. В. Неопубликованное творческое наследие М. К. Любавского. — Археографический ежегодник за 1974 г. М., 1975, с. 301—314; Славяне в эпоху феодализма. К столетию академика В. И. Пичеты. М., 1978.
5. Дукор Е. Я. Владимир Иванович Пичета. Биобиблиографический указатель. Минск, 1978, с. 74—79.
6. Булахов М. Г. Восточнославянские языковеды. Биобиблиографический словарь. Т. 2—3. Минск, 1977—1978.
7. Драй-Хмара М. П. Проблеми сучасної словістики. — Пролетарська правда, 1929, 22 XII.
8. Логачев К. И. Советское славяноведение до середины 30-х годов. — Советское славяноведение, 1978, № 5, с. 91—103.
9. Труды Института славяноведения. Т. 1—2. Л., 1932—1934.
10. Сафронов Г. И. К. А. Копержинский. К 10-летию со дня смерти. — Славянская филология. Л., 1964, с. 130—135; Горяинов А. Н., Шостакович Б. С. Славяноведение в Иркутске (вторая половина 1930-х — 1940-е годы) и К. А. Копержинский. — Славянская филология. Вып. 6. Л., 1988, с. 156—170.

11. *Бернштейн С. Б.* Трагическая страница из истории славянской филологии (30-е годы XX в.) — Советское славяноведение, 1989, № 1, с. 77—82.
12. *Кулагина А. В.* Н. И. Кравцов — исследователь сербскохорватского эпоса. (К 80-летию со дня рождения). — Вестник Московского университета, 1986, № 6; *Злыднев В. И.* Николай Иванович Кравцов. — Советское славяноведение, 1981, № 3, с. 125—126.
13. *Бернштейн С. Б.* А. М. Селищев — славист-балканист. М., 1987.
14. *Павлович А. И.* Автобиография доцента Павловича Андрея Ивановича. 2 августа 1945 г. — Архив МГУ, ф. ОК, оп. 2, д. 6750, л. 15 об.
15. *Кузьмина В. Д.* Михаил Несторович Сперанский (19 апреля / 1 мая 1863 г. — 12 апреля 1938 г.) — В кн.: *Сперанский М. Н.* Рукописные сборники XVIII в. Материалы для истории русской литературы XVIII в. М., 1963, с. 205—225.
16. *Журавлев В. К.* Григорий Андреевич Ильинский. М., 1962.
17. *Непаркоов А.* Историк гражданской войны. — Военно-исторический журнал, 1965, № 11, с. 42—49.
18. *Przybyszewski E.* Pisma. Warszawa, 1961.
19. *Wielka encyklopedia powszechna PWN.* Т. 10. Warszawa, 1967, s. 627.
20. *Kanczewicz J.* Maksymilian Horwitz — H. Walecki. — Z pola walki, 1958, № 4, s. 1253—1289.
21. *Leblang S.* Tomasz Dąbal. — Z pola walki, 1961, № 2, s. 153—177.
22. *Polski słownik biograficzny.* Wrocław etc.
23. *Nicieja S. S.* Julian Leszczyński-Leński. Warszawa, 1979.
24. *Bitner (Bicz) H.* Autobiografia. — Z pola walki, 1958, № 1, s. 226—242.
25. *Słownik biograficzny działaczy polskiego ruchu robotniczego.* Т. 1, Warszawa, 1978.
26. *Księga polaków uczestników Rewolucji Październikowej 1917—1920.* Biografie. Warszawa, 1967.
27. *Monasterska T.* Stanisław Mertens (Stefan Skulski). — Z pola walki, 1961, № 2, s. 178—195.
28. *Meglicka A.* Władysław Stein — Antoni Krajewski — Z pola walki, 1977, № 3, s. 153—181.
29. *Эйхенбаум Б. М.* О П. Н. Беркове. — В кн.: XVIII век. Т. 7. М.—Л., 1966, с. 3—4; *Адрианова-Перетц В. П.* Павел Наумович Берков. (К 70-летию со дня рождения.) — Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 25, вып. 6, 1968, с. 539—545; *Лихачев Д. С.* П. Н. Берков — ученый и человек. — В кн.: *Берков П. Н.* Проблемы исторического развития литературы. Л., 1981, с. 3—20.
30. *Гачев Г. Д.* Воспоминание об отцах. Документальное повествование. — Дружба народов, 1989, № 7, с. 161—223.
31. *Шириня К.* В то трудное время... — Правда, 1989, 23 I.
32. *Караколов Р.* Революционният и творчески път на Христо Кабакчиев (1878—1940). — Исторически преглед, кн. 2, 1947—1948, с. 194—213; *Колева Т.* Христо Кабакчиев като историк. — Известия на Института по история на БКП, т. 39, 1978, с. 139—183.
33. *Сумарокова М. М.* Новые данные о начале революционной деятельности Филипа Филиповича. — Советское славяноведение, 1967, № 1, с. 56—59; *Козий П.* Социолошка мисао Филипа Филиповића. Књ. 1. Пирот, 1969; *Мовчан С. П.* Питання історії Комуністичної партії Югославії в роботах Філіпа Філіповича. — Українське слов'язознавство, вип. 2, 1970, с. 135—141.

СООБЩЕНИЯ

БУЛАТОВА Р., ЧАГАЕВА Е.

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ БЕЛГРАДСКИХ АРХЕОГРАФОВ ИЗ НАРОДНОЙ БИБЛИОТЕКИ СЕРБИИ

В 1980 г. журнал «Советское славяноведение» [1] приветствовал появление нового издания югославских палеославистов — ежегодника «Археографические исследования» («Археографски прилози» — АП) — органа Археографического отдела Народной библиотеки Сербии в Белграде, издающегося небольшим тиражом (500 экз.). За прошедшие годы вышло девять выпусков этого ежегодника [2] (весьма неравноценных по объему), которые заняли достойное место в ряду более старых изданий подобного типа в Югославии, таких, как загребское «Slovo» (ежегодник Института старославянского языка, выходящий с 1950 г.) и белградский «Библиотекар», издающийся (шесть раз в году) с 1948 г. Обществом библиотекарей Сербии. При частой смене главного ответственного редактора «Археографических исследований» неизменным остается реальное руководство ежегодником редактора Александра Младеновича, стараниями которого держится и формируется это издание.

Определилась рубрикация АП, включающая I) статьи и публикации, II) рецензии и аннотации, III) хронику и IV) археографические известия. От названных выше изданий АП отличаются тем, что они задуманы прежде всего для публикации трудов сотрудников Археографического отдела Народной библиотеки Сербии. Костяк этого коллектива в 14 человек составляют видные специалисты в различных областях южнославянской кирилловской палеографии, люди, сформировавшиеся как исследователи одной школы палеографов — школы В. А. Мошина, основателя послевоенной палеославистики Югославии и создателя данного отдела. За 25—30 лет плодотворной работы этот коллектив накопил немалый материал для исследований по кодикологии, текстологии и лингвистическому анализу рукописей, филигранологии, орнаменталистике и т. д., делающихся по методике В. А. Мошина (1894—1987)¹. Поэтому публикации учеников В. А. Мошина — Б. Йованович-Стипчевич, Л. Васильевой, М. Грозданович-Паич, Л. Штавлинин-Джорджевич, Л. Цернич, Дж. Трифуновича и особенно недавно умершего акад. Д. Богдановича представляют в АП наибольший интерес: именно эти авторы определяют лицо рецензируемого издания. АП явно вышли из первоначально намеченных рамок, и список их авторов не ограничивается сотрудниками Народной библиотеки, он

Булатова Римма Владимировна — канд. филол. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения и балканистики АН СССР.

Чагаева Елена Юрьевна — студентка V курса филологического ф-та МГУ.

¹ О направлениях и методологических основах югославской палеославистики (школа В. А. Мошина) подробнее см. [3]. Реальное воплощение мошинские принципы анализа рукописей получили в фундаментальном труде [4].

имеет тенденцию к расширению, в частности, за счет зарубежных исследователей из Болгарии, Советского Союза, ФРГ и других, хотя зарубежные авторы еще робко используют это издание.

Публикации АП охватывают практически весь круг проблем, которыми занимается южнославянская палеославистика.

Популярны текстологические исследования конкретных памятников, жанров, установление особенностей жанра, типов этих памятников, хронологической иерархии списков одного произведения, их авторства (см. статью К. Станчева в АП № 3 об ареопагитиках Исаи Серского, работу Б. Йованович-Стипчевич о текстологии чина (1286 г.) по освещению и обновлению храма — АП № 9, публикации Т. Йовановича — АП № 6—7 и Р. Катич о происхождении хиландарского медицинского кодекса XV—XVI вв. — АП № 6—7, № 8, тот же автор АП № 4). Добротную разработку апокрифического сборника XIV в. монастыря св. Саввы в сравнении с другими подобными южнославянскими рукописями дали в своем совместном исследовании Д. Богданович и болгарская исследовательница А. Милтенова (АП № 9). Выявлено несколько типов таких сборников (приведены списки рукописей по типам). Текстологическо-сопоставительный анализ Службы св. апостолам Петру и Павлу и св. Корнелию (по рукописи XVI в. из Архива САНУ) провели Т. Попович и И. Шпадиер (АП № 9). Текстологические сопоставления двух и более памятников помогают прояснить темные места в тексте (АП № 3 — Л. Юхас о Житии св. Симеона).

Давнюю традицию имеют исследования с палеографическим, орфографическим и лингвистическим анализом памятников, целью которых является установление писцовой школы, личности писца. Здесь следует упомянуть работы А. Младеновича о памятниках XVI в. (АП № 6—7, № 8) статьи Л. Васильевой о македонской постной триоди XIII в. (АП № 8) и Б. Чигол о надгробной надписи XIV в. в монастыре Дечаны (АП № 9), Б. Йованович и П. Радича — о южносербской рукописи XIV в. (АП № 3).

В публикациях АП рассматривается такая важная проблема, как выявление корпуса писцов, хронологизация и локализация их деятельности. При этом особенно важно выявить писцов высокой культуры. Шанс найти несколько рукописей одного писца мал, но при сплошном исследовании памятников — реален. Интересную работу проделала Л. Чернич, единственный сербский исследователь богатейшей библиотеки монастыря св. Екатерины на Синае, по выявлению круга сербских авторов, чья деятельность протекала на Синае в конце XIV в. Среди авторов выделялся иеромонах Иов, один из самых плодотворных писцов этого периода (АП № 4). Здесь же назовем статью Е. Узуновой (Болгария), в которой дается характеристика Петра Грамматика, сербского книжника из Ловечского культурного центра XVI в. (АП № 6—7).

Из лингвистической проблематики отметим не теряющую своей актуальности проблему славяно-(сербско-)греческих лексических параллелей (в евангельских и апостольских текстах) (Г. Йованович и Д. Стефанович — АП № 2), а также грамматический анализ соотношения старославянских и греческих существительных мужского рода (Д. Трбович — АП № 2). Любопытная работа по выявлению типов и способов сокращений, употребляемых в сербских рукописях XII—XIV вв. (проанализировано 22 рукописи), была сделана тремя упомянутыми авторами (АП № 8).

Традиционными методами² исследуются проблемы отражения языковых диалектных особенностей в памятниках письменности в работах Л. Штавлианич-Джорджич и А. Младеновича (АП № 3, № 4, № 8). Л. Чернич (АП № 3) в исследовании о писцах Иловачской кормчей (середины XIII в.) удалось найти объяснение русизмам в этом памятнике.

Свою лепту в решение дискуссионного вопроса о первоначальном составе славянского алфавита вносят Б. Йованович-Стипчевич (АП № 3) и советский исследователь В. Загребин (АП № 3), опираясь на материал азбучных стихир.

² В последнее время в советской науке ведется разработка новых многообещающих методов анализа лингвистического материала из письменных памятников [5].

Особый корпус составляют исследования, в которых древние письменные тексты служат источником для получения сведений по средневековой истории, истории культуры, культурных связей между славянскими землями и т. п. В работе В. А. Мошина (АП № 3) предлагаются новые решения вопросов, связанных с передачей монастырем Иерусалиму царем Стефаном Душаном, на материале нового прочтения как уже известных грамот, так и впервые вводимой в научный оборот хиландарской грамоты. Вклад в изучение культурно-политических сербско-польских связей (АП № 3) и сербско-румынских связей (АП № 9) на материале средневековых источников внесли Дж. Трифунович и Л. Котарчич.

Письменные свидетельства очевидца исторических событий начала XIX в. (восстание Карагеоргия) разыскал Л. Дуркович-Якшич (АП № 3). Новые сведения об известном культурном деятеле XIV в. — Якове Серском приводит Х. Ханник (АП № 3).

В АП появляются работы по византологии, так или иначе связанные с южнославянскими письменными памятниками: исследование М. Лазича «Исихазм ресавских рукописей» (АП № 8), рецензия И. Чурича на издание Византологического института Сербской Академии наук и искусств о Шестодневе Георгия Писиды и его славянских переводах (АП № 3), археографические заметки Л. Васильевой об отрывках греческого евангелия X в., обнаруженных в славянской праздничной минее XIII в. в Одессе (АП № 4). Может быть, здесь же уместно упомянуть интересный анализ Б. Йованович-Стипчевич византийско-славянских сборников пророчаний XIII—XV вв.: автор прослеживает происхождение и историю колядок на Балканах (АП № 2).

Заслуженное внимание уделяется на страницах АП проблеме описания собрания славянских рукописей, хранящихся за рубежом: на Афоне, в Венгрии, Румынии, Франции, СССР, Великобритании и др. После выхода в свет в 1978 г. капитального описания Хиландарского собрания, подготовленного Д. Богдановичем [6], работу в хиландарской библиотеке продолжают его ученики. Я. Радованович дал описание 88 редких русских и украинских старопечатных книг XVIII в. (АП № 3) и 74 русских и румынских книг XVII в. (АП № 2). Им же составлен каталог «Русские книги XVIII в., отпечатанные гражданским шрифтом, из библиотеки Хиландарского монастыря» (АП № 6—7).

С 1979 г. сотрудники Народной библиотеки Сербии и Матицы Сербской ведут регулярные работы по описанию второго по величине и значимости после Хиландарского собрания сербских рукописей — библиотеки епархии Будапешта (20 тыс. единиц). Н. Р. Синдик и К. Мано-Зиси опубликовали описание 147 наименований, из которых много книг, печатавшихся в Москве, Киево-Печерской лавре и т. д. (АП № 9), и каталог «Старопечатные книги в Архиве САНУ» (АП № 6—7). Описание 16 сербских рукописей XIII—XVI вв. дано В. Недомачки в статье «О сербских рукописях из Греческой православной патриархии в Иерусалиме» (АП № 2). Д. Стефанович описывает 15 сербских и других рукописей из библиотек Кембриджа, Оксфорда, Манчестера, Британской лондонской библиотеки (АП № 6—7). Собрание рукописей Национальной библиотеки в Париже описывали неоднократно, но специально не выделяли сербские рукописи. Эту работу осуществил Т. Йованович (АП № 3), описавший восемь сербских рукописей XIII—XV вв. из этого собрания. Одну южнославянскую рукопись из Базеля обнаружил и описал Х. Миклас (АП № 9).

Дж. Костиц проанализировал описание старосербских книг, выполненное Лукианом Лушицким в начале XIX в. и давшее представление о фондах библиотек сербских монастырей этого периода (АП № 2).

Сотрудниками Археографического отдела Народной библиотеки Сербии регулярно проводится работа по уточнению датировок целых рукописных собраний и отдельных памятников на основании достижений флигранологии, палеографии (в частности, разработок по морфологии письма), орнаменталистике и др. (АП № 2 — о 92 рукописях XIII—XVIII вв. из библиотеки Румынской АН; № 9 — о трех рукописях из Государственной библиотеки им. В. И. Ленина).

Публикации записей и надписей из рукописных и старопечатных книг продолжают традицию сербской палеославистики, заложенную в первую четверть нашего столетия Л. Стояновичем [7], и пополняют материал из живого языка, списки личных имен церковных деятелей, писцов, монахов, географических названий и проч. (см. работы А. Младеновича АП № 2—3, Р. Станковича — АП № 9). АП помещает также публикации отдельных небольших текстов XVI, XVII вв. (Р. Станкович — АП № 2; М. Стефанович — АП № 8; В. Белогрич — АП № 6—7; Л. Штавлианин-Джорджевич — АП № 6—7; см. также № 8).

В последнее время активизировались исследования музыковедов, которые находят и расшифровывают средневековые записи духовной музыки (вместе с текстами), выявляя выдающихся деятелей музыкальной культуры в славянских землях (АП № 2, № 4).

Всегда интересны разработки югославских археографов по вспомогательным палеографическим дисциплинам — филигранологии, орнаменту, инициалам и др. Регулярно публикует работы по водяным знакам основной специалист в этой области М. Грозданович-Паич (АП № 4, № 6—7, № 9). Исследование редко встречающихся филиграней позволяет, кроме уточнения датировки рукописей, узнать, какое хождение имела та или иная бумага, в каких областях и скрипториях она употреблялась. Трудами В. А. Мошина и его учеников в Народной библиотеке Сербии собрана бесценная коллекция филиграней славянских кириллических рукописей после XIV в., насчитывающая более 40 тыс. знаков. Издание этой коллекции (к сожалению, не предусматривающееся в ближайших планах Народной библиотеки) принесло бы огромную пользу славянской палеографии, намного подняло бы результативность работы с рукописным наследием славян³.

Орнаментика также играет существенную роль в атрибуции памятников письменности. Здесь тоже нужны были бы сводные альбомы, на материал которых можно было бы опираться исследователям-палеославидам. В небольшой, но емкой статье советского исследователя Н. А. Киселева об орнаменте Иловачской кормчей 1262 г. (АП № 2) прослеживается становление внешнего оформления южнославянских кодексов и впервые показывается важная роль Афона в этом деле.

Перспективным оказывается исследование инициалей, особенно для датировки пергаменных рукописей (где филигранология неприменима). Л. Васильева, проанализировав инициалы 11 рукописей XIII—XIV вв. из хранилищ Москвы, Ленинграда, Белграда, Загреба, Венеции, Хиландарского монастыря, содержащие наиболее характерные виды геометрических инициалей, сумела очертить ход развития этой палеографической приметы с середины XIII — первой четверти XIV в. (АП № 6—7). Новаторская работа того же автора о переплетах (АП № 3) показывает (на материале семи рукописей из монастыря Дечаны), какие составные части переплета (материал, способ изготовления, орнамент, геральдические знаки) следует учитывать для получения сведений по атрибуции рукописей.

На страницах АП разрабатываются и обсуждаются проблемы методологии археографических исследований, подводятся итоги и намечаются проекты в этой области науки. Закономерно, что основными авторами этого раздела являются В. А. Мошин (АП № 2), Д. Богданович (АП № 2—3), А. Младенович (АП № 6—7), см. также интересную работу Н. Р. Синдик «О термине „археография“» (АП № 6—7).

Пятый выпуск АП целиком был отдан последней прижизненной публикации В. А. Мошина «Новгородские листки и Остромирово евангелие». В этом объемном труде (около 6 п.л.) автор, рассматривая два древнейших рукописных памятника, приходит к выводу, что Новгородские листки являются отрывком македонского перевода X в. греческого апракоса и в конце X в. были перенесены из Охрида на Русь (в Новгород), где и послужили оригиналом для Остромирова евангелия (1057 г.). Исследование

³ Альбом водяных знаков XIII—XVI вв. издан более 30 лет назад [8].

В. А. Мошина основывается на анализе внешней истории памятников, палеографическом, текстологическом и лингвистическом анализах. Результаты этого исследования, вызвавшие широкий резонанс в Югославии (особенно в Македонии), не нашли пока сторонников у нас в стране. Думается, что труд патриарха палеославистики заслуживает не замалчивания, а квалифицированного разбора специалистами.

Вышедшие девять выпусков «Археографических исследований» вполне определили профиль этого издания, интересного для всех специалистов в области палеославистики, позднего византиноведения и других сопредельных дисциплин. Утраты, которые понесла в последние годы югославская палеография (смерть В. А. Мошина и Д. Богдановича), не должны подорвать престиж этого издания, так как созданная ими школа с успехом продолжает начатое дело на высоком уровне современной археографической науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булатова Р. В. Рец. на: Археографски прилози, Београд, 1979, № 1.— Советское славяноведение, 1980, № 2.
2. Археографски прилози. Београд, 1979—1987, № 1—9.
3. Булатова Р. В. Югославская палеославистика.— Советское славяноведение, 1987, № 6.
4. Опис ћирилских рукописа Народне библиотеке Србије, књ. прва / Под ред. Д. Богдановича и И. Грицкат (составители Љ. Штављанин-Ђорђевић, М. Гроздановић-Пајић, Ј. Цернић). Београд, 1986.
5. Демина Е. И. Принципы лингвогеографической интерпретации данных памятников славянской письменности.— Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. София, сентябрь, 1988. Доклады советской делегации. М., 1988.
6. Богдановић Д. Каталог ћирилских рукописа манастира Хиландара. Т. I—II. Београд, 1978.
7. Стојановић Љ. Стари српски записи и натписи. Ср. Карловци, 1925—1926.
8. Filigranes des XIII-e et XIV-e siècles par V. Mošin et Traljić. Т. I—II. Zagreb, 1957.

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

МАТКО П. М.

О ЯРОСЛАВЕ ГАШЕКЕ И КАРЕЛЕ ВАНЕКЕ

29 декабря 1922 г. Ярослав Гашек последний раз продиктовал своему секретарю Клименту Штепанеку¹ строки из III главы четвертой части «Похождений бравого солдата Швейка во время мировой войны» (в дальнейшем — «Швейка»): «...Напоминаю вам об этом именно сегодня, когда наши войска в непродолжительном времени перейдут через границы» [1, т. 6, с. 529].

В изданиях «Швейка» в Советском Союзе на русском языке, начиная с 1956 г. и по настоящее время, после последних строк, продиктованных писателем, печатается: «До этих слов продиктовал уже больной Ярослав Гашек „Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны“. Смерть, наступившая 3 января 1923 г., заставила его умолкнуть навсегда и помешала закончить один из самых прославленных и наиболее читаемых романов, созданных после первой мировой войны» [1, т. 6, с. 530].

Однако из восьми существующих у нас изданий «Швейка» до Великой Отечественной войны (с 1926 по 1937 г. включительно) в четырех случаях издавались (в 1928—1931 гг.) от одной до трех частей романа, в остальных изданиях содержались четыре части [2 — 4], причем в четвертой части, после последних строк продиктованных Гашеком, в сноске печаталось: «На этом кончается рукопись Ярослава Гашека, умершего 3 января 1923 г., сорока лет от роду. Незаконченный труд его был доведен до конца другом покойного, Карлом Ванеком» [3, с. 577]. Далее следовал написанный Ванеком текст, который заканчивался рассказом о пленении русскими солдатами Швейка. Ванеком было написано также продолжение «Швейка», которое дважды публиковалось в Советском Союзе на русском языке: в Ленинграде под названием «Приключения бравого солдата Швейка», в виде 5-й и 6-й частей романа, с окончанием четвертой части, написанным К. Ванеком [2 — 4], издательством «Прибой» (1928—1929), перевод с немецкого А. Г. и Г. А. Зуккау, и в Москве, в 1928 г., издательством «Московский рабочий», отдельной книгой «Приключения бравого солдата Швейка в русском плену», в переводе с чешского М. Скачкова.

В Чехословакии до 1949 г. «Швейк» Ярослава Гашека также издавался с написанными К. Ванеком окончанием четвертой части и продолжением романа под названием «Похождения бравого солдата Швейка в русском плену» и с тем же примечанием об авторстве четвертой части.

Каким же образом Карел Ванек попал в «соавторы» к Ярославу Гашеку, да еще и стал его «другом»?

4 февраля 1922 г., работая над 3-й частью «Швейка», Гашек передает все права на издание романа пражскому книгоиздателю А. Сынеку.

Матко Петр Минович — известный собиратель материалов о жизни и творчестве Ярослава Гашека, автор работ о нем.

¹ Осенью 1921 г. Гашек, опшпарив руку, пригласил на работу в качестве секретаря жителя Липнице, двадцатипятилетнего безработного К. Штепанека, которому диктовал все, что создал до последнего дня своей жизни.

Смерть Я. Гашека остановила поступление в издательство новых глав «Швейка», а значит и солидных доходов издателю. Читатели, полюбившие «Швейка», ожидали, что найдется писатель, который дорасскажет им о похождениях бравого солдата и запрашивали об этом книгоиздателя. Учитывая спрос, Сынек, спустя около полутора месяцев после смерти Гашека, приглашает 14 февраля 1923 г. К. Ванека и предлагает ему продолжить «Швейка». Так по «коммерческому»² заказу книгоиздателя писатель К. Ванек становится «соавтором» Ярослава Гашека.

Почему книгоиздатель остановился на кандидатуре Ванека? К. Ванек (1887—1933) журналист и писатель, в течение многих лет писал фельетоны для газеты «Руде право», сатирические и юмористические «Стршепины», («Осколки»), которые были затем изданы в четырех книгах. Так же, как и Гашек, Ванек был в русском плену, длительное время находился в лагерях для военнопленных, написал книгу воспоминаний об этом периоде «Хорошо, пан, да». А чтобы убедить читателей, что продолжатель дела Гашека хорошо осведомлен о его замыслах, К. Ванек был представлен «другом покойного». Такое категорическое утверждение, что и «другом» Гашека К. Ванек также стал из-за «коммерческих» соображений книгоиздателя, имеет основание.

Автор этих строк в 1960 г. заочно познакомился с секретарем Гашека К. Штепанеком, а в 1968 г. встретился с ним на фестивале юмора и сатиры в Липнице. В первых же письмах к нему была изложена просьба сообщить, кто такой друг Я. Гашека — Карел Ванек?

К. Штепанек сообщил, что Гашек всего один раз встречался с Ванеком до первой мировой войны в Праге, поскольку последний также принадлежал к «пражской богеме», но в дальнейшем не общался с ним ни лично, ни заочно. Что же касается наличия у Гашека письменного плана к «Швейку» или набросков, которыми мог бы воспользоваться К. Ванек при окончании или продолжении «Швейка», то, по свидетельству К. Штепанека, таких материалов не существовало: диктуя «Швейка», Гашек не обращался ни к каким наброскам или планам, а лишь эзредка сверялся с географической картой для уточнения местонахождения Швейка. Об этом К. Штепанек рассказал в воспоминаниях о Гашеке, изданных в 1960 г. [6, s. 17].

Многие авторы примечаний к «Швейку» и работ о жизни и творчестве Я. Гашека сообщали и сообщают ошибочные сведения о якобы имевшей место дружбе и даже совместной работе над «Швейком» Я. Гашека и К. Ванека. Так, например, в статье о Гашеке, помещенной в Большой Советской Энциклопедии сообщается, что: «... Роман остался неоконченным. 5-й том „Приключения бравого солдата Швейка в русском плену“ был завершен по материалам Гашека³ его близким другом чешским писателем Карелом Ванеком в 1924 г.» [7]. Следует заметить, что в этой информации не упоминается об окончании К. Ванеком четвертой части «Швейка» (1923), что же касается написанного им продолжения «Приключения бравого солдата Швейка в русском плену», то оно в Чехословакии издавалось, начиная с 1924 по 1949 г. включительно. в виде 5-й и 6-й частей «Швейка», а не отдельным 5-м томом.

В довоенное время о К. Ванеке публиковались сведения, которые теперь могут вызвать лишь удивление у всех, кто знаком с историей издания «Швейка». Так, например, Г. Блок сообщает: «... Писатель не окончил своего грандиозного труда. Его набросками — черновиками воспользовался Карел Ванек, остановивший (в общих чертах правильно) монументальный замысел Гашека...» [8]. Еще дальше пошел в своих домыслах автор библиографии к книгам Я. Гашека и К. Ванека Краус, который сообщает «факты» из только ему известных источников: «... Уже будучи больным, Гашек привлек к сотрудничеству другого писателя Карела Ванека, с которым он вместе закончил последнюю часть романа, доведенную

² Это удачное выражение впервые применил З. Горжени [5, с. 26 €].

³ Здесь и далее курсив мой.— П. М.

до того момента, когда Швейк попадает в русский плен. После смерти Гашека „Приключения бравого солдата Швейка в русском плену“ пришлось писать Ванеку уже одному...» [9].

И если в 20-е годы еще многое из истории издания «Швейка» не было известно, то в наше время писать о К. Ванеке как о друге Гашека, а тем более публиковать окончание 4-й части, написанное Ванеком, недопустимо. За последние 20 лет, начиная с 1967 г., «Швейк» выпущен только издательством «Художественная литература» общим тиражом свыше 2,5 млн экз. и во всех изданиях упоминается К. Ванек как продолжатель «Швейка» или друг Гашека. Вызывает недоумение, когда в шеститомном собрании сочинений Я. Гашека (изд-во «Художественная литература» М., 1984—1985 гг.) автор примечаний к «Швейку» О. Малевич сообщает, что «... четвертая часть романа Гашека с продолжением, написанным его другом Карелом Ванеком, вышла в 1923 г. ...» [1, т. 5, с. 462]. Вызывает удивление и выпущенный к столетию со дня рождения Я. Гашека издательством «Лиезма» на латышском языке «Швейк» с окончанием четвертой части, написанной Карелом Ванеком и конечно же, с сообщением о том, что последний был другом Я. Гашека [10]. Кстати, указывается, что перевод на латышский язык выполнен А. Бауга с чешского издания «Швейка» 1955 г. [11], однако это издание не содержит ни окончания 4-й части, написанного К. Ванеком, ни сообщения о том, что он был другом Я. Гашека.

И, наконец, несколько слов о том, как К. Ванек справился с задачами окончания и продолжения «Швейка». Некоторые авторы публикаций склонны к оценке его работы над «Швейком», близкой к положительной. Например, Н. П. Еланский пишет: «... В окончании четвертой части Ванек стремился быть как можно ближе к сюжету, идейному содержанию, форме, особенностям характеров действующих лиц романа Гашека. Он развивает действие произведения в логической последовательности в рамках того эпизода (попойка офицеров маршевого батальона), на котором смерть остановила перо Гашека. Ванек сохраняет антивоенную и антиавстрийскую направленность романа. У него Швейк, как и у Гашека, постоянно рассказывает различные истории „к случаю“. Ванек также исползует отдельные эпизоды из прежних сочинений Гашека, как это делал сам автор „Швейка“. Например, у Ванека в один из рассказов Швейка „к случаю“ вставлена история капитана Гепнера в том виде, как она приведена в фельетоне Гашека „Над старыми газетами“. И в характеристиках действующих лиц, и в общем тоне Ванек старательно подчеркивает те черты, которые придал своим героям Гашек. Работа Ванека любопытна тем, как она решает поставленную перед собой задачу, но не доставляет того наслаждения, какое испытываешь при чтении романа Гашека...» [12].

Р. Пытлик, рассматривая причину возникающих время от времени полемик вокруг «Швейка», частично объясняет это и тем, что роман Гашека издавался вместе с так называемым «продолжением» К. Ванека, «... который в двух частях „Швейк в плену“ грубо исказил и вульгаризировал ядерный, но безошибочно точный, не нарушающий границ вкуса юмор Гашека» [13].

В общих чертах оценку работы Ванека над окончанием и продолжением «Швейка» дает О. Малевич в предисловии к массовым изданиям «Швейка», осуществленным «Художественной литературой» в 1977 и 1982 гг.: «... Еще в 20-е годы Карел Ванек без особого успеха попытался досказать историю походов Швейка на фронте и в русском тылу...» [14].

В упоминавшейся библиографии Крауса приводится такая оценка написанного Ванеком: «... Ванек, сохранив стиль повествования, совершенно не сумел воспроизвести внутренний механизм характера Швейка, который и представляет самое ценное в этом типе в этом романе. При этом Ванек увлекся острословием, в результате чего оказалась нарушенной социальная весомость этой части романа...» [9].

Резкой критике была подвергнута работа Ванека Г. Блоком, который писал: «... две последние части, вышедшие из-под пера Ванека, резко отличаются от первых. Ванек пользуется тем же композиционным приемом Гашека, но его организующее, сатирически-формирующее вещь содержание

выветривается. Происходит это потому, что Ванек работает на ином, более низком, недоброкачественном материале. Он открывает доступ юмористике воскресных бесплатных приложений, пастасканным ситуациям и перепетым эпизодам. Сатирический пафос начала эпопеи подменяется ресторанный занимательностью зубоскала... Прибавьте ко всему сказанному лошадиные дозы непристойностей, ремесленно-бойкое копание в интимной стороне жизни людей, мало относящихся к главной линии повествования, чтобы отрицательные черты Ванека предстали во всей неприглядности» [8].

И, в заключение, приведем наиболее краткую, но и наиболее емкую и точную оценку результатов работы К. Ванека над «Швейком», которую дает автор книги о Гашеке З. Горжени: «... Как известно, по „коммерческому“ заказу гашековского Швейка дописывал сатирик Карел Ванек. В бульварном духе, в вульгарном стиле. То, что он произвел на свет, было полной макулатурой, не имевшей ничего общего с бравым солдатом Швейком и его автором» [5, с. 263].

Так выглядит Карел Ванек — «соавтор», «друг» и «продолжатель» романа Гашека. Изложенное нельзя не учитывать будущим издателям и исследователям творческого наследия выдающегося чешского писателя Ярослава Гашека.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гашек Я.* Собрание сочинений в шести томах. М., 1985.
2. *Хашек Я.* Приключения braveго солдата Швейка. Л., 1926—1928.
3. *Гашек Я.* Похождения braveго солдата Швейка во время мировой войны. Ч. 1—4. М.—Л., 1934.
4. *Гашек Я.* Похождения braveго солдата Швейка во время мировой войны. Т. I. Л., 1936; Т. II, 1937.
5. *Горжени З.* Ярослав Гашек — журналист. М., 1983.
6. *Štěpánek K.* Vzpomínky na poslední léta Jaroslava Haška. Havlíčkův Brod. 1960.
7. Большая Советская Энциклопедия. Изд. 2-е. Т. 10. М., 1952., с. 279.
8. *Блок Г.* Braveый Швейк.— Молодая гвардия. 1929, № 9, с. 109.
9. *Краус К.* Библиография.— Правда, 1928, 7 XII, с. 4.
10. *Hašeks J.* Krievnā karēivja Šveika dēkas pasaules karā. Riga, 1983, s. 287.
11. *Hašek J.* Osudy dobrého vojáka Švejka za světové války. Praha, 1955.
12. *Еланский Н. П.* Ярослав Гашек. Пособие для учителей. М., 1980, с. 93—94.
13. *Пытлик Р.* Ярослав Гашек и похождения braveго солдата Швейка. Прага, 1983, с. 60.
14. *Гашек Я.* Похождения braveго солдата Швейка. М., 1977; 1982 (стереотипные издания), с. 15.

КНИЖНАЯ ПОЛКА СЛАВИСТА

Атанас Романов. Док. и спомени за него / Съст. и ред. Стойнов Б. и др.; Инст. по история на БКП при ЦК на БКП. София, 1989, 280 с., 6 л. ил.

Балканите след Втората световна война / Ред. кол. Тодоров Н. и др. София, 1989, 261 с.

Бъчварова Н. И. Възпитанини на южноруските училища и развитие на научните знания в България, XIX в. / Бълг. акад. на науките. Център по наукознание. София, 1969, 190 с., 8 л. ил.

Виднянский С. В. Интернациональное сближение рабочего класса стран социалистического содружества / АН УССР. Ин-т истории. Киев, 1989, 351 с.

Войкова И. Н. Дечко Узунов. М., 1989, 143 с.

Дмитерко Р. І. Міжнародні та радянські революційні свята на Україні: Іст.-етногр. нарис / АН УРСР. Ін-т мистецтвознавства, фольклору та етнографії ім. М. Т. Рильського. Льв. від-ня. Київ, 1989, 192 с.

Лексика в ОЖДА / Отв. ред. Бернштейн С. Б., АН СССР. Ин-т славяноведения и балканистики. М., 1989.

Мечев К. Средновековни българи: Книжовници, държавници, борци. София, 1989, 309 с.

Общая лексика германских и балто-славянских языков / Непокупный А. П., Быховец Н. Н., Бунятова И. Р. и др.; Отв. ред. Непокупный А. П.; АН УССР. Ин-т языковедения им. А. А. Потемби. Киев, 1988, 357 с.

Славяне и их соседи: Междунар. отношения в эпоху феодализма / Отв. ред. Литаврин Г. Г.; АН СССР. Ин-т славяноведения и балканистики. М., 1989, 181 с.

Словообразование и номинативная деривация в славянских языках. Тез. докл. III респ. конф. (5—6 окт. 1989 г.) / Отв. ред. Никитевич В. М.; Гродн. гос. ун-т им. Я. Купалы. Гом. гос. ун-т им. Ф. Скорины. Гродно, 1989.

Ч. 1. 273 с.

Ч. 2. 253 с.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Политические уроки одного конфликта. М., 1989, 156 с.

Среди так называемых «белых пятен» в нашей недавней истории особое место занимает конфликт с Югославией 1948—1953 гг. Если за рубежом, главным образом в СФРЮ и на Западе, его исследованию посвящена обширная литература, то в Советском Союзе в течение десятилетий после конфликта о нем в сущности ничего не писали — на эту тему было наложено «табу». Лишь в последнее время — после визита в СФРЮ в марте 1988 г. М. С. Горбачева и новой политической оценки конфликта в принятой тогда советско-югославской декларации — советские исследователи получили возможность приступить к научной разработке проблемы конфликта, его причин, последствий и уроков (см. [1]).

Первым гласным обсуждением этой проблемы явился «круглый стол» в Институте славяноведения и балканистики АН СССР (ИСБ) в июне 1988 г., материалы которого были позднее опубликованы [2]. Начавшаяся разработка данной темы позволила приступить и к ее совместному обсуждению советскими и югославскими учеными. В рамках систематически проводимых теперь советско-югославских партийно-научных консультаций в декабре 1988 г. в Москве состоялся «круглый стол» «Политические уроки конфликта КПЮ с Информбюро (1948—1953)», организованный АОН при ЦК КПСС и Центром по общественным исследованиям при Президиуме ЦК СКЮ. С советской и югославской стороны было высказано желание опубликовать его материалы в обеих странах [3]. Появление рецензируемого издания можно рассматривать как выполнение советской стороной этого пожелания. Книга представляет собой авторизованную стенограмму советско-югославской партийно-научной консультации¹.

Жанр книги и то обстоятельство, что дискуссия охватила чрезвычайно широкий круг вопросов, связанных не только с конфликтом 1948 г., но и с общими проблемами развития социализма и отношений между социалистическими странами, не позволяют в рецензии оценить все выступления советских (Б. С. Попов, А. И. Волков, М. А. Мунтян, Б. М. Пугачев — из АОН при ЦК КПСС, В. К. Волков, Л. Я. Гибианский, Ю. С. Новопапин — из ИСБ АН СССР) и югославских (Р. Радонич — из Титоградского, В. Микедич — из Загребского, Б. Петранович, Р. Животич — из Белградского университетов) участников «круглого стола». Остановимся на аспектах, несомненно вызывающих особый интерес с точки зрения истории конфликта.

Прежде всего следует отметить, что все участники обсуждения, как югославские, так и советские, были единодушны в том, что глубинной основой конфликта явилась административно-командная система, ее политика и идеология, выразившиеся в отношениях между социалистическими странами в концепции и практике иерархичности и монолитизма. Сталинская практика перенесения командных методов в международное коммунистическое движение, что еще до второй мировой войны проявилось в Коминтерне, после войны стала сказываться и в отношениях СССР с вновь возникшими социалистическими государствами. Историческая ответственность за развязывание конфликта лежит на тогдашнем советском руководстве и лично Сталине, вызвавшем конфликт, начавшем беспрецедентную травлю другой коммунистической партии и социалистической страны. В данной связи отмечалось, в частности В. К. Волковым и Л. Я. Гибианским, что можно лишь условно говорить о конфликте КПЮ с Информбюро. На деле он возник как конфликт в отношениях СССР и Югославии, в который с помощью Информбюро Сталин вовлек другие социалистиче-

¹ В СФРЮ ко времени написания данной рецензии начали публиковаться лишь отдельные выступления югославских участников обсуждения (см. [4]).

ские страны, компартии, выдвигнув идеологические обвинения против КПЮ (с. 27, 50). Это сопровождалось кампанией лжи, направленной против Югославии, различными видами давления вплоть до угрозы применения силы.

Вместе с тем внутри этой общей оценки в ходе обсуждения проявились и неодинаковые представления о непосредственных причинах возникновения конфликта, его конкретном характере. Так, Б. Петранович, В. Микецин, отчасти Р. Радонич выводили корни конфликта из особенностей, которые, по их мнению, отличали позицию КПЮ еще до, а затем во время войны, от линии Коминтерна и СССР. Эта точка зрения, давно развиваемая в югославской литературе, встретила возражения у В. К. Волкова и Л. Я. Гибианского, которые из советских участников «круглого стола» непосредственно занимались конкретно-историческим исследованием конфликта. Волков отметил, что тезис Б. Петрановича о решениях V конференции КПЮ (ноябрь 1940 г.) как в то время универсальном явлении в мировом коммунистическом движении противоречит реальной истории, так как эти решения соответствовали тогдашней балканской политике Коминтерна, в тот период отличавшейся рядом специфических черт, которые проявились и в позициях компартий других балканских стран (с. 147). Что же касается периода 1941—1945 гг., а затем первых послевоенных лет (1945—1947), то, говоря о несовпадениях, различиях, которые иногда возникали между югославской и советской сторонами по некоторым конкретным вопросам, Гибианский выдвинул точку зрения о трехкомпонентной основе советско-югославских отношений того времени.

По его мнению, первым компонентом была общность, единство социально-политических целей, идейно-политических представлений о социализме, о путях, методах борьбы за него. В этом КПЮ стояла на позициях тех же представлений и той же общественно-политической практики, которые были тогда свойственны Советскому Союзу, другим социалистическим странам, их компартиям. Ей была свойственна сталинистская идеология и практика. И здесь никакой другой линии, отличной от СССР, Коминтерна, Информбюро, у КПЮ, у новой Югославии тогда, до конфликта 1948 г., не было. Вторым компонентом было частичное несовпадение конкретных задач, специфических устремлений, интересов каждой

из сторон, неодинаковая тактика, обусловленные различием, особенностью условий, в которых находились СССР и Югославия. Это касалось разных вопросов, порой вызывало те или иные сложности, но в целом не определяло характера взаимных отношений. Возникавшие трудности решались на базе первого компонента и сами по себе не обуславливали конфликта, тем более в том виде, в каком он разразился. Но был третий компонент, заключавшийся в том, что командно-административная система, существовавшая в СССР, переносила свои методы в международное коммунистическое движение и в отношения между социалистическими странами, стремясь утвердить в них иерархичность и монолитизм. Именно это привело к тому, что определенные несовпадения были в начале 1948 г. по сути искусственно драматизированы советским руководством, Сталиным, которые развязали конфликт, из самих несовпадений не вытекавший.

В качестве конкретных проблем, послуживших началом конфликту, В. К. Волков и Л. Я. Гибианский указали на проблемы, касавшиеся отношений Югославии с Болгарией и Албанией и возможностей создания балканской федерации. Общие же идейно-политические обвинения, выдвинутые против КПЮ и содержащиеся в резолюции Информбюро 1948 г., были безосновательны и имели лишь целью придать сталинскому нажиму на Югославию вид идеологического конфликта.

Как видно из рецензируемого издания, дискуссия по этим вопросам стала одним из центральных пунктов состоявшегося обсуждения. Она выявила различные точки зрения в интерпретации научной истории конфликта. При этом участники были едины в главном: необходима дальнейшая разработка проблемы, ее совместное обсуждение, предоставление основной массы документов в распоряжение исследователей.

Особое внимание было обращено на уроки советско-югославского конфликта с точки зрения принципов взаимоотношений коммунистических партий и социалистических государств. Была подчеркнута важность современных процессов обновления социализма, учета всей совокупности опыта, в том числе отрицательного. Общим был вывод «круглого стола» о том, что реформирование социально-экономических и политических структур коллективистского общества в соответствии с опытом развития мирового социа-

лизма и требованиями эпохи научно-технической революции призвано исключить саму возможность перерастания естественно проявляющихся различий в политике социалистических государств в антагонистические отношения.

Едемский А. Б.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Волков В. К., Гибианский Л. Я.* Отношения между Советским Союзом и социалистической Югославией: опыт истории и современность.— Вопросы ис-

тории, 1988, № 7; *Гиренко Ю. С.* СССР — Югославия: 1948 год.— Новая и новейшая история, 1988, № 4.

2. Советско-югославский конфликт 1948—1953 гг.: причины, развитие, последствия и уроки («Круглый стол»).— Рабочий класс и современный мир, 1989, № 3; Крупное поражение Сталина. Советско-югославский конфликт 1948—1953 гг.: причины, последствия, уроки.— Московские новости, 1989, 2 июня.

3. Правда, 1988, 6 XII.

4. *Mikecin V.* Uzroci i ponke sukoba SKJ i Informbiroa (Jedno preispitivanje).— Kulturni radnik, 1989, № 3.

ОБМАНУТЫЕ ОЖИДАНИЯ

Пребывание у власти в Болгарии (октябрь 1919 г.— июнь 1923 г.) правительства Болгарского Земледельческого Народного союза (БЗНС) — первая в истории попытка крестьянской демократии найти собственный путь преобразования общества. История этого правительства, его достижения и промахи приобретают самодовлеющее значение в нынешнем сложном и многообразном мире. Привлекает внимание и яркая фигура лидера БЗНС — Александра Стамболийского — народного трибуна, активного борца против войны, пламенного патриота, мученически погибшего на своем посту.

Историография вопроса весьма обширна. К сожалению, однако, надо отметить, что среди многочисленных работ на эту тему советских авторов нет ни одной монографии. Тем больший интерес вызывает вышедшая в издательстве «Высшая школа» небольшая монография А. Крапивина [1].

В библиографическом справочном аппарате книги указан большой круг источников (пресса, парламентские отчеты, мемуары, материалы более десяти болгарских архивов и др.), что позволяет надеяться как на более полное привлечение фактов, так и на новое их прочтение в контексте и в сопоставлении с новыми историческими реалиями.

В книге — введение, шесть глав и заключение. Рассматривая биографию А. Стамболийского в хронологическом плане, автор приводит немало интересных подробностей, обогащающих наше представление о незаурядной личности крестьянского вождя первой четверти нашего века. Особое внимание уделено внешне-

политической деятельности А. Стамболийского. Читается книга легко. Но уже с первых страниц возникает ощущение какой-то неполноты и недоговоренности. Прежде всего это относится к БЗНС. Организация, сумевшая объединить крестьян, существующая после определенной трансформации и ныне как важный фактор в общественно-политической жизни Народной Республики Болгарии, не могла возникнуть на пустом месте. Болгарскими и советскими историками выявлена неоспоримая связь возникновения БЗНС с массовыми крестьянскими волнениями, прокатившимися по стране в 1899—1900 гг., приведшими к трагическим событиям в селах Трыстеник и Шабла-Дуранкулак. У автора об этих событиях даже не упоминается. Создание Союза в его изложении выглядит просто: «В конце XX столетия в Болгарии возникло несколько очагов крестьянского движения, инициаторами которых стали сельские учителя-интеллигенты» (с. 10). Такое объяснение не выдерживает критики. Ведь без понимания сущности конфликта, раздиравшего болгарское общество на рубеже двух веков, невозможно понять и происхождение «сословной теории», лежавшей в основе идеологии БЗНС, и всех перипетий дальнейшей борьбы. Отсутствие в книге хотя бы короткой справки по этому вопросу значительно обедняет изложение.

Слабо дан анализ философских воззрений А. Стамболийского, которые основывались помимо сословной теории также на биологическом материализме. Вызывает, в частности, возражение следующее утверждение автора: «Мы считаем, что,

несмотря на устарелость идей биологического материализма в общевропейском масштабе к началу XX века, они имели некоторые прогрессивные черты применительно к болгарским условиям: способствовали изживанию вредных, идеалистических теорий, формированию материалистических взглядов у болгарских крестьян» (с. 35). Как-то даже неудобно получается: неужели то, что плохо для Европы, хорошо для Болгарии?

Неясны и размыты характеристики Стамболийского. На с. 33—34 Крапивин уверенно пишет: «В его воззрениях... отразилась двойственная природа мелкого собственника, его неустойчивость и шаткость перед натиском капитализма... Взгляды Стамболийского — воплощение противоположности и противоречий». Возражений нет. Но почему же тогда несколькими страницами ранее автор не менее категорически предупреждает: «...Самокритичный подход Стамболийского к внутренним проблемам Земледельческого Союза не должен... давать пищу лишь для рассуждений о противоречивости психологии мелкого буржуа, не способного создать стабильную в организационном плане политическую силу» (с. 27)?

По мере чтения вопросы постепенно накапливаются, не находя ответа в книге.

Наибольшее недоумение вызывает глава V — «Реформаторская политика правительства». Она занимает значительное место в книге — 43 страницы из 181, и это вполне закономерно. Казалось бы, именно здесь автор раскроет главное — как БЗНС и его руководитель А. Стамболийский, придя к власти, осуществляли свои программные цели, как отвечали чаяниям крестьянских масс. Однако ожидания читателей оказываются обманутыми.

Прежде всего поражает противоречивость авторских оценок результатов реформаторской деятельности А. Стамболийского. На с. 106 мы читаем: «...К февралю 1921 г. часть реформ Земледельческого правительства уже показала свою внутреннюю несостоятельность...» На с. 111: «К осени 1921 г. Стамболийскому стало ясно, что его реформационная политика терпит одно поражение за другим и в деятельности его правительства наступает переломный момент». На с. 119 — «В этой трудной и крайне напряженной ситуации начала 1922 г. Стамболийский ищет пути выхода из кризиса, в котором оказался и БЗНС и правительство. Выступая в Народном собрании, секретарь

ЦК БКП В. Коларов верно охарактеризовал положение в стране: «Стамболийский не отступает, хотя и терпит поражение, терпит страшное поражение»¹.

Казалось бы, мнение автора ясно. Но нет: на с. 129 он утверждает уже нечто совершенно противоположное: «Таким образом, первые два с половиной года деятельности Стамболийского на посту главы болгарского правительства были отмечены значительными достижениями как в области внутренней, так и внешней политики. Благодаря его усилиям и настойчивости были проведены в жизнь ряд важных реформ, значительно оздоровивших народное хозяйство страны и укрепивших курс на дальнейшую демократизацию общества, углубивших революционный процесс».

Где же все-таки автор прав — на с. 106, 111 и 119 или же на с. 129? Читатель об этом судить не может, поскольку о самих реформах, о ходе их принятия и осуществления в книге почти ничего не сказано. Однако не будем голословны. На с. 91 А. Крапивин пишет: «Одной из первых реформ, автором которой был Стамболийский и которую он разрабатывал в течение нескольких лет, было введение всеобщей трудовой повинности...» «Отношение политических партий к законопроекту о трудовой повинности было неоднозначным». (Автор, очевидно, хотел сказать «неодинаковым», так как дальше речь идет о резко различном, но вполне определенном, т. е. однозначном отношении к законопроекту, с одной стороны, буржуазных партий, с другой — болгарских коммунистов.) Однако, сказав об этом несколько слов, автор отвлекается на внешнеполитические сюжеты и больше к данному вопросу не возвращается. Судьба закона остается читателю неизвестной.

Еще меньше повезло аграрной реформе. На с. 95 А. Крапивин впервые упоминает о ней, но сразу же смешивает два разных закона: 1) об увеличении размера государственных земель и 2) о трудовой поземельной собственности (ТПС). 17 июня 1920 г. началось обсуждение в Народном собрании первого из них. Сказав, что «...проведение закона об аграрной реформе в жизнь затягивалось», автор вновь уходит в рассмотрение внешнеполитической деятельности Стамболийского. А ведь в действительности главный

¹ Перевод не точен. Надо: «Господин Стамболийский не отступает: он терпит поражение, он терпит страшное поражение». См. [2].

закон, в котором шла речь о наделении крестьян землей (закон о ТПС) начал обсуждаться в Народном собрании только почти год спустя (весной 1921 г.). Принятие его и осуществление сопровождалось острой борьбой! Об остальных реформах — скороговорка еще менее внятная. И это в главе, повторяем — большой по размерам главе, которая называется «Реформаторская политика правительства».

В чем же причины подобных странностей — противоречивых авторских оценок, необъяснимого умолчания о важнейших событиях в жизни А. Стамболийского и руководимого им Союза? На наш взгляд, они кроются в крайней несамостоятельности автора. Имея в своем распоряжении богатые источники, А. Крапивин, как это ни удивительно, не только предпочитает во многих случаях пользоваться чужими выводами и оценками, но и не останавливается даже перед прямыми заимствованиями.

Нами выявлено до двух десятков текстуальных совпадений отдельных абзацев и даже страниц в книге А. Крапивина и в ранее опубликованных работах других авторов.

Так, начало первой главы своей книги (с. 8—9) А. Крапивин полностью заимствует из статьи Т. Ф. Маковецкой и Т. А. Покивайловой «Крестьянские партии в политической структуре Болгарии и Румынии в первой четверти XX в.» [3]. Более страницы убористого текста усердно переписаны, включая знаки препинания и ссылки!

М. Ф. АЛЕФИРЕНКО. Теоретични питання фразеології. Харків, 1987, 136 с.

Н. Ф. АЛЕФИРЕНКО. Теоретические вопросы фразеологии

Центральной проблемой рецензируемой монографии является взаимодействие фразем¹ с основными единицами языка. Вполне закономерна поэтому постановка вопроса об уровневой природе фразеологических единиц и их месте в системе языковых уровней.

Автор приводит ряд доводов в пользу существования особого фразеологического уровня. Очевидно, что данный вопрос может быть решен неоднозначно. Это зависит не только от теоретических установок и вкусов того или иного автора, но и от сложности самого объекта, текучести границ фразеологии, их пересече-

Другие заимствования покороче — абзац, два, иногда — две-три фразы. Но их много. Перечислим некоторые из них:

На с. 72 книги — заимствование из доклада Хр. Христова на международной научной конференции [4]; на с. 76 и 103 — из книги «Советское славяноведение» (Минск, 1969, с. 191—192 и 194); на с. 90, 93, 95, 104 — из «Ученых записок Института славяноведения АН» (т. 10. М., 1954, с. 14, 11, 36, 67, 69—70); на с. 92 — из книги А. Велева «Главни реформи на земеделското правителство» (София, 1977, с. 52); на с. 113 — из книги Д. Мельцера «Советско-болгарские отношения» (Минск, 1975, с. 53); на с. 126, 131, 136, 137 (два заимствования), 143, 146 и 148 — опять из «Ученых записок Института славяноведения АН СССР» (т. 11. М., 1955, страницы соответственно 76, 83, 85, 97, 98, 100, 106, 110 и 112).

Таким образом, при большой заявке на тему книга А. Крапивина не отвечает требованиям, предъявляемым к научному изданию.

Киршевская А. П.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крапивин А. Александр Стамболийский: жизнь, взгляды, деятельность. М., 1988.
2. Дневници (стенографски) на XIX Обикновено Народно Събрание II Извъредна сесия, кн. 2. София, 1923, с. 1070.
3. Балканские исследования. М., 1984, с. 200.
4. Александр Стамболийски: живот, дело, завети. София, 1980, с. 41.

ния со смежными и периферийными зонами и т. д. Однако нельзя не признать и того факта, что уровневые признаки выражены у фразеологизмов достаточно своеобразно. Так, фразеологизмы практически не вступают в синтагматические связи друг с другом (подобно линейным отношениям фонем и фонем, морфем и морфем и т. п.). Вызывают сомнение и иерархические отношения фразеологизмов. Составные части ФЕ лишены той качественной определенности и стабильности, какие свойственны интегрантам уровневых единиц (например, фонемам и морфемам как частям слова). Даже если согласиться с тем, что компоненты фразеологизма имеют особые значения, то придется допустить, что один и тот же компонент в разных фразеологизмах обладает различными значениями. Еще

¹ Наряду с используемыми в монографии терминами «фразама» и «фразеологическая единица» (ФЕ) в рецензии на правах синонима употребляется термин «фразеологизм».

более сомнительны возможности фразеологизмов путем соединения собственных элементов порождать качественно новые, более сложные образования (типа «фразеосочетаний» и «фразеопредложений») подобно тому, как, например, объединение морфем дает слово.

Вместе с тем нельзя не согласиться с Н. Ф. Алефиренко, что проявление уровней свойств (парадигматических, синтагматических, иерархических и др.) зависит от качественного своеобразия самих единиц, претендующих на место в системе языковых уровней.

С нашей точки зрения, фразеологизмы не образуют самостоятельного уровня в стратификационной иерархии языка, если последовательно строго придерживаться того понимания уровня, в соответствии с которым выделяются такие единицы, как фонемы, морфемы и лексемы. Отрицательный вывод об уровне новостности фразеологизмов отнюдь не исключает их многосторонних и глубоких связей с собственно уровневыми единицами. Напротив, в образованиях синтетического и гибридного характера, к которым относятся и фразеологизмы, степень уровневой проницаемости и междуровневого взаимодействия не ниже, если не выше, чем в единицах уровняго типа.

В монографии анализируется комплекс проблем, связанных с идеей взаимодействия фразеологизма и слова. Подробно решается вопрос о семантической структуре фраземы и слова, лексической вариантности ФЕ, отфраземном словообразовании, отношениях лексико-фразеологической синонимии.

Отмечая особую абстрактность фразеологической семантики, автор полагает, что в основе содержания ФЕ лежат не сами денотаты, а образы соответствующих предметов и ситуаций, формирующие в смысловой структуре фразем специфические коннотации (с. 19—20). Алефиренко приходит к выводу, что качественное различие между базовым словосочетанием и собственно фраземой состоит в неодинаковом распределении денотативных и коннотативных схем.

Приведенные рассуждения автора, конечно, заслуживают внимания. Однако отдельные примеры могут вызвать у читателя сомнения. Так, Алефиренко считает, что во фраземе *держати хвіст бульбюком (морковкою, трубою)* 'не унывать, не тосковать, быть уверенным в себе' последний компонент, а также его варианты утратили денотативные смыслы и стали носителями дифференциальных

сем 'бодрость', 'здоровье', 'оптимизм' и под. (с. 24).

Вариантность справедливо рассматривается в книге как особая форма взаимодействия лексем и фразем. Вместе с тем вопрос о разграничении фразеологических вариантов и синонимов не получил в рецензируемой монографии необходимой четкости и убедительности. Если исходить из авторского понимания вариантов и синонимов ФЕ (с. 25—26), то важнейшим и единственным критерием их разграничения (в том случае, когда и варианты, и синонимы совпадают по значению) является внутренняя форма, которая базируется на семантике исходных лексем. Однако поскольку диапазон варьирующих лексем довольно широк (от синонимии до семантико-ассоциативных связей), то и критерий тождества образности (при вариантности) или различия образности (при синонимии) становится неопределенным и зыбким. С нашей точки зрения, учитывая двойственность компонентов, выступающих одновременно и как полноценные слова (на уровне этимологического значения ФЕ), и как деактуализованные слова (на уровне актуального значения фразеологизма), следует допустить более широкую переходную зону вариантов-синонимов, между компонентами которых обнаруживаются недостаточно четкие смысловые связи (например, ассоциативные). Ср. в русском языке: *каши (пива) не сварить и книги (карты) в руки, лежать на боку (на печи), пороховая бочка (погреб)*. Думается, что с ростом числа варьирующих компонентов, а также при совмещении различных типов варьирования (например, лексического и грамматического) указанная переходная зона смещается в сторону синонимии.

Сильной стороной обсуждаемого исследования является постоянный интерес автора к периферийным фактам в области украинской фразеологии. Вводя по аналогии с термином «аффиксоид» термин «фразелоид», Алефиренко указывает, что от словосочетаний фразелоиды отличаются большей устойчивостью, а от фразем — характером и мерой лексико-грамматической неразложимости. Стержневой компонент фразелоидов реализует прямое номинативное значение, а зависимый — вторичное, производное значение (ср. *червона субота, зоряний екпаж* и под.).

В работе прослеживается своеобразие значения устойчивых терминов по срав-

нению с семантикой фразем. По мнению автора, в составе аналитических и воспроизводимых терминологических сочетаний актуализируются объективные семы (*білий гриб*), а в составе фразем — эмоционально-экспрессивные и потенциальные семы (*біла ворона*) (с. 85).

В целом рецензируемая монография

представляет собой серьезное и актуальное исследование, в котором рассматривается комплекс проблем, связанных с взаимодействием фразем с основными уровневыми единицами. Книга Н. Ф. Алефиренко — заметный вклад в украинскую и общую фразеологию.

Жуков А. В.

Л. ПЕЛКА. *Polska demonologia ludowa*. Warszawa, 1987, 238 s.

Л. ПЕЛКА. *Польская народная демонология*

Представления о демонических существах, живущих и действующих вокруг человека — одна из интереснейших областей народной культуры. Эти представления, сохраняясь у славян вплоть до XIX—XX вв., отражали черты языческого мировоззрения, но испытали также сильное влияние христианства. Изучение их представляет несомненный интерес и для этнографов (и всех интересующихся духовной культурой), и для фольклористов (которые анализируют жанры, типы текстов, повествующих о встрече с нечистой силой), и для языковедов (изучающих названия демонов — ценнейший источник для исследования самих народных демонологических представлений).

Демонология славян, достаточно полно описанная многими учеными и собирателями прошлого и нынешнего веков, стала предметом многих специальных исследований (см. книги Д. К. Зеленина, Э. В. Померанцевой, С. В. Максимова, Т. Р. Джорджевича, С. Зечевича, И. Георгиевой и др.). Демонология поляков исследовалась такими «классиками», как Я. С. Быстронь, А. Фишер, К. Мопиньски. Ценные статьи, посвященные нечистой силе, вошли в «Словарь польского фольклора» Ю. Кшижановского, «Словарь кашубских говоров» Б. Сыхты; в подготавливаемый в Люблине под руководством Е. Бартомьского «Словарь народных языковых стереотипов». Демонология активно исследуется современными фольклористами и лингвистами. Но до последнего времени практически единственной книгой, посвященной специально польской народной демонологии, была работа Б. Барановского [1]. Поэтому столь важным стало издание новой монографии по этой теме Л. Пелки, предложившего, как и Барановский, характеристику всей системы польских демонологических персонажей и более подробно рассмотревшего определенную локальную традицию. Для Барановского основой послужил полевой материал, собранный в

центральной Польше, для Пелки — материал из восточных районов (белостокский, люблинский и жешовский ареалы).

Книга Л. Пелки состоит из пяти глав, введения и заключения. Во введении автор определяет избираемый аспект исследования: социально-исторические условия и (в меньшей степени) психологические предпосылки возникновения, эволюции и стирания демонологических представлений. В главе 1 («В поисках происхождения народной демонологии»), определив понятие демонологии, автор переходит к обзору письменных источников сведений о славянских демонах. Подробнее характеризуются польские и переводные издания XVI—XVII вв., посредством которых в Польше распространились западноевропейские представления о чертах и ведьмах. Отмечается влияние ярмарочной литературы, сакрального искусства и зрелищ религиозного характера на формирование народных представлений о нечистой силе. Автор предлагает свою классификацию славянских демонологических персонажей, используемую в последующих главах как основа для группировки и польского материала. Пелка выделяет атмосферных демонов, духов природы, демонов, олицетворяющих явления общественной жизни (покровителей и вредителей), а также парадемонические явления (неопределенные страхи, привидения и призраки). К сожалению, приводимый славянский материал не всегда снабжен точной информацией о географии образа или термина (например, в описании полудницы вообще не содержится локальных характеристик). В разделе «Исследования по славянской и польской демонологии» помещен обстоятельный обзор работ по демонологии начиная с XIX в. Главным фактором формирования польской модели демонологии автор считает процесс синкретизации народной культуры и христианской традиции, сопровождаемый

и искоренением старых верований, и ассимилятивными явлениями, и привнесением новых мотивов («Сущность и характер народной демонологии»).

Нам представляется, что ценным было бы изучение своеобразия польской системы демонологии на общеславянском фоне. Интересно было бы проследить линии объединения и различия польской демонологии с соответствующими системами других славян. В качестве факторов, повлиявших на устойчивость народных представлений о нечистой силе, автор указывает силу традиции, народный характер и простоту системы старых поверий. Переходя к историческому рассмотрению материала, автор отмечает, что система демонологических персонажей, первоначально более простая, подвергалась впоследствии усложнению. Разнообразие мотивов, характеризующих того или иного демона, он склонен считать результатом объединения разных мифологических образов в один. (Ср. более осторожное замечание К. Мошинского о первоначальной простоте и последующем усложнении номенклатуры демонологии.) Автор выделяет следующие этапы эволюции народных демонологических представлений: 1) X—XV вв. — этап формирования польских поверий о демонах на основе старых славянских представлений под сильным влиянием процессов христианизации; 2) XVI—XVIII вв. — период возникновения (под влиянием конфессиональной и ярмарочной литературы) народно-христианской демонологии, включающей представления о дьяволе, ведьме, смерти, осужденных душах; выделение демонов, связанных с определенными профессиями (кузнечное, горное дело, пчеловодство и т. п.); 3) XIX — первая половина XX в. — уменьшение влияния конфессиональной литературы на народное сознание; народные поверья постепенно стираются, демоны лишаются атрибутов сверхъестественности и былой «остроты» и переходят в сферу «фольклора» с воспитательно-морализаторскими и сатирическими акцентами; 4) период после второй мировой войны, постепенный распад представлений о демонах.

Нам кажется, что подобный исторический подход может быть применен к народной демонологии, сохраняющей значительную архаичность и на поздних стадиях своего бытования, лишь с большой осторожностью. Этот подход применим скорее к отдельным мотивам, чем ко всей системе демонологии; к тому же он осложнен отсутствием надежной ин-

формации об изучаемом предмете в предшествующие века. Некритическое сравнение материалов, взятых из источников XIV—XVIII вв. (нередко подвергшихся литературной обработке, стилизации, новым влияниям) и из более достоверных записей XIX—XX вв. грозит опасностью смешения фактов разного уровня. Попытки Л. Пелки установить «периодизацию» образов отдельных персонажей не представляются сильной стороной книги. Так, в очерке образа ведьмы автор ставит в один ряд наносные мотивы и исконно славянскую основу образа, к различению которых призывал К. Мошинский.

В последующих главах содержится обзор польских демонов на основании принятой автором классификации: описывается «демоническая персонафикация атмосферных явлений» (гл. 2), «демоны природы» (гл. 3), «демоническая персонафикация общественной жизни» (гл. 4), «шаредемонические явления» (гл. 5). По отдельным группам демонов приводятся свидетельства о персонаже в старых источниках или перечисления названий демона, цитируется материал, взятый из этнографической литературы XIX—XX вв. (особенно много перепечатано из труда О. Кольберга). Ценнейшая сторона работы — публикация обильного полевого материала, собранного кафедрой этнографии и этнологии Люблинского университета им. М. Кюри-Скловской под руководством проф. Р. Рейнфуса в 1962—1965 гг. При подаче материала автор выделяет ведущие для персонажа моменты, но многие важные мотивы остаются невыявленными. Нам кажется, что при характеристике отдельных демонов (или их видов) плодотворным было бы установить постоянный набор существенных признаков, «анкету», которая была бы предъявлена каждому из персонажей и включала бы такие признаки, как место обитания, время появления, внешний вид, поведение, происхождение, обереги, применяемые против него.

При пользовании книгой остро ощущается проблема классификации, подачи (и восприятия, нахождения) материала. В системе признаков, характеризующих мифологический образ, трудно однозначно выделить какой-либо один ведущий мотив (в разных локальных традициях на первый план могут выдвигаться разные мотивы), и всякая классификация, основанная на отдельных признаках, а не на их комплексе, неизбежно будет условной. В книге Л. Пелки информация

о демоне, обозначаемом одним именем, может оказаться в разных главах, в зависимости от того, какой аспект или локальный вариант образа выберет за основу автор. Так, *богинка (жамуна)* описана и в разделе «Прибрежная демонология» (гл. 3), и в разделе «Демоны, наносящие вред роженицам и похищающие младенцев» (гл. 4). К сожалению, в тексте нет ни ссылок, которые позволили бы читателю соотнести эти сведения, ни общего указателя. Иногда автор отказывается от подобного разрыва материала и идет за термином, описывая в одном разделе различные персонажи, обозначаемые одним именем (как в случае с демоном *latawiec*).

В конце каждой главы помещены тексты рассказов о нечистой силе, что представляется весьма плодотворным. Мы найдем здесь полные тексты быличек, недостаток публикации которых так остро ощущается в фольклористической литературе. Особенно ценны впервые публикуемые архивные материалы. Интересны приводимые автором процентные данные, касающиеся ответов на отдельные пунк-

ты программы. Жаль, однако, что приводимые материалы не снабжены географическими пометами (кроме самых общих: «в восточной Польше»). Вообще, географическая характеристика в книге иногда бывает не совсем точной. Так, распространение поверий о болотном и водном демоне *rokita* автор ограничивает Жешовским Подгорьем, тогда как география этого слова и образа шире: вся Малая Польша, Силезия и Великая Польша.

Книга Л. Пелки может быть интересна для широкого читателя, стремящегося получить представление о польской народной демонологии, а также — особенно благодаря помещенным в работе архивным материалам — для специалистов по различным областям народной культуры.

Санникова О. В.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Baranowski B.* W kręgu upiórów i wilkołaków. Łódź, 1981.

КНИЖНАЯ ПОЛКА СЛАВИСТА

- Стамов С. А.* Българската жилищна архитектура, XV—XIX век. София, 1989, 148 с., ил.
- Статут Великага Княства Літоўскага, 1588: Тэксты. Даведнік. Каментарыі / Гал. рэд. Шамякін І. П. Мінск, 1989, 573 с., ил., факс.
- Стойков А.* Културата, приемственост и развитие. София, 1989, 215 с.
- Тасев З.* Хоризонти на лирическата поривност. София, 1989, 219 с.
- Хаджидимов Д.* Публицистика, писма и документи / Съст. Мичен Д., Първанов Г. София, 1989, 589 с.
- Шевченко і світ: Літ-крит. ст. / Упоряд. Наливайко Д. С.; Київ, 1989, 316 с.
- Arcydzieła literatury polskiej: Interpretacje / Pod. red. Grzeszczuka S., Niewolak-Krzywdy A. Rzeszów, 1988. T. 2, 263 s.
- Bartoszewicz K.* Konstytuja 3 maja; Kronika dni kwietniowych i majowych w Warszawie w r. 1791. Warszawa, 1989, 223 s., il.
- Boban L.* Kontroverze iz povijesti Jugoslavije: Dokumentima i polemikom o temama iz novije povijesti Jugoslavije. Zagreb, 1987, 453 s.
- Bartelski L. M.* Powstanie warszawskie. 4-e wyd. Warszawa, 1988, 303 s.
- Bąba S.* Twardy orzech do zgryzienia czyli o poprawności frazeologicznej. Poznań, 1986, 106 s.
- Borejsza J. W.* Antyślawizm Adolfa Hitlera. Warszawa, 1988, 152 s.
- Brückner A.* Mikołaj Rej. Warszawa, 1988, 200 s., il.
- Bugański M.* Podstawowe zagadnienia lingwistyki normatywnej. Wrocław, 1989, 231 s.
- Czubiński A., Topolski J.* Historia Polski. Wrocław etc., 1988, 690 s., il., 2 ark. m.
- Čada V.* Vznik samostatného Československa. Praha, 1988, 107 s.
- Dąbrowska-Partyka M.* Poetyka i polityka proza serbskiej lewicy międzywojennej. Warszawa; Kraków, 1988, 103 s.
- Dějiny táboru / Zprac.: Šmahel F. et al.; Věd. red.: Janoušek B. Budějovice, 1988.
- D. I. Sv. I. Do roku 1421. 326 s., 24 l. il.
- Dubisz S.* Między dawnymi a nowymi laty: Eseje a języku. Warszawa, 1988, 295 s.
- Fryś-Pietraszowa E., Kunczyńska-Irackska A., Pokropek M.* Sztuka ludowa w Polsce. Warszawa, 1988, 339 s., il.
- Hevier D.* Dorozumenie v jednej reči: (Desat' sloven. básnikov). Praha, 1988, 126 s.
- Głombiowska Z.* Łacinska i polska muza Jana Kochanowskiego, Warszawa, 1988, 255 s.

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

МЕДИЕВИСТИКА НА СТРАНИЦАХ «ТРУДОВ» ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА В ЗАДАРЕ

С 1956 г. в Задаре (Югославия) работает философский факультет (сейчас он входит в состав Сплитского университета), и более тридцати лет он объединяет вокруг себя специалистов по истории, этнографии, археологии, искусствознанию этого края, да и всей Далмации в целом. Тридцать лет выходят в свет и его «Труды» («Radovi»), в которых заметное место занимают исследования по истории средних веков. Сборники эти производят самое благоприятное впечатление, они издаются со множеством фотографий, таблиц, карт, на высоком полиграфическом и издательском уровне, с резюме (на английском или итальянском языке) и кратким содержанием в начале каждой статьи¹.

Что же публикуют задарские медиевисты в своих «Трудах»? Их работы можно подразделить на несколько групп. Прежде всего назовем источниковедческие исследования. Это — небольшие по объему статьи о порядке назначения нотариусов по грамоте императора Сигизмунда 1437 г. (т. 20), о завещании задарской аристократки 1452 г. (т. 18), о формулярах латинских грамот из Боснии и Хума XII—XV вв. (т. 24), о грамоте боснийского короля Степана Остои 1417 г. (т. 26).

На фоне этих небольших этюдов выделяются два обширных исследования, принадлежащих перу старейшего знатока хорватского средневековья проф. С. Антоляка, прежде всего обширная (75 с.) статья, посвященная анализу до сих пор не опубликованной грамоты хорватского короля Крешимира I 950 г. (т. 10). Об-

наружив ее в Сплите и проанализировав, автор по-новому датировал многие важные события хорватской истории. Его вторая статья (т. 18) содержит критическое исследование текста недавно опубликованного мной (в Югославии и в СССР) памятника хорватского обычного права, так называемого Вранского законника 1454 г. Судя по третьей статье С. Антоляка (т. 16), картина землевладения в окрестностях Задара была более многообразной, чем считали до сих пор.

Вторую крупную группу публикаций составляют исследования искусствоведов, признанным главой которых в Задаре является проф. И. Петрициоли. Его перу принадлежит статья о строительстве и перестройке в ренессансном духе ряда зданий в городе, в частности архиепископского дворца (т. 6). Работу отличает множество извлечений из архивных текстов, как сейчас принято у югославских искусствоведов. Фотографии и чертежи сельских церквей сопровождают и вторую статью Петрициоли, посвященную задарским строителям, трудившимся в окрестностях города (т. 20). Публикации средневековых текстов об истории крепости («каштеля») св. Михаила на о-ве Углян посвящена его третья работа (т. 26). Вниманием к деятельности задарских ремесленников отмечены исследования И. Петрициоли о творчестве ювелира Фомы, жившего в конце XV — начале XVI в. (т. 25), и об уставах («матрикулах») корпорации св. Елизаветы 1426 и 1540 г. (т. 16). В последней статье интересны фотографии матрикул, написанных по-хорватски (редкая особенность!), отлично иллюстрированных и хорошо сохранившихся. Работы К. Радулич о медных блюдах (т. 6) дополняют этот список исследований по истории искусства.

Особняком стоят две работы, посвященные не самому Задару, а соседнему Книну. Н. Якшич выясняет, где в пре-

¹ Пользование «Трудами» значительно облегчается прекрасно составленной библиографией [1]. В дальнейшем изложении я буду везде опускать названия статей и даже кое-где имена авторов, называя лишь номер тома.

делах городской территории Книна находилась крепость Лаб, резиденция хорватского правителя («подбана») и городской собор XIII в. (т. 20). Ф. Смилянич, используя письменные и археологические памятники, исследует местность «Капитул» около Книна (т. 26).

Отдельный том (т. 23) содержит большую подборку материалов по истории анжуйского владения в Далмации (1358—1409). В нем приняли участие не только задарские, но и загребские и сплитские исследователи. Здесь обращают на себя внимание исследования о значении Задарского мира 1358 г. для Далмации, о городских обществах далматинского побережья, о выдающемся произведении средневековой литературы —

«Осаде Задара», о вещественных памятниках по истории города.

За пределами моего обзора поневоле остался ряд небольших статей. Но и приведенного достаточно для того, чтобы представить ведущие направления, в русле которых идет работа задарских медиевистов. Плоды их исследований производят внушительное впечатление.

Фрейденберг М. М.

ЛИТЕРАТУРА

1. Sokota M. Bibliografija «Radova». Filozofskog fakulteta u Zadru. Sv. 1—25. Zadar, 1986.

Б. МАРИНКОВИЋ. Библиографија о нашем ћирилчком штампарству, штампаријама и књигама XV, XVI и XVII столећа. Прва књига. «Мних Макарије от Чрније Гори» (XV—XVI). Цетиње, 1988, 309 с. + 18 Табл.

Б. МАРИНКОВИЋ. Библиографија нашег кирилловског књигопечатања, типографиј и књиг XV, XVI и XVII в. Кн. I. «Монах Макариј из Черной Гори» (XV—XVI)

В 1993 г. исполняется 500 лет южнославянского книгопечатания кирилловским шрифтом. Уже сейчас в СФРЮ начата подготовка к этой юбилейной дате. В 1989 г. Черногорская академия наук и искусств провела первую юбилейную конференцию. Центральная народная библиотека СР Черногории и издательство «Цанкарева заложба» в 1986—1987 гг. выпустили в свет факсимильные издания первых южнославянских кирилловских изданий — Октоиха первогласника 1494 г. и Псалтыри с исследованием 1495 г. К числу юбилейных изданий следует отнести и трехтомный указатель литературы о южнославянском книгопечатании, который выпускает Центральная народная библиотека СР Черногории. Первый вышедший в свет том указателя посвящен типографии черногорского властителя Джурджа Црноевича, работавшей в 1493—1496 гг. Работал в этой типографии «смеренний и священный мних Макарије от Чрњије Гори» (так он подписывался в послесловиях своих изданий). Человек, носивший то же имя, основал первую типографию в Валахии, действовавшую в 1508—1512 гг. Есть разные мнения об идентичности этих

двух типографов. Составитель указателя Б. Маринкович считает, что в Черногории и Румынии работал один и тот же человек, почему и включает в свою библиографию сведения о работах, посвященных валахскому Макарию.

Указателю предпослано большое предисловие,носящее, главным образом, историографический характер. Здесь рассматриваются и всевозможные спорные вопросы, например, где работала первая черногорская типография — в Цетинье или в Ободе?, существовал ли Сборник, напечатанный в Венеции в 1495 г.

В указателе приведены библиографические описания 2188 книг, журнальных и газетных статей, опубликованных в 1753—1987 гг. Материал размещен в хронологическом порядке. Б. Маринкович провел поистине титаническую работу по розыску не только капитальных научных работ, но и малейших, иногда случайных упоминаний о первой черногорской типографии. Надо сказать, что такая «всеядность» несколько затрудняет работу с указателем, ибо обращающийся к нему исследователь не может выделить действительно серьезные и заслуживающие внимания публикации, а приводя биб-

лиографические описания, составитель не указывает общий объем книг и страниц, а приводит лишь те страницы, на которых упоминается типография Црноевича-Макария.

Тем не менее значение указателя, вводящего в научный оборот сотни публикаций, затерянных в малоизвестных изданиях, переоценить трудно. Работа Б.Маринковича окажет существенную помощь исследователям, изучающим историю культуры южных славян.

Всяческих похвал заслуживает научный аппарат книги, включающий указатели имен (раздельно для кирилловского и латинского алфавитов), названий книг и статей, географических наименований.

В приложении к книге воспроизведены репродукции отдельных страниц изданий Макария, которые хранились в Народной библиотеке в Белграде и погибли во время фашистской бомбардировки в 1941 г., а также очень редкого Октоиха 1510 г. из библиотеки Хиландарского монастыря (Греция). Помещены также репродукции страниц рукописного Четвероевангелия 1548 г., которое копирует несохранившееся печатное Четвероевангелие около 1496 г., вышедшее из типографии Макария.

При всей своей обстоятельности указатель Б.Маринковича не свободен от пропусков и ошибок. Особенно огорчителен тот факт, что в нем не зарегистрированы известные труды русских библиографов, описывавших издания Макария: «Обстоятельное описание старопечатных книг славянских и российских, храня-

щихся в библиотеке... Ф. А. Толстова» П. М. Строева (М., 1829), «Обозрение славяно-русской библиографии» И. П. Сахарова (СПб., 1849), «Полное описание старопечатных книг... С.-Петербургской духовной академии» А. С. Родосского (СПб., 1884). Первые черногорские книги неизменно регистрируются в каталогах инкунабул. К сожалению, на страницах указателя Б.Маринковича мы не найдем библиографических описаний известных работ Г. Панцера, Л. Хайна, К. Бургера, Н. П. Киселева, Г. Шайо и Э. Шолтес, Б. И. Зданевича.

Пропущены упоминания о первой южнославянской типографии в записках таких русских путешественников, как Е. П. Ковалевский, Д. Голицын и др.

Далеко не все публикации Б.Маринкович описал «de visu». Об этом свидетельствует, например, такая ошибка: указана статья Т. Н. Каменевой «Черногорская типография, ее деятельность и издания» (с. 139, № 1132), а на самом деле статья называется «Черниговская типография, ее деятельность и издания», и о южнославянском книгопечатании в ней нет ни слова.

Не будем, однако, с излишней строгостью подходить к работе Б.Маринковича. Без ошибок и пропусков не обходится ни один из сколько-нибудь капитальных библиографических трудов. В целом же указатель югославского библиографа представляет значительный вклад в историографию славянской культуры.

Немировский Е. Л.

КНИЖНАЯ ПОЛКА СЛАВИСТА

- Góralski Z. Stanisław August w insurekcji kościuszkowskiej. Warszawa, 1988, 324 s.
Kasperek J. Konspiracyjny ruch ludowy na Lubelszczyźnie. 1939—1944. Warszawa, 1988, 466 s., 8 ark. il.
Kopecký M. Český humanismus. Praha, 1988, 283 s.
Kopertowska D. Nazwy osobowe mieszkańców podkieleckich wsi, 1565—1694. Wrocław etc., 1988, 132 s., m.
Kowalski P. Parterowy olimp: Rzecz o pol. kulturze masowej lat siedemdziesiątych. Wrocław etc., 1988, 201 s.
Kowalski W. T. Polska w świecie, 1945—1956. Warszawa, 1988, 646 s.
Kozłowski Cz. Rok 1948. Warszawa, 1988, 403 s.
Kultúrna politika v prestavbe / Paluda S. a kol. Br., 1988, 226 s.
Kurówicki J. Współczesny polski konserwatyzm jako forma socjalizmu drobnomieszczańskiego. Warszawa, 1988, 197 s.
Kvapil M. Pokrokové tradice česko-jugoslávských literárních vztahů. Praha, 1988, 124 s.
Leczyk M. Oblicze społeczno-polityczne Drugiej Rzeczypospolitej. Warszawa, 1988, 506 s.
Łódź: Dzieje miasta / Wyd. Kultury i Sztuki Urzędu Miasta Łodzi, Inst. Historii Uniwersytetu Łódzkiego. Warszawa; Łódź, 1988.
T. 1. Do 1918 r. / Red. Baranowski B., Fijałek J. Wyd. 2, 674 s., 21 ark. il., m.
Matejic M., Bogdanovic D. Slavic codices of the Great Lavra Monastery: A Description / Centre intern. d'inform. sur les sources de l'histoire balkanique et mediterraneenne, CIBAL. Sofia, 1989, 595 p., ill.

600-ЛЕТИЕ КОСОВСКОЙ БИТВЫ (1389)

21 июня 1989 г. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР была проведена научная конференция «Косовская битва 1389 г. и проблемы османского владычества в Европе».

Открывая конференцию, директор Института д-р ист. наук В. К. Волков отметил, что славянским народам за многие века их истории пришлось неоднократно испытать тяжкие невзгоды. В прошлом славянских стран было немало важных событий, значимость которых неодинакова для судеб славянского мира; таковы, например, монголо-татарское нашествие, Куликовская битва 1380 г., Косовское сражение 1389 г., Грюнвальдская битва 1410 г. Насколько были трагичными последствия Косовской катастрофы для южных славян, видно по малочисленности сохранившихся современных свидетельств, так что и историки располагают лишь малыми сведениями об этой войне. Все это подчеркивает актуальность современных исследований данной проблематики.

Председатель Союза исторических обществ СФРЮ, проф. д-р М. Дашич (Ун-т им. Велько Влаховича, Титоград) подчеркнул общеполитическую и этнокультурную значимость Косовской битвы 1389 г., нашедшей глубокое отражение в народном сознании и развитии освободительных идей, в ходе длительной борьбы против османского ига. М. Дашич обратил внимание собравшихся на то, что в истории сербского народа годовщина Косовского сражения отмечалась дважды: в 1889 г., когда Сербия и Черногория были уже независимы, но другие югославянские земли еще оставались под властью Порты, и теперь, в наше время, когда мы можем констатировать, что еще нужно исследовать. Говоря о задачах современной науки в этом плане, проф. Дашич указал на то важное обстоятельство, что в средневековых памятниках зачастую заметна недосказанность, скудность сообщений об османском

завоевании, а в имеющейся историографии налицо разные подходы, иногда тенденциозные оценки событий и этносоциальных сдвигов той эпохи. Именно поэтому так важно всесторонне изучить, как установилось в югославянских землях османское господство, показать, с точки зрения общеевропейской истории, почему Османская империя смогла долго удерживать обширные территории почти до Вены, хотя османы не включились в ареал европейской цивилизации.

Акад. Н. И. Толстой, обратившийся с приветствием к участникам от имени Фонда славянской письменности и славянских культур, обратил внимание на то, что немного было таких битв в славянской истории, которые оставили столь сильный и многосторонний отпечаток в фольклоре разных народов. Примечательно, что в югославянской среде Косово стало эпицентром сербского, македонского, болгарского эпоса, а сам косовский эпос стал значительным фактором не только художественного, но и национального сознания. По мнению Н. И. Толстого, нельзя согласиться с точкой зрения об отсутствии единого косовского эпического цикла, ибо возможны разные типы фольклорных циклов; в косовских же песнях отразились упования народных масс на то, что неудачи 1389 г. сменятся позднее победой в освободительной борьбе против османской власти. По словам Н. И. Толстого, М. Дашич справедливо поставил здесь вопрос о роли европейской и азиатской цивилизации, иными словами, о роли христианских и исламских идей, так как в Сербии той поры (в связи с османским завоеванием) возникает сложное сочетание элементов национального, религиозного (православного) и культурного самосознания местного населения.

В докладе «Косовская битва 1389 г. и османская экспансия на Балканах» д-р ист. наук Е. П. Наумов подчеркнул, что в настоящее время действительно не-

обходимы критическая переоценка имеющейся литературы и обращение вновь к средневековым памятникам, где нередко сохранились самые крупные и отрывочные свидетельства современников (подробнее см. [1]). В их числе, как показал докладчик, представляют особый интерес первые сообщения о Косовской битве — запись сербского книжника Божидача и заметка русского путешественника Игнатия Смольянина. Внимательный анализ этих и других материалов позволит, по мнению Е. П. Наумова, получить более точное и объективное представление о месте Косовской катастрофы в рамках противоречивой панорамы османской агрессии и антиосманской борьбы балканских народов (ср. [2]).

В докладе канд. ист. наук М. С. Мейера (МГУ) «Османское общество накануне и после битвы на Косовом поле (обзор современной турецкой и западноевропейской историографии)» было показано, как в работах ученых разных стран прослеживаются различные тенденции и направления в оценке раннеосманского общества, которое рассматривается либо как продолжение социальных институтов византийской и сельджукской традиции, либо как наглядный пример «разрыва» с христианской традицией (с особым акцентом на роль степной (номадской) культуры переселенцев из Анатолии). Столь же оживленную полемику вызывает в литературе сама проблема возможности применить критерии феодализма к османскому обществу, которое одни ученые характеризовали как «уникальное», нефеодальное, исключавшее эксплуатацию народных масс, а другие — уже как государство и общество «запоздалого феодализма», в силу этого оказавшее негативное воздействие на покоренные земли Балкан.

В своем докладе «Косово в фольклоре»

канд. филол. наук Ю. И. Смирнов, подготовивший специальный сборник письменных свидетельств и фольклорных текстов о Косовской битве, выразил сожаление, что историки почти не выражают интереса к осмыслению народными массами таких значительных событий. Не следует пренебрегать фольклором как главным источником, отражающим народные представления об эпохе османского нашествия. Как полагает Ю. И. Смирнов, на Балканах, пожалуй, не было трагичного ощущения и осмысления Косовского сражения, так как народу несвойственно признание своего поражения; поэтому нельзя говорить и о едином косовском цикле, хотя отдельные песни и возникали и записывались уже достаточно давно (самые ранние записи относятся к концу XVII и XVIII в.). В заключение Ю. И. Смирнов прочел свой перевод самой ранней «бугарштики» — песни о Косовской битве, зафиксированной уже в конце XVII в.

Завершая конференцию, В. К. Волков отметил тот факт, что в докладах и выступлениях была наглядно показана сложность всего данного круга проблем и важность комплексного их исследования; продолжение такого всестороннего анализа материалов подчеркивается наличием разных точек зрения и высказанных здесь критических замечаний.

Е. Н.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Наумов Е. П.* Косовская битва 1389 г.: К истории международных отношений на Балканах (Проблемы источникововедения и историографии). — В кн.: Славяне и их соседи. Международные отношения в эпоху феодализма. М., 1989, с. 37—39.¹
2. Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV—XVI вв. М., 1984, с. 47—48.

VI СЪЕЗД ЧЕХОСЛОВАЦКИХ ИСТОРИКОВ

Вышли основные материалы о VI съезде чехословацких историков, который состоялся в Праге 9—11 февраля 1989 г. [1]. Более 500 собравшихся чешских и словацких историков и гостей приветствовал зам. председателя ЧСАН акад. Ф. Валента. Он призвал участников к плодотворной деятельности на историческом поприще, цель которой — активное участие в перестройке общества.

С главным докладом «Историческая наука на современном этапе развития социалистического общества и ее перспективы» выступил председатель Чехословацкого исторического общества профессор Карлова университета В. Чапек. Он подчеркнул, что историки намерены активно участвовать в современном процессе перестройки, порожденной системой социализма. «Вовсе не пытаюсь при-

низить успехи, достигнутые нашей историографией, мы должны констатировать, что она не избежала новой разновидности описательности и идейных спекуляций и даже определенной конъюнктуры, что заметно снижало ее эффект». Существовавшая практика замены устаревшей абсолютной правды о прошлом новой абсолютной правдой уже изжила себя. Значительное место в докладе было уделено характеристике чехословацкой историографии на различных этапах ее развития.

Докладчик отметил, что в ходе переосмысления исторической продукции 50-х годов чехословацкая историография 60-х не избежала новых крайностей и серьезных методологических проблем. Он выделил новый этап в развитии историографии с начала 70-х годов, когда «постепенно создавались необходимые предпосылки для преодоления отклонений предшествующего периода и накапливались усилия для нового подъема». Действительность показала, что история не может быть просто дополнительным фиксатором событий и лишь подкреплять заранее выдвинутые тезисы; историография же как наука призвана содействовать ориентации человечества, государства и индивидуума.

Было отмечено, что дальнейшее развитие теоретико-методологических исторических исследований будет зависеть от активизации сотрудничества историков, филологов, экономистов, социологов. На общем снижении уровня теоретических размышлений сказывается нехватка научных дискуссий по проблемам гносеологии, о концептуальном подходе при подготовке крупных издательских предприятий, а также по вопросам ключевых этапов развития общества. В таких условиях исторической критике порой недостает надежных критериев, а зачастую и научной формы. Все это в итоге вызывало падение интереса и к историческим работам, основанным на оригинальном научном поиске.

В настоящее время имеет место новый подход к истории современной историографии, при котором действительно отражается состояние чехословацкого и мирового исторического мышления, а не просто перечисляются авторы и их труды. Очевидно, что положение с базовыми исследованиями не улучшится до тех пор, пока не будут решены теоретико-методологические, библиографическо-информационные и другие проблемы, и не углубится демократизация профессиональной

деятельности всего Исторического общества. Было отмечено, что в отечественной историографии проявляется неравномерность научного интереса к различным областям истории и хронологическим периодам. В области планирования исторических исследований следовало бы добиться демократизации и прежде всего углубить связь центра, устанавливающего приоритетные направления, с Историческим обществом. Без гармоничных взаимоотношений, исключающих бюрократизацию, без использования потенциала Исторического общества, насчитывающего несколько тысяч членов, нельзя добиться намеченных результатов.

Необходимо повысить престиж и эффективность исторической науки путем правдивого синтеза опыта строительства социализма и преодоления существующих представлений о прямолинейности исторического развития, что порождает иллюзии, а то и пессимизм относительно перспектив развития общества. Нужен анализ исходных предпосылок социалистического строительства в отдельных странах, их связи с революционным процессом, а также представлений о социализме на отдельных этапах исторического развития. В докладе было подчеркнуто, что необходимо интенсифицировать взаимосвязи и сотрудничество высших учебных заведений, академических институтов и профессиональных исторических учреждений. В. Чапек коснулся проблемы доступности зарубежных исследований, совершенствовании практики стажировок за рубежом и активизации внешних связей чехословацкой историографии. Нельзя допускать, чтобы в крупных зарубежных книгохранилищах отсутствовала новейшая историческая литература. Нынешний динамизм советской исторической науки и других соцстран чехословацкой историографии коснулся пока лишь косвенно.

Основой внешних связей были и останутся рабочие контакты с советской наукой и наукой других стран социализма. Присутствовавшим на съезде историкам СССР, ГДР, МНР, СФРЮ и ПНР докладчик выразил благодарность за сотрудничество.

Планировались сдвиги в популяризации результатов исторических исследований и отмечен заметный прогресс в этой сфере деятельности. Отраднее тесное сотрудничество с рядом издательств и прежде всего с «Чехословацким писателем», где установилась практика дискуссий историков и писателей. Нельзя, однако, допускать подмены исторической науки

исторической публицистикой. Здесь неблагоприятно сказывается отсутствие до сего времени специального научно-популярного исторического журнала, который не может заменить издающийся для учителей журнал «Общественные науки в школе».

Была заявлена необходимость совершенствовать преподавание истории в школах и учебных заведениях Чехословакии. Результатом отграничения науки от обучения, научных, идеологических и педагогических учреждений обозначилась тенденция к провинциализму в подготовке нового поколения исследователей и науки как таковой. Проф. Чапек отметил, что не удалось в полной мере обеспечить подготовку подрастающих научных кадров ни количественно, ни качественно. Особенно это касается специалистов по истории международного рабочего движения и КПЧ.

В заключение докладчик подчеркнул, что современная историческая наука входит в новый этап сложного процесса современной оценки социально-экономического и культурно-политического наследия прошлого. Чехословацкое историческое общество выступает в поддержку усилий КПЧ по перестройке общества с целью достижения качественно новой ступени развития социализма.

9 февраля в Карловом университете состоялось заседание основных секций общества: истории периода феодализма, капитализма и социализма, где были сделаны доклады о современном состоянии

исследований и опубликованной литературы и проведена дискуссия по методологическим вопросам и проблематике исследований в связи с намечаемыми планами.

На следующий день продолжались заседания съезда по секциям: национально-освободительная борьба (1938—1945), новая и новейшая всеобщая история, преподавание истории, архивоведение и вспомогательные научные дисциплины, региональная история и история предприятий, история права.

11 февраля состоялось пленарное заседание, которое вел председатель съезда чл.-корр. ЧСАН Я. Цезар. Участники съезда приняли участие в дискуссии по общим вопросам развития исторической науки. На пленарном заседании с приветственными докладами выступили представители исторических обществ и национальных комитетов СССР, ГДР, ПНР, МНР. После дискуссии с проектом резолюции VI съезда историков участников ознакомил Й. Гарна. Резолюция, принятая единогласно, выступила в поддержку перестройки общества и решений XVII съезда КПЧ.

Чехословацкое историческое общество при ЧСАН подготовило для участников съезда сборник документов VI съезда чехословацких историков.

Фирсов Е. Ф.

ЛИТЕРАТУРА

1. Zprávy Československé historické společnosti při CSAV. Praha, 1989, № 1.

* * *

От редакции. В информативной заметке говорится об официальной историографии. Однако в Чехословакии наряду с ней существует историография неофициальная. Явление это для нас не ново, достаточно вспомнить многочисленные работы 70-х — начала 80-х годов советского историка Р. А. Медведева, для официальной историографии периода «застоя» как бы не существовавших. В СССР неофициальную историографию представляет большая группа профессиональных историков, принявших активное участие в разрывании самой ранней в социалистических странах перестройки, «пражской весны» 1968 г., осудивших «доктрину Брежнева» и ее практическое осуществление в отношении Чехословакии 21 августа 1968 г. В 70-е годы эти историки оказались вне академиче-

ских институтов и вузовских кафедр. Тем не менее их профессиональная деятельность не прекратилась, они не замкнулись в себе, не закрылись от общества плащом страдальцев. Однако потребовалось почти десять лет, чтобы выкристаллизовалась идея самостоятельного издания того, что постепенно накапливалось в письменном столе. С 1978 г. эта группа историков издает сборники «Historické studie», отдельные статьи и монографии. Эти публикации имеют своего читателя как в стране, так и за рубежом, поэтому считаем необходимым информировать о них также советскую общественность, поскольку только сборников до настоящего времени издано 22. В начальный период эта группа издавала работы, основанные на архивном материале, накопленном в 60-е годы (исследования В. Ку-

рала о судетонемецкой проблеме и чешском движении Сопротивления, Р. Бржаха о внешней политике Чехословакии в период Локарно, И. Долежала, Ф. Червинки о чешской культуре в период гитлеровской оккупации). В дальнейшем такие работы появляются редко (Я. Опат «Т. Г. Масарик в Чехии в 80-х годах (1882—1891). Материалы к биографии». Прага, 1985). Остальная продукция неофициальной историографии имеет характер синтетических очерков. Ее преимущество заключается в оригинальности, нетрадиционности постановки проблем и их интерпретации. Сюда можно отнести серию статей М. Отагала о политических течениях в чешских землях в XIX в., монографии Я. Кржена и В. Курала об отношениях чехов и немцев в чешских землях с конца XVIII в. и до 1945 г., М. Гаека и Г. Мейдровой по истории Коминтерна, статьи И. Яблоничкого о словацком движении Сопротивления.

Чехословацкая неофициальная историография не ограничивается узловыми проблемами чешской и словацкой истории. В «Historicke studie» мы найдем статьи по русской истории: К. Кинского

о политике России и Болгарии в 1876—1887 гг.; И. Сладека о восстании на броненосце «Потемкин»; Р. Старжика о борьбе русской охраны против русских социалистов; М. Реймана (ныне профессор Свободного университета в Западном Берлине) об Октябрьской революции в контексте русской и советской истории.

Интересны дискуссионные материалы сборников, в частности, по проблеме выселения немецкого населения с территории Чехословакии после второй мировой войны. Сборники имеют также библиографический раздел. Не все работы неофициальной историографии равноценны. Ее недостатки определяются сложностью ее существования, недоступностью архивов; для некоторых — легкостью «публикации» или излишним фрондированием с официальными легендами, порождающим зачастую легенды неофициальные и т. д. Тем не менее можно без преувеличения сказать, что неофициальная историография Чехословакии — неотделимая, легитимная часть национальной культуры чешского и словацкого народов.

Пол И. И.

ПАМЯТИ Ю. И. ВЕНЕЛИНА-ГУЦЫ

21—23 марта 1989 г. в Ужгороде состоялась первая за годы Советской власти научная конференция, посвященная изучению научного наследия выдающегося слависта, уроженца Закарпатской Украины Ю. И. Венелина-Гуцы (1802—1839). Научные достижения ученого привлекали внимание многих исследователей и общественных деятелей еще в XIX — начале XX в. Однако если во всех основных энциклопедиях XIX в. Ю. И. Венелин не был забыт, то в выпусках энциклопедий советского времени для него места не находилось. Только в перестроечное время, когда советская историческая наука по-новому начала оценивать прошлое, стало возможным пересмотреть и концепцию научного наследия Ю. И. Венелина-Гуцы. Это и дало толчок к подготовке конференции на тему: «Ю. И. Венелин-Гуца и развитие межславянских связей», которая подвела итог сделанного в нашей стране и за рубежом, наметила пути углубленного, комплексного изучения вклада слависта в науку, его роли в развитии межславянских связей.

Конференцию проводили Ужгородский государственный университет, Институт славяноведения и балканистики АН

СССР и Закарпатская областная организация Украинского общества охраны памятников истории и культуры. В ее работе приняли участие ученые Москвы, Воронежа, Киева, Минска, Кишинева, Львова, Черновцов, Вивницы, Тернополя, Ивано-Франковска, а также зарубежные ученые из ЧССР и НРБ.

На трех пленарных заседаниях было 11 докладов и на двух заседаниях секций — 35 докладов и сообщений; говорилось как о новом, оригинальном, важном, что Ю. И. Венелин внес в науку, так и о допущенных им ошибках. Наследие ученого анализировалось на общем фоне развития гуманитарных наук не только в России и на Украине, но и в странах Европы. Большинство докладов было построено на новом архивном материале, значительная часть которого впервые вводилась в научный оборот, на широком изучении библиотечных фондов СССР, ЧССР, НРБ, ПНР, ГДР, ФРГ, Франции и других стран.

Доклад Т. Байцуры (ЧССР) «Ю. И. Венелин и развитие славяноведения в России в первой половине XIX в.» ярко показал, что Ю. И. Венелин исследовал такие сложные вопросы, как происхож-

дение славянских народов, образование раннефеодальных славянских государств, основные этапы развития межславянских связей и т. д.

Закономерно, на наш взгляд, и то, что на конференции активно обсуждались некоторые аспекты истории Закарпатья в плане оценки их в трудах Ю. И. Венелина. Здесь в первую очередь следует назвать доклад чл.-корр. АН УССР Ф. П. Шевченко «Закарпатье и его место в общеукраинском процессе», д-ра ист. наук И. Г. Шульги — «О развитии исторической науки в Закарпатье», д-ра ист. наук И. И. Попа «Ю. И. Венелин и проблемы национального самосознания закарпатских украинцев», проф. М. М. Данилака (ЧССР) — «Об участии населения Закарпатья в революции 1848 года».

О вкладе Ю. И. Венелина в укрепление межславянских связей говорилось в 17 докладах. Почти все их авторы убедительно показали, с одной стороны, наиболее значимые межславянские культурные параллели, историко-генетические факторы, порождавшие самобытные жанрово и стилистически многогранные явления, а, с другой, — общие моменты в истории славянства. Процессы в национальной литературе, скажем, восточнославянских и южнославянских народов, характеризовали широкие связи Ю. И. Венелина с учеными разных славянских стран. Большинство докладчиков выступило с новаторскими разысканиями, вызвавшими оживленную дискуссию.

Болгарские ученые, в частности проф. И. Конев в докладе «Ю. И. Венелин и становление европейской болгаристики», проф. Д. Леков в докладе «Ю. И. Венелин и болгарская интеллигенция эпохи Возрождения», отметили, что тема «Венелин и Болгария» связывается ныне не столько с зональностью изучения отдельных литератур славянских народов, сколько с системным взаимодействием славянских культур вообще, их взаимообогащением путем качественно новых подходов к реализации типологических и контактологических взаимоотношений в международном масштабе. Ибо концептуальная сущность взглядов Ю. И. Венелина, так сказать, в определяющих ипостасях не только до сих пор не утратила своей значимости, но напротив — приобрела актуальное звучание в вопросах народоведения, развития славистической науки, истории. Болгарские ученые, как и другие докладчики, доказали, что наследие Ю. И. Венелина имеет международное значение.

Среди проблемных докладов, побуж-

дающих к конкретному разговору о месте Ю. И. Венелина в контексте межславянских взаимоотношений, его роли в процессе формирования и становления славистики в целом и болгаристики — в частности, выделялись исследования канд. филол. наук Г. К. Венедиктова, д-ра ист. наук Л. П. Лаптевой, д-ра ист. наук В. В. Нимчука, д-ра филол. наук Е. И. Деминой, д-ра ист. наук Л. В. Гориной, д-ра филол. наук И. А. Дзедзелевского, проф. Я. И. Штериберга, д-ра ист. наук И. Ф. Грека, д-ра ист. наук В. Е. Задорожного, болгарского ученого канд. филол. наук К. Динчева.

Ряд докладов (В. С. Поп, канд. филол. наук Т. М. Чумак, В. И. Падяк) касался развития литературного процесса в Закарпатье. Авторы показывали влияние наследия Ю. И. Венелина, рассказывали об отражении деятельности ученого в закарпатской периодике.

На выездном заседании в Сваляве, родине ученого, говорилось о вкладе Ю. И. Венелина в развитие отечественной науки. Первый секретарь Свалявского райкома Компартии Украины, канд. ист. наук Г. Г. Кемениш рассказал о том, как чтут память Ю. И. Венелина на Свалявщине, а также о больших преобразованиях, происшедших здесь за годы Советской власти.

На заключительном пленарном заседании с докладом о деятельности Закарпатской областной организации Украинского общества охраны памятников истории и культуры выступила З. А. Сухан. Участники конференции обсудили формы увековечения памяти Ю. И. Венелина, вопросы улучшения охраны памятников истории и культуры Закарпатья.

Конференция наметила меры по дальнейшему, более глубокому комплексному исследованию наследия Ю. И. Венелина совместно с учеными НРБ и ЧССР, более тесному объединению усилий ученых-историков, филологов, фольклористов и философов.

В заключение следует отметить такой отрядный факт, как издание накануне конференции ценного библиографического указателя «Юрій Іванович Венелін-Гуца» (Ужгород, 1989, 91 с.), составленного сотрудниками библиотеки Ужгородского госуниверситета Е. Д. Закривидорогой, М. Г. Лютой, Л. А. Мельник, Т. В. Туренко (отв. ред. проф. Я. И. Штериберг и Л. А. Мельник).

Гранчак И., Зиморя Н.

В последние два года оживились связи между славистами СССР и Италии. Летом 1988 г. Институт славяноведения и балканистики АН СССР посетила группа итальянских ученых, включавшая такие общепризнанные авторитеты как проф. Р. Циккио, М. Колуччи, Ч. де. Микелис, ведущих славистов итальянских университетов — Дж. Броджи-Берков, Л. Магаротто, А. Ло Гатто. Их приезд не был запрограммирован планом международного сотрудничества; ему не предшествовали ни длительная переписка, ни преодоление бюрократических сложностей.

Инициатором встречи выступил тогдашний посол Италии в СССР господин С. Романо. Благодаря его усилиям в Институте смогли встретиться и обсудить результаты своих исследований лингвисты и историки, литературоведы и историки культуры. Ученые свободно вступили в непосредственный контакт — общих проблем оказалось достаточно.

Встреча имела не только чисто научное, но и организационное значение. Тогда же, летом 1988 г., было решено провести осенью 1990 г. итало-советскую конференцию, посвященную памяти выдающегося итальянского слависта, Этторе Ло Гатто.

В настоящее время идет активная подготовка этого важного события в нашей научной жизни. Встреча, состоявшаяся в Риме 30—31 октября 1989 г., организованная Итальянской Ассоциацией славистов, Институтом славянской филологии (La Sapienza), Национальным Советом Исследований (CNR) и Институтом славяноведения и балканистики АН СССР, предварила будущую конференцию в Москве.

Основная тема римской встречи — диалог двух культур — стала ступенью, ведущей к разработке общих проблем итальянской и советской славистики, которые будут обсуждаться в Москве осенью 1990 г. В Риме разрабатывался план будущей конференции, намечались ее темы, ставились основные вопросы, вокруг которых будет сконцентрировано внимание советских и итальянских ученых — вопросы культурного диалога.

Диалог как форма взаимодействия двух культур в его разных ипостасях стал доминантой докладов, прочитанных в Риме. Теория диалога М. М. Бахтина стала для многих основополагающей.

Исследователи показали различные его формы: текст — текст, представитель одной и другой культуры; деятель одной культуры — новая, «чужая» (или, напротив, легко узнаваемая, «своя») культура. Были прослежены типы взаимодействия различных видов искусств, например: итальянский роман — русский театр, итальянская новелла — русская поэзия. Отмечалась принципиальная разновременность явлений культуры, входящих в контакт: итальянское средневековье или Ренессанс — русская поэзия XX в. Учитывались и анализировались контакты между представителями двух культур, а также роль культур-посредников (А. А. Гугнин — «Контакты как источник культуры»).

Докладчики конкретизировали понятие диалога на обширном фактическом материале. Восприятие итальянской классики в России, великие флорентийцы и русская поэзия XX в., образ Италии в русской критике — узловые моменты доклада В. А. Хорева. Если В. А. Хорев преимущественно анализировал итальянские реминисценции О. Мандельштама, Б. Пастернака, А. Ахматовой, то доклад Л. Магаротто был посвящен русскому дадаизму и футуризму. А. Ло Гатто рассказала о журнале «Russia», собравшем вокруг себя многих итальянских интеллигентов 20-х годов, о роли Э. Ло Гатто в культурной жизни Италии.

Италия и Россия в XIX в., общность итальянской и русской поэзии, их интертекстуальные связи проследила Н. Марчиалис, анализируя мотив прощания с природой в «Евгении Онегине» и «Обрученных» Мандзони. Исходя из малого по объему материала исследовательница сумела построить стройную концепцию литературного топоса эпохи романтизма. В. В. Мочалова занялась образом Италии, функцией итальянской философии, литературы в русской культуре второй половины XIX в. Она показала, как складывался этот образ — во всей его многогранности — в трудах А. Н. Веселовского, крупнейшего знатока и исследователя итальянской культуры, переводчика итальянской классики. Особо она остановилась на личных контактах выдающегося русского ученого с итальянскими литературоведами, философами, историками. Итали-русским связям XVIII—XIX вв. был посвящен совместный док-

лад Дж. Мораччи и М. ди Филиппо, извлекших из неаполитанских архивов документы, касающиеся России.

Влияние итальянской литературы и театра на русский, профессиональный и любительский театр XVIII в. и на отдельные области народной культуры (лубок, кукольный театр); итальянские группы, сценографы, композиторы в России — вопросы, на которых остановилась Л. А. Софронова.

XVI век оказался в центре внимания ряда докладчиков. Акад. Н. И. Толстой исследовал диалог Автолио Поссевино с Иваном Грозным в аспекте споров о вере. Фиксация внешней, обрядовой стороны русского православия, наблюдения итальянца в России стали для Н. И. Толстого основой реконструкции не до конца выясненных особенностей православия в XVI в., его сущности и обрядности. С. М. Толстая, исследуя этот же памятник — сочинение Поссевино о Московии — рассмотрела его с этнографической точки зрения. Антонио Поссевино оставил множество свидетельств о народном календаре, жилище, кухне и проч., которые до последнего времени не были предметом исследования.

Итальянские специалисты по древним славянским литературам и культурам в основном представили сравнительный анализ отдельных текстов. Дж. Делль Агата впервые блестяще проанализировал итальянский оригинал «Царства славян» М. Орбини и сопоставил его со славянским переводом. Структура текста, его автор и особенности перевода — вот основные проблемы, поднятые исследователем¹. Ч. де Микелис исследовал румынскую рукопись так называемого «Завещания» Василия III и доказал его прямую зависимость от греческого оригинала

¹ Наш журнал предполагает опубликовать эту работу итальянского слависта. — *Ред.*

на основе анализа греческой рукописи из Афонского монастыря. Выстроив иной тип соотношения текстов: румынский — греческий — русский (Сырку считал румынский текст переводом с русского), докладчик предложил новый вариант итало-славянских литературных и языковых связей.

М. Колуччи сделал доклад о текстологии и критике текста, сконцентрировав особое внимание на различии этих отраслей филологии, на проблеме архетипа и оригинала. Он ввел эти проблемы в контекст современной науки о тексте. Р. Пиккио также поставил важный теоретический вопрос о критике и передаче текста, вступив в дискуссию с М. Колуччи. Р. Пиккио анализировал Жития Кирилла и Мефодия, говорил о принципах критического издания Житий, указав на их возможный общий текстовый источник. Дж. Дзиффер, добавивший к известным 48 спискам Жития Кирилла еще несколько, соотнес его текст с церковным календарем и предложил учитывать в будущем издании и чисто художественный аспект Жития (проблемы жанра, цитаты и проч.) С советской стороны не было специальных докладов о славянских просветителях, но этот недостаток был восполнен содержательной дискуссией, которую вел Н. И. Толстой с Р. Пиккио.

Чрезвычайно интересным оказался доклад Э. Банфи о балканистике в Италии.

Все докладчики принимали участие в дискуссиях, которые стали значительной частью конференции. Советским участникам показали Институт славистических исследований в Риме, где проходила конференция, библиотеку, рассказали о принципах обучения. В целом конференция прошла удачно: диалог состоялся. Его можно считать некоей точкой отсчета в развитии научных связей между славистами Италии и СССР.

Софронова Л.

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС» (МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)

Данная конференция проходила с 23 по 25 мая 1989 г. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР, в ней приняли участие литературоведы из ЧССР, ВНР, ПНР, ГДР, НРБ, а также

сотрудники Сектора славянских литератур Института. Было заслушано и обсуждено 32 доклада. Со вступительным словом и приветствием к участникам конференции обратились д-р филол. наук

В. А. Хорев, канд. филол. наук Л. Н. Будагова, председатель оргкомитета д-р филол. наук С. В. Никольский и акад. Д. Ф. Марков.

Доклад д-ра С. Вольмана (ЧССР) был посвящен проблеме литературных связей как составной части международной литературной системы. Оратор подчеркнул, что каждая литературная формация определяется корреляциями между своими элементами. Механизм воздействия литературных связей на развитие литературных формаций носит мутагенный характер. В докладе С. В. Никольского (СССР) рассмотрены, в частности на примере творчества Г. Уэллса, К. Чапека, русской культурной жизни XIX в., различные функции (эвристическая, интегрирующая и др.) интернационального литературного общения, являющегося одним из факторов формирования общечеловеческого гуманистического сознания. Проф. Х. Янашек-Иваничкова (ПНР) отметила, что сравнительные исследования разных литератур могут играть определенную роль в преодолении психических и интеллектуальных различий, отделяющих народы друг от друга и являющихся причиной априорных предубеждений. Одна из проблем, затронутых канд. филол. наук Ю. Д. Беляевой (СССР) («Синхронные и диахронные литературные связи») касалась многоступенчатости влияющей восприятия и синхронизации далекого (или близкого) наследия как проявления этой многоступенчатости. Диапазон диахронных связей, как отметила докладчица, шире диапазона связей синхронных. Д-р Д. Дюришин (ЧССР) посвятил свое выступление проблемам исследования межнационального литературного процесса. Отмечалась необходимость анализа его закономерностей, выработки соответствующих категорий. Докладчик остановился на различных формах дополнительного включения литературных ценностей в литературный и межлитературный процесс (переводы, новые архивные открытия и др.). Л. Н. Будагова (СССР) в своем докладе подняла вопрос о необходимости нового подхода к изучению литературных связей на этапе формирования и развития социалистических литератур, когда наряду с созданием предпосылок для обмена творческим опытом между народами и поколениями возникали невиданные прежде полюса отталкивания от векового и современного опыта мировой литературы (в частности, стремление отмежеваться от так называемого буржуазного искусства). Проф. И. Конев (НРБ) подверг

критическому рассмотрению концепцию европеизации отдельных литератур и культур, представленную в работах западноевропейских и американских исследователей. С точки зрения докладчика, противоположной является тенденция отождествлять объемное понятие европеизации с понятием вестернизации и тем самым ограничивать не только пространственный, но и внутренний контекст самой европеизации как мирового процесса обогащения национальных культур. Систематизации типов литературных общностей было посвящено выступление канд. филол. наук С. Игова (НРБ), отметившего, что межнациональная литературная формация — один из важнейших типов таких общностей. В докладе выделен принцип корреляции как структурообразующий для ряда литературных формаций (в частности, для славянских, балканских общностей). Канд. филол. наук И. Влашек (ЧССР) вынес на суд слушателей размышления о судьбе сонета в славянских литературах, о роли этого жанра в литературном процессе, обратил внимание на возможность появления у славян сонета лишь вслед за псевдосонетом, который в древнегреческой литературе возникает в XV в., а в русской — в XVII в. В докладе проф. М. Квапила (ЧССР) рассматривались различные аспекты периодизации и терминологии славянских литератур на рубеже XIX и XX вв.

Ряд докладов был посвящен проблеме литературных связей в ее отношении к стадильности литературного развития. Канд. филол. наук Б. Ф. Стахеев (СССР) показал, что переход из одной стадии развития литературы в другую связан с расширением потребности в анализе и усвоении общечеловеческого социально-правового и культурно-художественного опыта. Изменения в характере литературных связей не всегда совпадают со сменой стадий литературного развития, но находятся с ней в двустороннем взаимодействии. Доклад д-ра филол. наук Г. Д. Гачева (СССР) был посвящен литературным связям между странами и литературами, находящимися на разных стадиях общественного и художественного развития. Докладчик выделил два типа связей: связи равномошные (с влиянием в обе стороны) и неравномерные связи (учительство — ученичество), характерные для русской и болгарской литератур в XIX в. Канд. филол. наук А. В. Липатов (СССР) отметил необходимость осмысления литературных связей в свете закономерностей развития общеевропей-

ской литературной системы. Они являются той сферой, которая обуславливает самовоспроизводство, географическое распространение, историческую эволюцию этой системы и отдельных ее составляющих (национальных литератур). Доклад канд. филол. наук И. И. Калганова (СССР) был посвящен эстетическим представлениям средневековых книжников — создателей первых славянских оригинальных литературных сочинений. Была уточнена сфера применения понятий «составление», «простое дополнение» и других, предлагаемых Р. Пиккио и В. Федером, и выдвинуто положение об эстетическом принципе мозаичности как доминирующем на протяжении всего славянского средневековья. В сообщении канд. филол. наук Л. К. Гаврюшиной (СССР) рассмотрены некоторые принципы заимствования в древнеславянских литературах на примере взаимодействия сербской и русской житийных традиций в XVI в. В докладе канд. филол. наук Л. Шаргиной-Немети (ВНР) рассматривалась проблема взаимовлияния и трансформации идей в эпоху Просвещения. Распространение идей Просвещения было связано с проблемой отношений между центром и периферией культуры. Иллюстрацией такого типа отношений и конфликтов могут служить отношения между французским и русским Просвещением (трансформация идей Просвещения, борьба за оригинальную литературу в России). В сообщении канд. филол. наук Э. Пановой (ЧССР) отмечена известная суженность рецепции русской баллады в словацкой литературе XIX в., обусловленная перегруженностью последней внештатическими задачами. В докладе канд. филол. наук Д. С. Прокофьевой (СССР) — «Проблемы эпигонства и литературные связи» было показано, что эпигонство представляет интерес как самостоятельная проблема и как одна из форм не только внутрилитературных, но и межлитературных связей (один из примеров — влияние «второстепенных» русских поэтов на творчество Т. Лада-Заболоцкого). Затронувшая проблемы специфики литературных связей в эпоху болгарского Возрождения канд. филол. наук М. Г. Чемоданова (СССР) пришла к выводу, что в практике литературной жизни в этот период шло восстановление не пройденных еще стадий литературного развития. Немалую роль играла болгаризация произведений иноязычных литератур. Канд. филол. наук А. П. Соловьева (СССР) в докладе «Чешско-русские литературные

связи в эпоху реализма» показала, что в 60—70-е годы XIX в., в период оживления культурных связей Чехии с Россией, перевод являлся самым продуктивным типом связей. Д-р С. Леснякова (ЧССР) посвятила свое выступление словацко-русским литературным взаимосвязям в период формирования словацкого литературного реализма (последняя треть XIX в.). Доклад Г. Андялоши (ВНР) затрагивал проблемы импрессионистской критики в Венгрии начала XX в. Сообщение канд. филол. наук Н. Осиповой (СССР) было посвящено новым явлениям в развитии румынско-русских литературных связей в 70—80-е годы XX в., в частности, характеристике вклада семьи румынских ученых Ковачей в исследование русской литературы. В докладе д-ра З. Зентека (ПНР) затрагивались вопросы развития документального направления в прозе XX в., которое развивалось в оппозиции к натуралистическому документализму. Выступившая с докладом «Трансформация воспринимаемого в процессе литературных связей» канд. филол. наук В. В. Мочалова (СССР) отметила, что в XVIII в. специфика развития оригинальной повествовательной литературы на русском языке проявлялась в таком усвоении импульсов, получаемых из европейских литератур, в процессе которого возникала своеобразная амальгама заимствуемого и местного (так, немецкая народная книга «Тиль Уленшпигель» превращается на русской почве в авантюрный роман с инкрустациями из других жанров). В докладе канд. филол. наук У. Махт (ГДР) на материале переводов поэзии Л. Новомеского на немецкий язык разными авторами — Ф. Бергером и П. Винсом — решались проблемы влияния поэтики автора-переводчика на степень адекватности переводов. В своем сообщении «Своеобразие творческих связей в поэзии» канд. филол. наук Н. А. Богомолова (СССР) остановилась, в частности, на проблемах художественного перевода — той форме взаимодействия двух поэтических текстов, которая предполагает особенно глубокое соприкосновение творческих индивидуальностей («неповторимость повторения»). Особенности творческих связей поэта и переводчика рассмотрены на примере перевода Я. Ивашкевичем «Бабочки» А. Фета. В сообщении канд. филол. наук О. Р. Медведевой (СССР) на материале творчества В. Гомбровича (его повести «Транс-Атлантик» в сопоставлении с польской шляхетской гавендой) рассматри-

вается небезразличная и для сравнительного литературоведения проблема качества восприятия, обусловленного типом конструкции произведения и его адресатом. Делаются выводы об особенностях восприятия литературы, в которой доминантой является не групповой, а личный уникальный опыт читателя. Канд. филол. наук А. Пфайфер (ГДР) выступила с докладом «К проблеме протохонизма в исследовании литературы», затронув вопросы изучения национальной румынской культуры и искусства. Выступление Е. Н. Масленниковой (СССР) было посвящено проблемам синтеза разнонаправленных тенденций в процессе литературных связей на примере венгерской литературы XX в. Докладчица остановилась, в частности, на проблемах восприятия Т. Манна в Венгрии, охарактеризовала «манновскую» и «фейхтвангеровскую» линии в развитии венгерской исторической прозы. Канд. филол. наук Б. Лукач (ВНР) выступила с докладом «Проблема

литературной преемственности и закономерности в сфере художественной формы»; в сообщении канд. филол. наук М. Кусы (ЧССР) затрагивались проблемы межнациональных отношений в эпоху социализма.

В ходе дискуссии обсуждался вопрос о содержании термина «межлитературный процесс», проблемы двуязычия и многоязычия литературы и вопрос о региональных литературах и литературных общностях. Немало споров вызвал поднятый участниками конференции вопрос об изучении связей на этапе формирования и развития социалистического направления в искусстве. В дискуссии приняли участие сотрудник Института русской литературы АН СССР (Пушкинский дом) канд. филол. наук И. Станинич, сотрудник Института славяноведения и балканистики АН СССР канд. филол. наук Ю. В. Богданов и др.

Гаврюшина Л.

ТРЕТИЙ НАУЧНЫЙ СЕМИНАР ПО СОРАБИСТИКЕ

23—25 января 1989 г. Институт славяноведческих исследований Львовского государственного университета им. И. Франко проводил Третий научный семинар по сорабистике, посвященный 40-летию образования ГДР.

Впервые на этом семинаре присутствовали гости из Лужицы — директор Института серболужицкого народоведения АН ГДР (г. Бауцен) проф., д-р ист. наук М. Каспер — зам. председателя национального Комитета славистов ГДР, а также зав. отделом этого института М. Фелькель.

Участниками семинара были научные сотрудники, преподаватели, аспиранты институтов и университетов различных городов Советского Союза, председатель правления Львовского отделения Союза писателей Украины Р. М. Лубковский, поэт В. И. Лучук, журналист из Минска А. П. Трояновский. Состав участников семинара, появление в нем новых имен свидетельствует о возрастающем интересе к вопросам сорабистики.

На пяти заседаниях семинара было прочитано 24 доклада, посвященных проблемам развития и изучения серболужицкого языка, истории, литературы, культуры и этнографии лужицких сербов.

Семинар открыл д-р филол. наук

К. К. Трофимович, зав. кафедрой славянской филологии, где 30 лет назад было положено начало львовской сорабистики. С тех пор вышло 120 публикаций — статей, рецензий, брошюр и учебных пособий. К. К. Трофимович напомнил о традициях изучения серболужицкого языка и литературы в Львовском университете, а также о традициях сорабистического семинара, который проводится раз в два года.

В докладе М. Каспера «Серболужицкое народоведение в ГДР: итоги и перспективы» были освещены основные направления и планы работы Института серболужицкого народоведения АН ГДР — комплексного центра научных исследований по сорабистике в ГДР. Здесь ведутся работы по изучению культуры, искусства серболужичан, начаты этносоциологические исследования. Среди научных достижений института — Серболужицкий лингвистический атлас в 15-и томах, 2-томный немецко-верхнелужицкий словарь, История серболужичан в 4-х томах, История литературы в 4-х томах (вышло два тома) и др. М. Каспер отметил большое значение научного сотрудничества института с учреждениями славянских стран для укрепления национального самосознания серболужичан и взаимообогащения культур.

Были заслушаны доклады чл.-корр. АН УССР, зав. отделом Института литературы АН УССР, председателя Украинского комитета МАИРСК Г. Д. Вервеса — «Некоторые вопросы развития современной славистики», д-ра ист. наук, проф. МГУ Л. П. Лаптевой — «Изучение лужицких сербов в Киевском университете в конце XIX — начале XX в.», д-ра филол. наук, проф. А. Д. Дуличенко (Тарту) — «Феномен литературно-языкового параллелизма у серболужицян в европейском лингво-культурном аспекте», канд. филол. наук, доц. Львовского университета В. А. Моторного и Я. И. Кравца «Сербская Лужица в зеркале галицкой прессы XIX в.».

Г. Д. Вервес, охарактеризовав состояние изучения славянских литератур у нас и за рубежом, остановился на новых задачах в их исследовании в связи с революционным этапом в жизни советского общества, на необходимости преодоления вульгарного социологизма; на освещении так называемых «белых пятен» в истории этих литератур.

Доклад Л. П. Лаптевой привлек внимание новыми архивными данными из истории изучения серболужицян на Украине. О живом интересе к серболужицанам в Киевском университете в XIX в. свидетельствует деятельность Т. Д. Флоринского. В его «Лекциях по славянскому языковедению» есть сведения о серболужицком языке, им написан некролог о Я. А. Смолере. Сохранилось несколько писем Т. Д. Флоринского к лужицанам. Л. П. Лаптева познакомила слушателей с рукописью неизвестного киевского студента, в которой представлена история серболужицкой литературы, начиная с середины XVII в. и до 1870 г. Рукопись, по предположению докладчика, относится к периоду после 1865 г.

Оживленные прения вызвал доклад А. Д. Дуличенко, в котором проблема двувариантности серболужицкого литературного языка рассматривалась в широком европейском контексте. Автор остановился на идее о возможном сближении двух серболужицких литературных языков. В связи с этим он высказал мысль о необходимости создания сопоставительной грамматики верхне- и нижнелужицкого литературных языков, которая могла бы дать материал для обоснования этой идеи.

Доклад В. А. Моторного и Я. И. Кравца содержал обширную источниковую базу, свидетельствующую о большом интересе галицкой прессы XIX в. к серболужицанам.

В докладе д-ра ист. наук А. С. Мыльникова (Ленинград) «Культура полабских славян в немецкой историографии XVII—XVIII вв.» было освещено восприятие полабских славян в немецкой общественной мысли XVII—XVIII вв. на основании данных энциклопедических справочников и словарей, рассмотренных как источники для изучения полабских славян в контексте других славянских народов. Не все участники семинара согласились с тем, что используемый автором материал можно считать историографическим.

Аспирантка ЛГУ С. Э. Бокариус представила тщательно выполненное описание лужицкого свадебного обряда, которое в значительной степени явилось результатом ее полевой работы.

В докладе д-ра филол. наук, проф. Ужгородского университета Н. И. Зимомри показана роль одного из выдающихся деятелей лужицкого возрождения Я. П. Йордана в истории развития связей между славянскими народами (40—70-е годы XIX в.), значение его издательской деятельности, отношение к славянскому фольклору.

Доклад А. Л. Рыбалко, зав. отделом Центрального государственного архива Октябрьской революции (г. Киев) был основан на архивных документах, связанных с одним из эпизодов лужицко-украинских взаимосвязей — пребыванием на Украине лужицкого филолога Я. А. Глована.

Д-р филол. наук Л. Н. Смирнов (ИСБ) посвятил свой доклад «Л. Штур и лужицкие сербы» контактам словацких и лужицких культурных деятелей. Его внимание привлекло путешествие выдающегося деятеля словацкого национального движения середины XIX в. по Лужице весной 1839 г. и публикации об этом в «Časopis Českého Musea».

Б. И. Бендзер, проф. Ужгородского университета, анализируя роман Ю. Брезана «Феликс Гануш», оценил его как первый лужицкий роман воспитания.

Доклады на третьем и четвертом заседаниях были целиком связаны с языковедческой проблематикой. В докладе канд. филол. наук М. И. Ермаковой (ИСБ) «Серболужицкие памятники письменности и историческая грамматика серболужицкого языка» была поставлена задача создания исторической грамматики серболужицкого языка, филологического изучения и издания серболужицких памятников письменности как источников изучения истории языка, рассмотрены

возможные аспекты изучения соответствующих памятников письменности.

В докладе канд. филол. наук, доцента Витебского педагогического института А. Д. Зинькова — «Славянское и германское начало в идиоматике серболужицких языков» были выявлены германизмы в серболужицком языке — исторические и интернациональные.

Выступление К. К. Трофимовича было посвящено лингвистическому комментарию к «Записке о лужицких наречиях» И. И. Срезневского, которая была найдена и описана Л. П. Лаптевой. Отмечая первостепенную важность данного документа, докладчик подчеркнул необходимость всестороннего его изучения. «Записка» целиком будет опубликована в «Létopis» (журнале Института серболужицкого народоведения), а лингвистический анализ ее будет выполнен Г. Фаске.

В докладе канд. филол. наук Ф. С. Бадевича и ассистента Н. А. Ярмолюка (Львовский ун-т) сопоставляются гипотетические отношения в сфере глагольной лексики на материале русского, болгарского и серболужицкого языков, выявляются различия в составе, структуре, словообразовании.

В докладе канд. филол. наук А. А. Ивченко (Харьковский ун-т) продолжена разработка проблем серболужицкой фразеологии. На материале серболужицкой и украинской фразеологии в сопоставительном плане раскрываются особенности обоих языков в выражении негативной характеристики интеллектуальных качеств человека. В ходе дискуссии был высказан ряд пожеланий докладчику, в частности, в связи с определением реестра запретов для верхелужицкой и украинской моделей. Единодушно был отмечен плодотворный характер направления исследования.

Лингвистическая часть семинара завершилась докладами аспирантки Харьковского университета Г. Н. Карнаушенко и канд. филол. наук, доц. Львовского университета В. Е. Моисеенко.

Значение доклада Г. Н. Карнаушенко определяется тем, что она исследует географическую апеллятивную лексику, важную для разработки этногенетических и исторических проблем на материале серболужицкого языка, который далеко не всегда привлекается в подобного рода работах. Внимание В. Е. Моисеенко было

обращено на некоторые проблемы серболужицко-чешских языковых контактов на письменном уровне. Они решаются автором на большом материале, этих языков, в том числе данных чешских и серболужицких словарей.

Последнее заседание семинара было посвящено различным вопросам изучения серболужицкой литературы и ее связям с литературами других славянских народов. Участниками семинара были одобрены основные положения доклада канд. филол. наук А. А. Гугнина (ИСБ) «Проблемы периодизации серболужицкой литературы». Докладчик подчеркнул важность решения вопроса о периодизации истории любой национальной литературы, которая определенным образом соотносится с историей всей мировой литературы. Это положение раскрывается на примере серболужицкой литературы. В докладе обращено внимание на многие моменты в ее истории, изучение которых может привести к уточнению ее периодизации и определению места в национальном, региональном и общемировом контексте.

В докладе серболужицкого ученого М. Фелькеля «К вопросу о расширении тематики серболужицкой литературы в современных условиях» освещено изменение ее функций в новых общественных условиях жизни ГДР, расширение и обогащение ее содержания, влияние на духовную жизнь серболужичан.

Достойным завершением семинара были доклады А. П. Трояновского («Белорусская тема в творчестве серболужицких писателей как проявление литературных связей»), поэта В. И. Лучука («Тема родного языка в серболужицкой поэзии»), Т. В. Лучука («Национальное сознание серболужичан в зеркале немецкой поэзии (стихотворение Й. Бобровского о Я. Б. Чипинском)»), а также яркое выступление А. Д. Дуличенко о феномене Ондры Лысогорского — создателя ляхского языка (один человек — один язык). О самых последних переводах лужицкой литературы на Украине рассказал Р. М. Лубковский.

Семинар, организованный гостеприимными львовянами, проходил в исключительно доброжелательной, дружеской атмосфере, на его заседаниях нашлось место и острым спорам, и советам, и критическим замечаниям.

Ермакова М. И.

О МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПО СМЕШАННЫМ И ПЕРЕХОДНЫМ ДИАЛЕКТАМ НА СЛАВЯНСКИХ ТЕРРИТОРИЯХ

С 25 по 28 апреля 1989 г. в ПНР, в городах Люблин и Замость проходила Международная славистическая конференция «Смешанные и переходные говоры на славянских территориях», в которой приняли участие специалисты из Австрии, НРБ, ПНР, СССР и ФРГ.

На заседаниях было прочитано и обсуждено 37 докладов, затрагивающих как теоретические аспекты возникновения различных типов контактов в славянском языковом мире, так и представляющих конкретные результаты исследования взаимодействия тех или иных славянских диалектов между собой и с диалектами других языков. Большое внимание, в частности, было уделено польско-восточнославянской контактной зоне.

Особый резонанс вызвал открывавший конференцию доклад Э. Смулковой (Варшава), в котором на основании ряда критериев уточнялось содержание понятий «смешанный говор» и «переходный говор», обозначающих разные типы языковых контактов. К таким критериям, отличающим переходные говоры от смешанных относятся: обязательность близкой степени родства контактирующих языков (диалектов) в переходных говорах и отсутствие этого признака в смешанных; двуязычность носителей смешанного говора и отсутствие таковой в переходном; нейтральность смешанного говора по отношению к признаку «значительная территориальная дифференциация» и отрицательное отношение к этому критерию переходного говора и др. Набор признаков дополняется также критерием осознания носителями говора характера их диалекта. В языковой действительности встречаются также говоры «переходно-смешанного» типа (например, ряд говоров на Смоленщине, на польско-восточнославянском пограничье).

Доклад Г. А. Цыхуна (Минск) «Иновации славянских контактных зон» был полемически направлен против генетического подхода к диалектам славянского пограничья и, соответственно, терминов «смешанный говор», «переходный говор», «заимствование» и «языковая граница». Генетическому подходу должен быть противопоставлен подход ареальной лингвистики, использующей понятие «контактная зона» и учитывающей связи между контактирующими языками. Теоретические положения доклада экземплифици-

ровались материалом польско-белорусской контактной зоны.

В докладе Р. Вальчака (Познань) вопрос о соотношении понятий «смешанный» и «переходный» говор рассматривался на материале генезиса некоторых романских диалектов. С генетической точки зрения переходными говорами являются те, которые возникли на основе дифференциации некогда единого языка (например, франко-провансальские говоры), смешанные же возникают в результате смешения двух (возможно, неоднородных) языков. Докладчик подчеркнул, что введенные Э. Смулковой типологические критерии различения переходных и смешанных говоров соответствуют диахронической концепции возникновения переходных и смешанных диалектов.

Распространяя понятие «смешанный/переходный говор» на говоры, функционирующие внутри этнически однородной языковой территории, К. Хандке (Варшава) на примере говоров южной Кашубии, Кочевья и Боров Тухольских приходит к выводу о невозможности в ряде случаев провести четкую междиалектную границу и о наличии между отдельными диалектами довольно широкой пограничной переходной зоны. Не вдаваясь в полемику о содержании понятий «смешанный говор» и «переходный говор», К. Хандке отмечает, что «в языковой действительности мы имеем дело с наложением или сосуществованием черт переходности и смешения».

Сообщение С. М. Прохоровой (Минск) «К происхождению переходных говоров» было посвящено некоторым синтаксическим явлениям, представляющим собой, по мнению докладчика, следствие балтославянских контактов на территории Смоленщины.

В докладе С. М. Толстой (Москва) на широком славянском фоне рассматривались особенности вокализма западнополюсских говоров. В этих говорах было выявлено три типа перехода гласных, которые выстраиваются в определенную цепочку: $i \rightarrow e$ (типа *робети* и *кормети*), $e \rightarrow a$, $a \rightarrow o$. Условия последнего перехода окончательно не выяснены, во всяком случае они ограничены этимологически, а не обусловлены фонетической позицией. При наличии также перехода безударного o в u западнополюсские говоры демонстрируют любопытную карти-

ну сдвига в вокальной системе. В докладе приводятся аналоги указанным переходам в других славянских языках и диалектах.

Материал различных украинских говоров лег в основу докладов Я. Ригера (Варшава), М. Лесёва (Люблин), Ф. Чижевского (Люблин), А. Сващенко (Харьков), А. Ивченко (Харьков). Так, редактор «Атласа бойковских говоров» Я. Ригер ознакомил участников конференции с результатами определения границ бойковского диалекта. Отметив, что границы эти выделяются на основе разноуровневых данных, исследователь приходит к выводу, что бойковские говоры представляют собой типичный восточнославянский диалект, а его собственные языковые черты «не являются столь яркими». Наиболее типичные признаки бойковского диалекта (в первую очередь, лексические) представлены в его центральной (горной) части. Предложенная языковая характеристика бойковского пограничья может, по мнению докладчика, использоваться при классификации украинских говоров.

Происхождению лексических особенностей лемковских говоров посвятил доклад М. Лесёв. О фонетических и морфологических особенностях говоров Билопольского района Сумской области рассказала А. Сващенко. С докладом «Языковая периферия и переходные говоры (на материале украинских говоров Побужья)» выступил Ф. Чижевский. В докладе А. Ивченко «Лемковская фразеология Пряшевщины (Восточная Словакия)» на конкретном материале развиваются идеи структурного подхода к фразеологизмам. С сообщением о русско-украинских контактах на территории Украины выступила Е. Владимирская (Ольшты).

Южнославянский материал использовался в докладах Г. Невекловского (Клагенфурт), Ю. Удольфа (Геттинген), К. Колевой (Шумен), Г. Колева (София). Г. Невекловски посвятил свой доклад языку хорватов, проживающих в Австрии (в провинции Бургенланд). В качестве «прародины» хорватов Бургенланда определяется, несмотря на наличие некоторых далматизмов, не Адриатика, а территория между Савой и Уной, часть Славонии. Предметом докладов К. Колевой и Г. Колева были болгарские смешанные и переходные говоры.

Проблеме югославизмов в словацком в свете ономастических данных был посвящен доклад Ю. Удольфа. Перечислив южнославянские особенности, традиционно выделяемые для словацкого языка, и

рассмотрев отдельные теории о происхождении этих признаков, докладчик на ономастическом материале делает вывод о параллельном развитии словацкого и южнославянских диалектов, обусловленном их соседством в праславянском. Важность и ценность ономастического материала как источника сведений об истории славянских диалектов убедительно продемонстрировала в своем докладе Э. Жетельска-Фелепко (Варшава), представив результаты исследования топонимов, записанных на территории Ругии, которую в VII—XV вв. заселяли славянские племена поморско-полабской языковой группы. В топонимах запечатлены три вида фонетических особенностей языка этих славян: общие для полабских и поморских диалектов, специфические только для полабской группы и специфические только для поморской группы. Материал Ругии сопоставлялся с данными М. Ежовой о славянских диалектах Мекленбургии и Западного Поморья.

Ономастический материал использовался также в докладах Р. Мрузека (Чешин) и В. Смочиньского (Краков). Р. Мрузек рассказал о методике работы над топонимическим материалом, отраженным в источниках XVIII в. (в силезских кадастровых книгах). Гидронимы и терронимы, извлеченные из этих книг, дают представление и о соответствующих апеллятивах. Методике исследования литуанизмов на примере анализа некоторых имен (в частности, имени Jagiełło) был посвящен доклад В. Смочиньского.

Своим опытом по сбору и изучению диалектного материала (главным образом, лексического и словообразовательного) поделились Б. Фалиньска и А. Ковальска (Варшава). С. Галя (Лодзь) рассказал о методике сбора материала в Ченстоховском воеводстве для «Атласа польских говоров» (руководитель работ К. Дейна). Докладчик остановился на сетке пунктов, критериях выбора информанта, принципах подачи картографируемых явлений.

О различной судьбе континуантов праславянских *tj*, *dj* в славянских диалектах рассказала М. Игнатова (София). Е. Обара (Вроцлав) попытался в своем докладе связать явление интерференции с вопросами перевода. В докладе Б. Франковской-Козак (Щецин) исследуются характерные для говоров Щецинского воеводства интеграционные процессы (в выделенных четырех возрастных группах населения на примере пяти лексико-тематических групп). Отмечается,

что для лексики I и особенно II возрастных групп (старше 60-и и от 40 до 60-и) в большей степени, чем для других, характерны отношения синонимии, а в IV возрастной группе (менее 20 лет) представлена преимущественно общепольская лексика. Доклад М. Саевича (Люблин) был посвящен установлению белорусско-украинской языковой границы на примере полесских брестско-пинских говоров.

В остальных докладах в той или иной степени анализировался материал, представляющий собой результат контакта польской и восточнославянской (украинской, белорусской, русской) языковых систем.

Материал говоров Люблинщины, как в широком плане (на достаточно большой и дифференцирующейся в языковом отношении территории, с использованием методов лингвистической географии), так и в более узком аспекте (описание особенностей одного говора) использовался в докладах С. Вархола, Х. Пельцовой, Е. Сероцюка, М. Бучиньского (Люблин). В докладе С. Вархола «Специфика смешанных и переходных говоров на неоднородных этнически территориях» после обзора различных типов контактов языков А и В на диалектологической карте Польши был приведен большой фактический материал из говоров польско-украинской контактной зоны на территории восточной Люблинщины. Х. Пельцова ознакомила собравшихся с дальнейшими результатами картографирования диалектной лексики на территории Люблинщины. Издав в 1985 г. карты с изолексами малопольского происхождения [1], в настоящее время исследовательница работает над изучением распространения на территории Люблинщины мазовизмов. Анализ лексики показывает, что на востоке Люблинщины не обязательно представлены, как кажется чисто теоретически, типичные «кресовизмы», а отмечаются и соответствия, фиксируемые, например, на Мазовье, в Великой Польше. В связи с этими фактами подчеркивается необходимость учета не только географического, но и экстралингвистического аспекта (административных границ).

Словообразовательным процессам в восточной части Люблинщины посвятил доклад Е. Сероцюк. Пытаясь ответить на вопрос, почему на территории с доминанцией форманта -nik одновременно в названиях места появляется формант -ow-pia, докладчик усматривает здесь многообразие причин. Рассматривается соотношение специализировавшихся суффик-

сов и в других словообразовательных категориях. Об особенностях своего родного говора (говор дер. Хушча Бяльскоподляского воеводства) рассказал М. Бучиньский, выделяя в этом говоре мазовецкие и украинские по происхождению черты. Насыщенный большим конкретным материалом доклад С. Гоголевского (Лодзь) был посвящен формированию конъюгационных типов в переходном польском говоре, в основе которого лежит гуральская разновидность силезского диалекта. Этот говор на протяжении своей истории взаимодействовал со словацким и украинским языками, что нашло отражение, в частности, в фонетических, морфонологических и морфологических особенностях его глагольной системы.

Особенности одного из польских говоров Житомирской области анализируются в докладе Ю. Л. Яворской (Киев). Выделяются элементы, отличающие говор от литературного языка, обусловленные влиянием украинского языка. В. Л. Варенич (Минск), составляющий словарь имен поляков, проживающих в СССР, исследовал в своем докладе интерференционные процессы, отражающиеся в указанном слое лексики.

О результатах исследования северо-восточной разновидности «кресового» диалекта, функционирующей на территории СССР, рассказали И. Грек-Пабисова и И. Марынякова (Варшава). В докладе, в частности, отмечалась трудность квалификации этих говоров (переходные, смешанные, островные говоры) при сложности определения исторически изменчивого престижа двух соседних языков.

В докладе Н. Е. Аваньева (Москва) в качестве примера переходного говора анализировалась речь младшего поколения носителей юго-восточной разновидности «кресового» диалекта, функционирующая в одном из сел Келлеровского района Кокчетавской области Казахской ССР. Выделяется ряд типичных для данного польско-русского переходного говора психолингвистических и языковых особенностей. В частности, ко вторым относится наличие большого числа вариантов и языковых гибридов. Предлагается краткий перечень разноуровневых признаков, отличающих говор младшего поколения от речи среднего и старшего поколений.

В докладе М. Бялоскурской (Щецин) приводились примеры лексических, фразеологических, а также некоторых фонетических и словообразовательных вос-

точнославянизмов из речи старшего поколения жителей Щецинского воеводства, переселившихся сюда в послевоенное время с территории северо-восточных и юго-восточных «кресов».

Список из 80-и названий плетеных изделий, функционирующих в польском говоре дер. Голубивка Житомирской области, был предложен в докладе С. Рудницкого (Житомир). Польские и украинские названия реалий приводились с комментарием о способах изготовления этих изделий.

В сообщении Л. Буп (Люблин) была прослежена история возникновения понятий «кресы», «кресовый», «кресовизм» и определено современное их содержание. В частности, употребление понятия «кресы» в значении «восточные окраины» в докладе связывается с именами уроженца Люблина поэта В. Поля и издателя его поэмы «Mohort» Лудского.

К научным результатам конференции, на наш взгляд, относятся плодотворные попытки внести дифференциацию в недостаточно ясные лингвистические понятия «смешанный говор» и «переходный говор» (доклады Э. Смулковой, Р. Вальчака и др.), демонстрация перспективности использования методов ареальной лингвистики и картографирования для территорий, на которых в настоящее время или в древности осуществлялся контакт меж-

ду диалектами одного языка или разных языков. Заслуживает внимания призыв Р. Вальчака при изучении смешанных говоров применять статистический метод. Конференция показала, что накоплен большой фактический материал по контактам польского языка с восточнославянскими языками, что позволяет выдвинуть задачу обобщения этих данных и последующего типологического сопоставления их с предварительно обобщенным материалом по контактам польского языка с другими группами славянских и неславянских языков. Сам факт организации конференции люблинскими славистами и содержание ряда докладов, отражающих успешную работу их авторов над местными говорами, вселяют безусловную уверенность в том, что для слов Б. Фалиньской, высказанных ею в ходе одной из дискуссий, относительно того, что «Подлясье и Люблинщина — это белое пятно на карте Польши», в ближайшем будущем не будет никаких оснований.

Ананьева Н. Е.

ЛИТЕРАТУРА

1. Studia nad słownictwem gwarowym Lubelszczyzny. Cz. I. Słownictwo pochodzenia małopolskiego. Lublin, 1985.

КНИЖНАЯ ПОЛКА СЛАВИСТА

- Peic J.* Jan Kochanowski poeta Renesansu. Warszawa, 1988, 199 s.
Prace polonistyczne / Łódzkie t-wo nauk.; Red. nac. Skwarczyński Z. et al. Wrocław etc., 1988. Ser. 43 (1987), 368 s., 1 ark. portr.
- Riznerová-Podjavorinská L.* Listy L'udmily Riznerovej-Podjavorinskej / Pripr., dvodnú štúdiu a poznámky napísal Kocák M. Martin, 1988. I. (1889—1918), 427 s.
- Bobrowski I.* Gramatyka generatywno-trasformacyjna (TG) a uogólniona gramatyka struktur frazowych (GPSG): Próba porównania i oceny obu teorii z punktu widzenia ich przydatności do opisu wybranych faktów składniowych polszczyzny. Wrocław, 1988, 197 s.
- Rzepa K.* Socjaliści polscy w Niemczech do 1914 roku. Warszawa, 1988, 263 s.
- Sławińska I.* Odczytywanie dramatu. Warszawa, 1988, 320 s.
- Stala M.* Metafora w liryce Młodej Polski: Metamorfozy widzenia poetyckiego. Warszawa, 1988, 349 s.
- Stanislav I.* Život v slote: Rozprávanie o prof. Jánovi Staníslavovi. Bratislava, 1987, 245 s., il.
- Stanislav Smalák:* Personálna bibliografia / Zost. Gerbócová J. Martin, 1988, 153 s.
- Starnawski J.* Wspazjan Kochowski. Wrocław etc., 1988, 60 s.
- Studia nad organizacjami polonijnymi w Ameryce północnej: Pz. zbior. / Pod red. Babińskiego G.; Pol. akad. nauk. Kom. badania Polonii. Wrocław etc., 1988, 203 s.
- Studia nad etnogenezą słowian i kulturą Europy wczesnośredniowiecznej: Pr. zbior. / Pod. red. Labudy G. i Tabaczyńskiego S.; Pol. akad. nauk. Kom. nauk hist. Wrocław etc.; 1987. T. I. 280 s. ill.
- Tazbir J.* Szlachta i teologowie: Studia z dziejów pol. kontreformacji. Warszawa, 1987, 320 s., 16 ark. il.
- Tomasik W.* Polska powieść tendencyjna, 1949—1955: Problemy perswazji lit. Wrocław etc., 1988, 214 s.
- Wójcik P.* Położenie i aspiracje klasy robotniczej w Polsce. Warszawa, 1988, 296 s.

CONTENTS

- Novopashin Ju. S.* Real socialism and self-determination of nations. *Stykalin A. S.* Struggle for democratization of the educations system in Hungary during the peoples-democratic revolution. *Churkina I. V.* Vuk Stefanovich Karadzich and Michail Fedorovich Raevskij. *Danchenko S. I.* Russian journalism about Serbia and russian-serbian relationships (1885—1903). *Sojronova L. A.* To the question of the cultural history. *Rusanovsky V. M.* Functions of language and the tascs of social linguistics. *Nikolaeva E. K.* Polish steady comparisons with mythological component. *Gindin L. A.* Funeral rite of Attila (Iord. XLIX, 256—258) and funeral feast of Olga for Igor (PVL, 6453) 3

From the history of slavic studies

- Nenasheva Z. C., Hightredinov H. H.* To the 50th anniversary of department of history of Southern and Eastern Slavs of historical faculty of Moscow State University (Forming of the concept of scientific and educational work). *Gorainov A. N.* Slavists as victims of repressions in 1920—1940: some unknown pages from history of Soviet science 68

Communications

- Bulatova R., Chagaeva E.* The periodic edition of archeographs from Peoples library of Serbia. 90

Peoples, events, facts

- Matko P.* About Jaroslav Hashek and Karel Vanek 95

Review articles and reviews

- Edemskij A. B.* Политические уроки одного конфликта. *Kirshevskaja A. N.* Declived expections. *Zhukov A. V. M. Ф. Алефіренко.* Теоретичні питання фразеології. *Sannikova O. V. L. Pełka.* Polska demonologia ludowa 99

Notes of books

- Freidenberg M. M.* Medieval studies on the pages of «Works» of philosophical department at the university of Zadar. *Nemirovskij E. L. Б. Маринковић.* Библиографија о нашем ћириличком штампарству, штампаријама и књигама XV, XVI и XVII столећа. Прва књига. «Мних Макарије от Чрније Гори» (XV—XVI). 108

Scientific life

- E. N.* 600th anniversary of Kosovo's battle. *Firsov E. F.* VI Congress of Czecho-Slovak historians. *Granchak I., Zimomrya N.* In memory of Ju. I. Venelin-Gutsa. *Sojronova L.* Dialogue of two cultures. *Gavryushina L.* International conference «Literary Relationships and literary process» (Methodological and comparative-historical aspects). *Ermakova M. I.* The third scholarly seminar on sorbian studies. *Ananjeva N. E.* On the International conference on the mixed and transitive dialects in the Slavic areas 111

Технический редактор *Е. В. Синицына*

Сдано в набор 11.12.89	Подписано к печати 07.02.90	А-08422	Формат бумаги 70×108 ^{1/16}	
Высокая печать	Усл. печ. л. 11,2	Усл. кр.-отт.	Уч.-изд. л. 12,7	Бум. л. 4,0
	Тираж 1345 экз.	Зак. 3808	Цена 1 р. 20 к.	

Адрес редакции: 121069, Москва Г-69, Трубликовский переулок д. 30а.
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-93, Шубинский пер., 6

1 р. 20 к.

Индекс 70891